

МИНИСТЕРСТВО
ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АКАДЕМИЯ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

Нам 50!

ФН

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

3/2008

Москва
Гуманитарий

Научный образовательный просветительский журнал
Издается с 1958 года

Редакционный совет журнала “Философские науки”

Алексеев П.В., Апресян Р.Г., Губин В.Д., Гусейнов А.А.,
Доброхотов А.Л., Журавлев А.Л., Кристиан Д., Кузнецова Т.Ф.,
архимандрит Макарий, Мариносян Х.Э. (председатель),
Мионов В.В., Павлов А.Т., Пивоваров Ю.С., Розин В.М.,
Рыбаков Р.Б., Рябов В.В., Солонин Ю.Н., Степанянц М.Т.,
Степин В.С., Толстых В.И., Турбовской Я.С., Фельдштейн Д.И.

Редакция журнала:

Аршинов В.И., Водолазов Г.Г., Ермишин О.Т., Пантин В.И.,
Розин В.М., Северикова Н.М., Федоров В.М.

Ответственный секретарь: Пружинина А.А.

Верстка: Русак И.Ф.

Шеф-редактор: Мариносян Х.Э.

<http://www.academyRH.info>

E-mail: academyRH@list.ru

Журнал включен в «Реферативный журнал» и
в базы данных ВИНТИ РАН.

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной
справочной системе по периодическим и продолжающимся
изданиям «Ulrich's Periodicals Directory».

Подписные индексы журнала:

– в Объединенном каталоге “Пресса России” 45490

– в Каталоге российской прессы “Почта России” 79007

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПН № 15513 от 20 мая 2003 г.
Изд. лиц. ИД № 03821 от 25.01.2001 г.

Подписано в печать 05.03.2008 г. Формат 60x90/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 10,0.
Тираж 1000 экз. Заказ

Отпечатано в ФГУП

«Производственно-издательский комбинат ВИНТИ»,
140010, г. Люберцы Московской обл., Октябрьский пр-т, 403.

© Философские науки, 2008

© Академия гуманитарных исследований, 2008

© Издательский дом «Гуманитарий», 2008

ISSN 0235-1188

ОГЛАВЛЕНИЕ

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

Философия и наука ■

Конструктивизм в современной эпистемологии

<i>В.А. ЛЕКТОРСКИЙ</i>	Конструктивизм и реализм в эпистемологии	5
<i>В.С. ШВЫРЕВ</i>	От классического к современному конструктивизму	10
<i>М.А. РОЗОВ</i>	Познание и инженерное проектирование	21
<i>И.П. ФАРМАН</i>	Конструктивизм как направление. Формирование метода и перспективы	35
<i>Е.Л. ЧЕРТКОВА</i>	Метаморфозы конструктивизма	47
<i>Е.О. ТРУФАНОВА</i>	Конструктивистский подход к Я	57

Практическая философия

<i>ОТ РЕДАКЦИИ</i>	Философия долгожительства	71
<i>Я.В. ЧЕСНОВ</i>	Ландшафт – внутренняя телесность долгожительской культуры абхазов	75
<i>Г.П. ЮРЬЕВ</i>	Пиферные основания долгожительства	84
<i>И.А. ГУНДАРОВ</i>	Влияние духовного состояния населения на динамику смертности в России	97
<i>М.А. ПРОНИН</i>	Личное и профессиональное долголетие: канон тибетской медицины «Чжуд-ши» и виртуалистика	107

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ
Обзоры, объявления, сообщения ■

<i>В.А. ЛЕКТОРСКИЙ</i>	Журналу «Вопросы философии» 60 лет!	132
<i>Н.В. МАЛЬЧУКОВА</i> (Иркутск), <i>А.Ю. НЕСТЕРОВ</i> (Самара)	Искусственный интеллект: философия, методология, инновации	135

Неизвестное прошлое ■

<i>С.Н. КОРСАКОВ</i>	VII Всемирный философский конгресс в истории отечественной философии (Оксфорд, 1930 г.)	138
	■ Наши авторы	159
	■ Contents	160

От редакции

Редакция принимает для рассмотрения материалы, отправленные только по адресу электронной почты журнала (формат MS Word 2,6/7, для архивирования использовать формат ZIP) с обязательным указанием Ф.И.О. автора, места его работы, ученой степени и звания, домашнего адреса, телефона, e-mail. Объем принимаемых материалов – до 40 тыс. знаков (вместе с пропусками).

Цитируемая литература должна быть приведена в конце текста и оформлена в соответствии с ГОСТ 7. 1-2003. В тексте приводится лишь надстрочная сплошная нумерация ссылок, в соответствии с которой в конце текста нумеруется цитируемая литература с указанием соответствующих страниц издания или примечания.

Материалы, полученные редакцией, не рецензируются и не возвращаются.

Авторы опубликованных статей несут ответственность за точность приведенных цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий, прочих сведений и соответствие ссылок оригиналу. Редакция при подготовке материалов к публикации имеет право их сокращать, разумеется, без искажения идей автора и с условием сохранения его основных мыслей и стиля. Позиции редакции и авторов не всегда совпадают.

Журнал является безгонорарным.

**ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА
В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ**

Философия и наука

Конструктивизм в современной эпистемологии

**КОНСТРУКТИВИЗМ И РЕАЛИЗМ
В ЭПИСТЕМОЛОГИИ**

В.А. ЛЕКТОРСКИЙ

Тема конструктивизма сегодня популярна как в эпистемологии, так и в ряде наук о человеке. В этой связи важно ясно представлять, что именно имеется в виду, когда сегодня говорят об эпистемологическом конструктивизме. Речь идет не просто о том, что мышление – это некая деятельность по производству знания. Главная мысль подхода, который сегодня именуется эпистемологическим конструктивизмом, – тезис о том, что реальность, с которой имеет дело познание (как научное, так и обыденное) и в которой мы живем, – это не что иное, как конструкция самого субъекта, иногда сознательная, но чаще всего неосознаваемая. Никакой другой реальности, действительности, помимо конструируемой субъектом, нет и быть не может. Можно считать эпистемологическими конструктивистами Канта, Фихте, Гегеля, неокантианцев (ряд конструктивистских идей унаследовал от немецкой философии начала XIX века Маркс).

Это линия, которую я бы назвал классическим конструктивизмом. В течение веков философы разрабатывали интересующую их эпистемологическую проблематику, а ученые продолжали делать то, что они делали, следуя тому, что когда-то Гуссерль назвал натуралистической установкой и которая не могла быть конструктивистской, а была реалистической. Такая ситуация никого не волновала. Философы считали, что в науке иначе и нельзя. Кант, например,

называл себя и трансцендентальным идеалистом, и эмпирическим реалистом, понимая, что ученый трансцендентальными проблемами не задается: ему дана эмпирическая реальность и его задача — постичь ее. И это делает возможным познание, а познавать и творить — это процессы разные.

Тот современный конструктивизм, о котором хотелось бы сегодня поговорить, отличается от классического, и при этом довольно сильно. Если в прошлом конструктивисты исходили из того, что все-таки существует нечто «данное» сознанию — ощущения сенсуалистов, чувственные данные логических эмпиристов, приборы и измерительные приспособления инструменталистов и операционалистов, набор априорных категорий неокантианцев — то современные конструктивисты исходят из того, что никаких «данных» вообще нет и быть не может и что все когнитивные образования могут быть представлены как конструкции. К этому тезису добавляется другой, не менее важный: сегодня конструктивисты в эпистемологии, как правило, являются релятивистами, чего нельзя сказать ни о старых эмпириках, ни о таких конструктивистах, как Кант и неокантианцы. И, наконец, третья особенность нового эпистемологического конструктивизма: многие его сторонники дают такую социальную интерпретацию когнитивным процессам, согласно которой в действительности речь идет не о познании и получении знания, а о создании определенных конструкций, имеющих чисто социальный смысл и выражающих отношения между разными группами исследователей. С этой точки зрения в принципиальном отношении знание не отличается от мифа, и лучше вообще не говорить о знании, истине и реальности. К подобному истолкованию знания и познания склоняются некоторые влиятельные концепции в эпистемологии, философии науки, истории науки, в социальном анализе научного познания.

Сегодня популярны — не только за рубежом, но и в нашей стране — две конструктивистские концепции: радикальный эпистемологический конструктивизм, возникший среди немецких и австрийских специалистов в области кибернетики, психологии и нейробиологии (я специально ана-

лизировал эту концепцию в статье «Кант, радикальный эпистемологический конструктивизм и конструктивный реализм» («Вопросы философии». 2006. № 8), и социальный конструкционизм, влиятельный среди многих психологов в Англии и США.

Я хочу подчеркнуть специально то принципиально важное обстоятельство, что речь идет не просто о философском истолковании, не имеющем прямого влияния на практику научного исследования, а об обосновании способов понимания и стратегий поведения в той или иной области исследования. Если вы, например, конструктивист в философии математики, то для вас приемлемы отнюдь не все математические теории и способы математического доказательства. Сторонники радикального эпистемологического конструктивизма предлагают свое понимание так называемой «кибернетики второго порядка», взаимоотношения жизни и познания, процесса эволюции и так называемых аутопоэтических систем. В контексте социального конструкционизма дается совершенно нетрадиционное понимание того предмета, с которым имеет дело психолог, и методов его работы, в частности, того, нужно ли и возможно ли строить теории в психологии, проводить эксперименты в социальной психологии и т.д.. При этом речь идет о попытках осмысления нового материала и разработке новых идей. Поэтому для критики антиреалистических выводов современного эпистемологического конструктивизма недостаточно указания на их неприемлемость с общефилософской точки зрения, нужно специально анализировать тот материал, который они пытаются осмысливать и давать ему иное и как представляется критику более интересное и методологически более плодотворное истолкование. Вместе с тем нужно признать, что популярность конструктивистских идей сегодня во многом связана с особенностями современной социальной жизни и с ролью в ней виртуальной реальности и новых информационных технологий, которые в некотором смысле творят повседневную реальность. Поэтому обсуждение проблематики эпистемологического конструктивизма – это не просто попытка разобраться в некоторых новых научных и философских концепциях, но также

и способ осознания той культурной и социальной реальности, в которой оказался современный человек, не только трансформирующий природу, но и «конструирующий» самого себя, включая собственную психику и телесность, при этом — с непредсказуемыми последствиями.

Между прочим, распространенное среди наших философов мнение о том, что эпистемологический реализм — это устаревшая и никем не разделяемая сегодня установка, совершенно не соответствует действительности. Огромное большинство современных эпистемологов и специалистов в области исследования когнитивных процессов, начиная от сторонников научного реализма в философии науки, включая ряд исследователей проблем философии языка и кончая теми, кто работает в когнитивной науке в широком смысле слова и в сфере эволюционной эпистемологии, являются реалистами в разных версиях (референциальный реализм, структурный реализм, прямой реализм и т.д.). Такой, например, известный философ и теоретик психологии, как Р. Харре, являющийся одним из классиков современного социального конструкционизма, придерживается в эпистемологии и философии науки точки зрения «референциального реализма». Мне представляется особенно перспективной позиция конструктивного реализма, которую я связываю, в частности, с современным этапом развития когнитивной науки и которая, как мне кажется, снимает дихотомию конструктивизма и традиционного реализма. Конструктивный реализм, отталкиваясь от известной «экологической теории восприятия» Дж. Гибсона, снимает абсолютное противопоставление «внешних» и «внутренних» процессов в познании. Ряд современных исследователей развивает понимание познания как деятельности в рамках теории динамических когнитивных систем. Познание с этой точки зрения — это не что-то, происходящее «внутри» познающего существа, а динамический процесс, в котором психика, тело познающего существа и окружающий реальный мир — это лишь три аспекта некоей единой деятельности. Познание со всеми своими конструкциями имеет дело именно с реальностью. Вместе с тем познающее существо «вырезает» из реальности именно то, что соотносимо с его

деятельностью. Именно в этом направлении ряд исследователей видят будущее когнитивной науки.

Деятельностное отношение с миром определяет характер и возможности познания. Сегодня, когда бытие человека во все большей степени определяется создаваемой им реальностью (в частности, виртуальной реальностью), когда человек начинает трансформировать собственную телесность, когда современная нанотехнология начинает конструировать предметы и материалы, оперируя теми единицами реального мира (атомы, элементарные частицы), которые философы-эмпирики считали логическими конструкциями из чувственных данных, а конструктивисты простыми фикциями, точка зрения конструктивного реализма представляется мне современной и весьма перспективной.

В любом случае мы никуда не уйдем от необходимости анализировать позицию конструктивизма как эпистемологии и методологии и как общего умонастроения. Ибо эта проблематика связана с осмыслением судьбы человека в мире новых информационных технологий и способов воздействия на психику и тело, в мире, где виртуальная реальность размывает границы действительности и мнимости и где существует опасность утраты бытийственных основ жизни, деятельности и познания.

ОТ КЛАССИЧЕСКОГО К СОВРЕМЕННОМУ КОНСТРУКТИВИЗМУ

В.С. ШВЫРЕВ

Если говорить об идейных источниках современного конструктивизма в историко-философской традиции, то их, конечно в первую очередь следует связывать с именем Канта. Вообще значение идей Канта для современной неклассической эпистемологии науки трудно переоценить – это повсеместно признается представителями философского сообщества нашего времени различной идейной ориентации¹. Именно у Канта получила свое четкое выражение та система взглядов, которую несколько условно можно назвать неклассическим конструктивизмом, чтобы отличить эту систему взглядов от представлений современного неклассического конструктивизма, которую можно рассматривать как результат более поздней эволюции конструктивистских идей. В гносеологии Канта, в его специфической концепции априоризма, в его идее априорного синтеза сформировалось представление о предзаданных познавательной деятельности системе предпосылок и «краевых условий», выступающих, говоря современным языком, порождающими механизмами научного знания, выделение которых в методологической рефлексии вычерчивает некую особую реальность предшествующих наличному знанию неявных познавательных структур.

Среди этих структур, как они представлены в априоризме Канта, следует, на мой взгляд, в перспективе дальнейшей эволюции в направлении современного конструктивизма, как он выступает в неклассической эпистемологии науки, обратить особое внимание на учение Канта о синтетических основоположениях рассудка, которое зачастую как-то затушевывается в обычном школьном изложении его априоризма. Между тем именно это учение имеет прямую корреляцию с представлениями о парадигмах, научных картинах мира, твердом ядре исследовательских программ в современной методологической литературе. Понятие априорных основоположений рассудка вводится Кан-

том тогда, когда он начинает рассматривать с точки зрения своих исходных установок естественнонаучное знание как некую целостную систему. Априорные основоположения и выступают в качестве необходимых предпосылок, лежащих в основании этой системы². Речь идет, таким образом, о некоторых исходных предпосылках естественнонаучного взгляда на мир, т.е., говоря современным языком, научной картины мира. Именно такие предпосылки и являются, по Канту, априорными в строгом смысле слова. Они лежат в основе «суждений опыта», выражающих конкретные законы науки. Последние носят всеобщий и необходимый характер, который придается им априорностью лежащего в их основе схематизма основоположений, однако сами они не являются априорными суждениями, поскольку для их получения требуется специфический опыт, который сам не заложен в основоположения. Кант специально оговаривает, что частные законы касаются эмпирически определенных явлений и для их познания необходим опыт, «хотя в свою очередь знание об опыте вообще и о том, что может быть познано как предмет опыта, дается нам только упомянутыми априорными законами»³. Среди таких априорных основоположений «чистого естествознания» Кант указывает такие, как *«субстанция сохраняется и постоянна, все, что происходит, всегда заранее определено некоторой причиной по постоянным законам и т.д. Это действительно общие законы природы, существующие совершенно a priori»*⁴.

Нетрудно убедиться, что эти «действительно общие законы природы» не что иное, как возведенные в ранг априорной аподиктичности исходные постулаты современной Канту естественнонаучной картины мира. Иными словами, Кант канонизирует и абсолютизирует в виде априорных необходимых истин не просто фундаментальные законы естественнонаучной теории, но некоторые исходные онтологические постулаты современного ему механистического естествознания. Они не являются непосредственно законами науки, скажем законами классической механики, но тем не менее они существуют в качестве более или менее ясно осознаваемых и принимаемых научным сообществом того времени определяющих принципов интерпретации природы.

Оценивая всю эту концепцию Канта, следует, с моей точки зрения, четко осознавать два ее аспекта. С одной стороны, взгляды Канта, пользуясь современной терминологией, последовательно монологичны. Кант считает, что существует единственно верная система исходных принципов естественнонаучного взгляда на мир, задающая, так сказать, матрицу научной рациональности. Это, безусловно, дань классической гносеологии и в этом смысле и можно, на мой взгляд, говорить о неклассическом конструктивизме у Канта. И именно исходя из этой монологичности Канта, Рорти, например, ставит Канта в один ряд с такими мыслителями, как Платон и Кант, считая, что их всех объединяет вера в наличие некоей привилегированной познавательной системы. Однако у Канта по сравнению со всеми этими философами сама эта привилегированная познавательная система трактуется существенно иначе, что позволяет квалифицировать его концепцию как предвозвестницу неклассической эпистемологии. Кантовский априоризм, как известно, включен в структуру «критической философии» с ее отрицанием метафизической укорененности априоризма. Принципиально важно то, что для Канта любые научные построения выступают лишь «конечными» познавательными моделями, не могущими претендовать на полное схватывание реальности, на проникновение в сущность вещей. Это относится и к механистической картине мира, на основе которой Кант формулирует свою систему «чистого» естествознания. Как отмечала в свое время Л.М. Косарева, образ механизма начинает приобретать в культуре Нового времени сакральный характер⁵. Кант, в соответствии с исходными установками своего критицизма, «десакрализует механицизм, лишает его характера универсальной онтологии в классическом смысле, его априорные основоположения естествознания не могут обладать однозначным метафизическим статусом, несмотря на всю свою монологичность. Недаром известный русский философ Е.Н.Трубецкой в своей книге «Метафизические предположения познания» упрекает Канта за то, что, оборвав метафизические корни познания, Кант открывает дорогу злейшему врагу априоризма в классическом смысле этого понятия — прагматизма.

И действительно дальнейшее развитие посткантовской методологической мысли, шедшее в направлении отказа от монологической ригористичности априоризма Канта, привело в западной философии науки XX века к концепции функционального прагматического априори. Уже во времена господства логического позитивизма с его радикальным отрицанием идеи синтетического априори в любой ее форме раздаются голоса о необходимости реабилитации понятия синтетического априори. Но в ослабленном по сравнению с ортодоксальным кантианством виде (К. Льюис, А. Пап и др.). Как пишет, например, в 40-е гг. прошлого столетия — как мы помним, годы пика влияния так называемой стандартной концепции науки, — американский философ науки А. Пап, «мы принимаем кантову доктрину синтетических априорных принципов только постольку, поскольку они постулируются как неизменные и необходимые образующие условия опыта. Однако Кант не доказал и не мог доказать, что эти образующие условия не имеют альтернатив. Регулятивные принципы действительно не опровергаются опытом до тех пор, пока они используются как регулятивные принципы. Но опыт может внушить мысль об удобстве изменения данного регулятивного принципа или отказа от него»⁶. Несомненный интерес представляет далее обращение к идее синтетического априори Канта выдающегося биолога К. Лоренца, основателя этологии, взгляды которого легли также в основу эволюционной эпистемологии как направления современной неклассической философии. К. Лоренц исходит из того, что живое существо активно строит свое отношение к окружающей среде на основе генетически predetermined, т.е. в этом смысле априорной программы. В этом и заключается, по Лоренцу, рациональный смысл концепции априоризма у Канта для естествоиспытателя. Заметим, что здесь нетрудно усмотреть сходство позиции австрийского биолога с нашими отечественными идеями «физиологии активности», той же идеей моделей потребного будущего Н.А. Бернштейна. В то же время Лоренц четко дифференцирует это современное научное понимание априорности от собственно кантовского — априорность толкуется Лоренцем как возникающая в процессе

эволюции (т.е. апостериорно) приспособительная и тем самым изменчивая способность организма к решению витальных задач⁷.

Если же взять современную постпозитивистскую методологию науки, то в ней, с одной стороны, окончательно закрепляется представление об особом статусе исходных принципов в системе научного знания – основоположений, говоря языком Канта, – которые выступают как матрицы формирования конкретных научных знаний (исходные принципы научных картин мира в отечественной философии науки, метафизические компоненты парадигмы Куна), но, с другой стороны, решительно отвергается кантовский «монологизм» с его идеей единой и неизменной безальтернативной внеисторической системы абсолютно априорных постулатов, очерчивающих содержательное поле теоретического разума. Исходные функционально априорные основоположения науки должны истолковываться, тем самым, в духе «открытой рациональности», достаточно самокритичной и готовой к изменениям и совершенствованию.

Таким образом, от кантовской идеи гомогенного теоретического разума мы переходим к рассмотрению научного знания как гетерогенного образования, предполагающего в принципе многообразие различных интерпретационно-моделирующих схем, лежащих в их основе. Наряду с отказом от монологизма, гомогенности теоретического разума современная эпистемология науки вынуждена также отказаться и от идеала «чистоты» этого теоретического разума. Различие исходных интерпретационно-моделирующих структур определяется не только и даже не столько различием собственно познавательного подхода к реальности, но и многообразными мировоззренческими, социокультурными и социопсихологическими факторами, задающими так называемой человеческое измерение познания. Таким образом, в неклассическом конструктивизме размывается принципиальная для классики строгая демаркация теоретического и практического разума в осуществлении конструктивной деятельности по формированию научного знания: «Между познаваемыми объектами... и познающим субъектом стоят мировоззренческие, культурные и ценно-

стные предпосылки познавательной деятельности, несомненно влияющие на интерпретацию и истолкование фактов и даже на содержание теоретических принципов и постулатов научных теорий», — четко признает Е.А.Мамчур, решительно выступающая в то же время в поддержку объективизма в интерпретации науки⁸. Однако именно признание обусловленности производства научного знания этими предпосылками вненаучного характера, далекого от идеала бесстрастного поиска Истины, и стимулирует истолкование современного конструктивизма в релятивистском духе. Безусловно, что акцентирование в современном конструктивизме роли этих предпосылок, далеких от классического «чистого эпистемизма», резко обостряет проблемы познавательного статуса науки. И здесь, конечно, приходится сталкиваться с различными точками зрения. На наш взгляд, здесь не следует ни бросаться в крайности релятивизма, ни стремиться, опасаясь этих крайностей, отстаивать классическую точку зрения на выработку единственно верной точки зрения в процессе диалога различных позиций. Я не согласен с Е.А. Мамчур, что единственной альтернативой монологизма является представление о том, что споры в науке ведутся «просто из любви к искусству»⁹.

На мой взгляд, современная эпистемология науки не должна исходить из того, что в соревновании различных познавательных позиций обязательно должна возобладать одна позиция, одна теория, одна парадигма, и что только такой подход может спасти нас от релятивизма. Я полагаю, что если мы действительно не на словах, а на деле отходим от идеологии монологизма и переходим на позиции диалогизма, то даже успехи в течение длительного времени одной какой-либо теории или парадигмы не дают окончательных оснований для того, чтобы ставить точку в процессе познания и, наоборот, неудачи, неумение справиться с трудностями, контрпримерами, внутренними и внешними противоречиями в равной степени не исключает возможности последующего позитивного развития. (Ср. точку зрения И. Лакатоса о возможности возрождения казалось бы бесперспективной исследовательской программы.) Иными словами, приходится признать перманентность процесса

соревнования различных парадигм и исследовательских программ, ни одну из которых, несмотря на ее неудачи, не следует «с ходу», так сказать, сбрасывать со счета, как равным образом не надо рассматривать как окончательно правильную. Е.А. Мамчур соглашается с тем, что кантовская теория познания «во многих, а возможно, и основных своих чертах является наиболее адекватной процессу познавательной деятельности человека»¹⁰. Но если мы соглашаемся с принципиальным кантовским постулатом о феноменальности познания, то мы не можем разделять позицию совпадения содержания мысли и реальности, «как она есть сама по себе» относительно любой, даже кажущейся нам вполне достоверной, познавательной концепции. Соревнование, споры предполагаются, конечно, и в монологизме. Но в монологизме считается, что, в конечном счете, они должны приводиться к победе единственно верной точки зрения, и это рассматривается как нормальное положение вещей. Диалогизм же исходит из того, что «нормальным» является незавершенность спора, «открытость» отстаиваемых позиций. И такой подход, на мой взгляд, отнюдь не обязательно ведет к переходу на релятивистские позиции. Здесь, по моему мнению, надо более четко осознать, что же представляет собой эта самая позиция. Существо релятивизма в том, что все точки зрения и взгляды в принципе оцениваются как равноправные и у нас нет четких эпистемических критериев, позволяющих обеспечить предпочтение одной точки зрения над другой. Предпочтения, конечно, могут быть, но они проистекают из ценностных, эстетических, прагматических и т.п. предпочтений. То есть, что-то вроде подхода в известном анекдоте: и ты прав, и он прав, и все по-своему правы. Такой подход, с точки зрения реализации познавательной деятельности, прежде всего, неконструктивен, и по существу последовательно проводимый он стал бы капитуляцией перед реальной сложностью проблемы. Релятивистское «добру и злу внимающее равнодушие» никак не может соответствовать реальной практике научно-познавательного процесса. В этой реальной практике ученый никогда не становится и не может стать на релятивистские позиции. Незавершенность процессов оцени-

вания различных точек зрения и неадекватность примитивных критериев этого оценивания в плане эффективности решения познавательных задач не означает того, что такой процесс постоянной идеи, и в любой его фазе можно с той или иной степенью определенности оценить конструктивность имеющихся познавательных позиций. Разделяя по существу установку «открытой рациональности», научное сообщество стремится определить для себя реальные возможности соревнующихся теорий, гипотез, исследовательских программ, каждая из которых в определенный момент времени обладает известными, рационально оцениваемыми преимуществами или, наоборот, некоторыми слабостями.

Такая картина, согласимся, весьма далека от пассивного релятивизма. Она предполагает конструктивный диалог в духе коммуникативной рациональности (Ю. Хабермас). Несколько слов об этих понятиях. Отказ от монологизма, к сожалению, вовсе не означает автоматического перехода на позиции конструктивного диалогизма. В свое время, используя сразу ставшие модными эти бахтинские понятия, мы в должной мере не провели их тщательного критико-рефлексивного анализа, не уяснили полутонов, промежуточных позиций и пр. На мой взгляд, прежде всего надо учитывать, что само понятие диалога как культурологического понятия и связанная с ним проблематика человеческого сознания шире понятия диалога применительно к научно-методологической проблематике, диалогичности в духе коммуникативной научной рациональности¹¹. Концепция коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса подвергалась, как известно, жесткой критике за неоправданный идеализм, недостаток здравого прагматизма, невнимание к механизмам силы и власти, господствующим в обществе и т.д. Все эти упреки во многом справедливы по отношению к коммуникативной рациональности как общесоциологической доктрине, но они, на мой взгляд, не подрывают конструктивности идеи коммуникативной рациональности как некоей регулятивной идеи в рамках научного этоса, идеалы которого исключают недобросовестность, плагиат, использование административного ресурса и прочие «прелести» включенности реальной науки в жизнь общества, так же, как

несовпадение реального поведения людей с нравственными идеалами не означает неконструктивности последних.

Итак, то что конкуренция различных исследовательских программ, обуславливаемых не сводимыми друг к другу системами исходных предпосылок, не заканчивается с точки зрения диалоговой коммуникативной рациональности, окончательной победой или поражением одной из этих программ, одна из которых получила бы монопольное право на истину, на схватывание реальности «как она есть на самом деле», вовсе не означает, что «споры в науке ведутся просто из любви к искусству»¹¹. Целью этих споров является совершенствование, развитие различных точек зрения, изобретение более успешных интерпретаций и схем, которые, однако, не теряют своего характера относительных моделей реальности, в принципе сохраняющих дистанцию по отношению к последней. На мой взгляд, нет жесткой альтернативы: или истина в классическом духе, в духе монологизма, или релятивизм. В конце концов, почему мы так охотно отказываемся от старой идеи относительности истины, в которой несомненно есть определенное рациональное содержание, которое хотя бы снимает догматичность вышеуказанной альтернативы. Дискуссии в науке это вовсе не соревнование в риторике, это мощный инструмент отбора наиболее жизнеспособных взглядов. Здесь безусловно правомерна выдвигаемая так называемой эволюционной эпистемологией аналогия с естественным отбором в живой природе. И так же, как в живой природе жизнеспособность различных ее форм определяется их способностью решать стоящие перед ними жизненные задачи, так в конкуренции научных программ и позиций выживают те, которые оказываются более успешными в решении стоящих перед наукой задач. Здесь, конечно, возникает естественно напрашивающийся вопрос: что именно это за задачи, и каковы критерии их успешности? В классической гносеологии ответ был достаточно прост и ясен — конечной задачей является выход на финишную прямую совпадения содержания знания с природой исследуемого объекта. И соответственно критерии такого совпадения тоже были достаточно ясны — это была очевидность проникновения в объект, схватыва-

ния его в непосредственной достоверности для познающего субъекта, «естественный свет» разума, интеллектуальная или эмпирическая очевидность. Все многообразные варианты критерия эмпирической проверяемости в эпистемологии науки XX века вплоть до утонченных его версий в «методологии исследовательских программ» И. Лакатоса по существу являются реминисценцией этого старого «доброе» классического идеала. Если же неклассическая эпистемология науки вынуждена отойти от этого идеала, отказаться от идеи прямого схватывания объекта, от того, что в современной западной философии называется «метафизикой присутствия», то вопрос об успешности знания и о критериях этой успешности становится далеко не таким простым. Если у нас нет возможности прямого выхода на объект, то приходится стремиться, так сказать, зацепить его в многообразии различных моделей (ср. «принцип пролиферации» Фейерабенда). Очевидно, что современная неклассическая методология науки не должна заикливаться на идеях эмпирического обоснования. Так, например, Р.М. Нугаев отмечает, «что программа Эйнштейна вытеснила конкурентов не только потому, что оказалась лучшей в эмпирическом отношении. Она превосходила соперницу также и потому, что явилась основой для широкого диалога, подлинной коммуникации между представителями ведущих парадигм старой физики... История науки может рассматриваться как история постоянно флуктуирующих, зарождающихся и исчезающих теоретических и экспериментальных практик. Из всего этого виртуального моря только те традиции способны выжить, которые могут поддержать друг друга, взаимно усилить друг друга, приводя к расширению и углублению наших знаний о мире»¹². Сказанное выше не означает, конечно, отрицания роли эмпирического фактора в оценке теорий. Однако эта оценка носит гораздо более сложный характер, чем это представлялось в классике. Наконец, выше говорилось о влиянии различных вненаучных ценностных, социокультурных и пр. факторов на формирование научного знания. Здесь, однако, приходится вспомнить рациональный момент известной старой идеи о различии «контекста открытия» и «контекста оправдания».. Какие бы

факторы вненаучного характера не определяли бы возникновение исследовательских программ, теорий, гипотез и т.д., оцениваются они научным сообществом все-таки и с точки зрения их познавательной эффективности. Скажем, сейчас много споров идет вокруг учения Дарвина. Выявляются его вненаучные предпосылки, в частности, концепция естественного отбора. Но все-таки серьезная критика связана не с этим, а с познавательными возможностями его взглядов. Если бы с этой сферой не возникало бы проблем, то не было бы и особого взимания к предпосылкам из вненаучной области. То есть критическая рефлексия в первую очередь порождается проблемами в познавательной сфере, а уже затем ищут источники этих проблем в области вненаучных предпосылок.

Примечания

- ¹ См., напр.: *Рокмор Т.* (США) Постнеклассическая концепция В.С. Степина и эпистемологический конструктивизм // *Человек, наука, цивилизация. К семидесятилетию академика В.С. Степина.* М., 2004, С. 252. По мнению отечественного философа Е.А. Мамчур, кантовская теория познания во многом, а возможно и в основных своих чертах является наиболее адекватной процессу познавательной деятельности человека (см.: *Мамчур Е.А.* Объективность науки и релятивизм. М., 2004. С. 29). Мнение Е.А. Мамчур тем более симптоматично, что она является решительным противником релятивизма в современной эпистемологии науки.
- ² См.: *Кант И.* Соч. в шести томах. Т. 4 (1). М., 1965. С. 124 – 125.
- ³ Там же. С. 112 – 113.
- ⁴ Там же. С. 124 – 125.
- ⁵ *Косарева Л.М.* Рождение науки Нового времени из духа культуры. М., 1997. С. 56.
- ⁶ *Рар А.* The apriori in Physical Theory. N.Y., 1946. P. 72 – 73.
- ⁷ *Лоренц К.* Кантовская доктрина априори в свете современной биологии // *Человек.* 1997. № 5. С. 22.
- ⁸ См.: *Мамчур Е.А.* Указ. соч. С. 33.
- ⁹ Там же. С. 8.
- ¹⁰ Там же. С. 29.
- ¹¹ См., в частности: *Шукин В.Г.* О диалоге и его альтернативах. Вариации на тему М.М. Бахтина // *Вопросы философии.* 2007. № 7.
- ¹² *Нугаев Р.М.* Смена базисных парадигм: концепция коммуникативной рациональности // *Вопросы философии.* 2001. № 1.

ПОЗНАНИЕ И ИНЖЕНЕРНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ

М.А. РОЗОВ

На некотором сравнительно поверхностном уровне представляется, что инженер, создающий проект здания или какого-либо другого технического сооружения, и ученый, разгадывающий тайны Природы, – это очень разные фигуры в системе разделения труда. Первый строит проект, второй – знание. Первый в конечном итоге претендует на создание некоторой искусственной природы, второй – на выявление законов Природы первоизданной. И, тем не менее, между деятельностью инженера и ученого есть очень глубокая и принципиальная связь, о которой и пойдет речь в данной статье.

Любой исследователь-экспериментатор вынужден постоянно конструировать приборы и экспериментальные установки, фактически он постоянно конструирует, проектирует свою экспериментальную деятельность. Любому эксперименту предшествует его проект. Это достаточно очевидно. Важно, однако, что не только экспериментатор, но и теоретик в своей работе существенно связан с инженерным проектированием. И здесь тоже в основе его работы лежат образцы инженерной деятельности, образцы конструирования. В какой-то мере это нашло свое выражение даже в способах словоупотребления. Мы обычно не говорим, что кто-то открыл теорию, мы говорим, что он ее построил. Дарвин построил теорию происхождения видов, Эйнштейн – общую теорию относительности... Но что значит в данном случае «построить»? Рассмотрим это более подробно.

Теоретик и инженер

Что собой представляет деятельность инженера, который разрабатывает проект какого-либо здания, самолета или автомобиля? Во-первых, у него есть некоторое проектное задание, т.е., как правило, функциональное описание того сооружения, которое надо получить. Он, например, знает, какова должна быть скорость самолета, его грузоподъемность, дальность полета т.д. Во-вторых, он в принципе знает, из каких элементов строится самолет, как эти элементы со-

четаются друг с другом, какие здесь возможны варианты, включая типовые конструкции, особенности тех или иных материалов и прочее. Плюс к этому у него есть какие-то методы расчета или качественные методы, которые позволяют оценить каждый из вариантов с точки зрения его функциональных характеристик. Будем все это называть инженерным конструктором. Задача состоит в том, чтобы, работая в этом конструкторе и рассматривая разные возможные варианты, найти такой, который соответствует проектному заданию.

Можно предположить, что исторически в основе инженерной деятельности лежит альтернатива производства и потребления. Уже первобытный человек строил хижину, плоты или лодки, ловушки для животных, изготавливал луки и стрелы. Все эти объекты выступали для него в двух основных ипостасях. Во-первых, в процессе потребления они проявляли свои функциональные характеристики, свои свойства. Во-вторых, в процессе производства человек имел дело с их строением, структурой, составом. Уже здесь, вероятно, возникла практическая задача варьировать устройство тех или иных сооружений, улучшая их потребительские качества. И уже здесь могли сформироваться два принципиальных вопроса относительно окружающих человека объектов: какими свойствами они обладают и как они сделаны? При этом оба вопроса в равной степени были значимы как относительно продуктов рук человеческих, так и относительно природных явлений. Они сохранили свое значение до сих пор. Иными словами, образцы проблематизации, возникшие уже в первобытном обществе, и сейчас существенно детерминируют познавательный процесс. Вероятно, это никуда не уйдет и в будущем, ибо альтернатива производства и потребления — это очень устойчивая структура нашей деятельности.

Но перейдем к научным теориям. Легко показать изоморфизм теоретического знания и инженерного проекта. Простой и удобный пример — это кинетическая теория газов в ее элементарном и качественном изложении. Описание поведения газа эквивалентно проектному заданию. Мы знаем, что при уменьшении объема газа растет его давление и повышается температура, что при расширении газ охлаждается... Нам надо ответить на вопрос, как газ устроен. И вот

мы конструируем газ на базе атомистических представлений, предполагая, что он состоит из множества беспорядочно движущихся частиц. Атомистика – это один из самых мощных теоретических конструкторов в составе естествознания. На его базе мы конструируем газы, жидкости и твердые тела, объясняя огромное количество явлений типа поверхностного натяжения, теплопроводности, диффузии, адсорбции, броуновского движения, геометрии кристаллов и т.д.

Аналогичным образом можно представить теорию происхождения видов Ч. Дарвина. На входе здесь в качестве «проектного задания» огромное разнообразие жизненных форм, данные сравнительной анатомии, ископаемые остатки вымерших организмов... На выходе – проект механизма эволюции на базе случайной изменчивости и естественного отбора. Заслуга Дарвина не только в том, что он построил новую биологическую теорию, он при этом создал новый тип теоретического конструктора, который затем активно проник в другие области знания, например, в лингвистику и в историю идей. Э. Мах писал, что, познакомившись с идеями Дарвина в 1859 г., он уже в своих лекциях 1864 – 1867 гг. в университете в Граце рассматривал развитие идей как борьбу за существование с выживанием наиболее приспособленных¹. Известный наш палеоботаник С.В. Мейен как-то сказал мне, что теория Дарвина – это не биологическая теория, что она не специфична для биологии. Я сейчас воспринимаю это как комплимент в адрес Дарвина.

Во всех этих случаях мы сталкиваемся с теоретическим конструированием и с наличием, следовательно, особого устройства, которое я называю теоретическим конструктором. Последний – это сложная социальная программа, которая позволяет создавать проекты разных объектов или ситуаций с заданными свойствами. Эволюция познания – это в существенной ее части совершенствование форм и способов теоретического конструирования. Замена одного конструктора другим в истории той или иной дисциплины – это существенный сдвиг в ее развитии, ведущий к разработке новых технологий мышления. Так, на заре развития механики мы сталкиваемся с чисто техническими преобразованиями объектов. Галилей, например, исследуя «природу

винта», сводит его к наклонной плоскости, наматывая наклонную плоскость на цилиндр². Работа в таком чисто техническом конструкторе требует большой изобретательности. Судите сами. Вот, например, как Лагранж описывает редукцию коленчатого рычага к прямолинейному: «Прежде всего ясно, что коленчатый равноплечий рычаг, который может вращаться около своей вершины, будет поддерживаться в состоянии равновесия двумя равными силами, приложенными к концам плеч и направленными перпендикулярно к последним и, следовательно, стремящимися вращать их в противоположные стороны. Пусть теперь имеется прямолинейный неравноплечий рычаг, одно плечо которого равно плечу коленчатого равноплечного рычага и нагружено тяжестью, эквивалентной каждой из равных сил, приложенных к плечам коленчатого рычага; другое плечо этого рычага имеет любую длину и в конечной точке его помещен такой груз, что рычаг находится в равновесии. Представим себе, что этот рычаг наложен на равноплечий коленчатый рычаг таким образом, что точка опоры прямолинейного рычага совпадает с вершиной коленчатого рычага и первое плечо первого совпадает с каким-нибудь плечом второго, причем обе силы, приложенные к совпавшим теперь конечным точкам обоих рычагов, имеют противоположное направление. Тогда обе эти силы друг друга взаимно уничтожат и соответствующие плечи обоих рычагов, на которые эти силы действуют, потеряют всякое значение. А так как в результате суперпозиции общее равновесие не нарушится, то оставшийся налицо неравноплечий коленчатый рычаг, в конечных точках которого приложены перпендикулярно направленные силы, величины которых обратно пропорциональны длине плеч, будет находиться в равновесии, — подобно тому, как это имеет место при прямолинейном рычаге»³. Нетрудно видеть, что Лагранж описывает последовательность чисто технических эквивалентных преобразований, позволяющих редуцировать ситуацию равновесия неравноплечего коленчатого рычага к очевидной ситуации рычага равноплечего. Аналогичным образом, например, мы находим решение квадратного уравнения путем реализации ряда тождественных алгебраических преобразований.

Технология мышления принципиально меняется, когда начинают оперировать не техническими конструкциями, а силами, которые можно переносить в направлении их действия, суммировать по правилу параллелограмма или разлагать на составляющие. Она меняется еще раз, когда главную роль приобретает математика и математические конструкции. Лагранж в предисловии к своей знаменитой «Аналитической механике» пишет: «В этой работе совершенно отсутствуют какие бы то ни было чертежи. Излагаемые мною методы не требуют ни построений, ни геометрических или механических рассуждений; они требуют только алгебраических операций, подчиненных планомерному и однообразному ходу. Все любящие анализ с удовольствием убедятся в том, что механика становится новой отраслью анализа, и будут мне благодарны за то, что этим путем я расширил область его применения»⁴.

Интересно проанализировать смену типов конструирования в ходе формирования и развития эволюционных идей в биологии. Первые варианты связаны здесь с попытками построить теорию на базе чисто технических преобразований одних организмов в другие. Вот красноречивый отрывок из сочинений великого естествоиспытателя XVIII в. Бюффона: «...Возьмите скелет человека, наклоните кости таза, укоротите кости бедер, голеней и рук, удлините таковые ступней и ладоней, соедините вместе фаланги, удлините челюсти, сократив лобную кость, и, наконец, удлините так же позвоночник: этот скелет перестанет быть останками человека, это будет скелет лошади»⁵. Рассуждения такого рода были в ту эпоху достаточно парадигмальными. П. Кампер, будучи не только ученым, но и художником, проделывал подобные преобразования с помощью рисунков, превращая, например, корову в страуса. Жоффруа Сент-Илер построил удивительную концепцию, согласно которой млекопитающие есть как бы вывернутые наизнанку насекомые: если у млекопитающих внутренние органы расположены вокруг позвоночника, то у насекомых — внутри хитиновой трубки. «Насекомые, — писал он, — живут внутри своего спинного хребта, подобно тому, как моллюски живут внутри своей раковины... Да, я мог это смело утверждать, и пер-

вое мое научное сообщение 1820 года гласило, что насекомые составляют еще один класс позвоночных животных, и что, следовательно, к ним приложим общий закон единства организации»⁶.

Однако если в механике подобные преобразования в рамках теоретического конструктора соответствовали образцам реальной материальной деятельности, то в биологии они были чисто произвольными и абсолютно неосуществимыми. Надо было либо отдавать все в руки всемогущего Бога, либо искать «инженера» в самой Природе. Именно последнее происходит в работах Ламарка и Дарвина. Рассмотренные выше конструкторы в механике принципиально отличны от последующих биологических конструкторов, ибо в первом случае преобразования осуществляет сам исследователь, а во втором – силы Природы. Говоря более точно, исследователь в этом случае должен сконструировать природный процесс, который функционирует независимо от его воли.

Все сказанное нуждается в некоторой детализации. Теоретический конструктор существенно отличается от инженерного, ибо операции, которые он предписывает, чаще всего не могут быть полностью реализованы в практической деятельности. Уже преобразования, описанные Лагранжем в приведенном выше отрывке, предполагают, что рычаг является невесомым. Еще более очевидно, что мы не можем практически построить газ, состоящий из маленьких упругих шариков, как это делает Л. Больцман. «Наиболее простым, – пишет он, – будет предположение, согласно которому молекулы являются совершенно упругими, бесконечно мало деформируемыми шарами, а стенки сосуда – совершенно гладкими и такими же упругими поверхностями»⁷. Иными словами, теоретическое конструирование связано с идеализацией. Но и помимо этого в рамках теоретического конструктора мы можем планировать эксперименты, для реализации которых у нас нет технических возможностей, или предполагать, что те или иные действия осуществляет сама Природа, как уже было отмечено выше. Иначе говоря, теоретическое конструирование отвечает не только на вопрос, как может что-то практически сделать человек, но и на вопрос, как это в принципе может быть сделано или

как это могла бы сделать сама Природа. При этом, что очень важно, решение любой инженерной задачи неоднозначно, и это относится и к теоретическому конструированию.

Факты и теория

Выше, сопоставляя теорию и инженерный проект, мы говорили о проектном задании, используя это понятие применительно к работе теоретика чисто метафорически. Согласно традиции, следовало, вероятно, говорить о фактах. Но что такое факт? Можно ли сказать, что он представляет собой фиксацию чего-то такого, что непосредственно дано в наблюдении, или и здесь мы сталкиваемся с конструированием? Говорят, например, что кругосветное путешествие есть эмпирическое подтверждение шарообразности Земли. Но разве кругосветное путешествие можно непосредственно наблюдать? Скорей всего, мы и здесь имеем дело с некоторой конструкцией, которая, кстати, уже предполагает шарообразность Земли. Кругосветное путешествие нельзя наблюдать, но его можно осуществить. Только акт целенаправленной деятельности объединяет в этом случае множество событий, распределенных во времени иногда на несколько лет, в некоторое единое целое. Сказанное в принципе можно обобщить на любые акты деятельности. Мы их не наблюдаем, мы их реализуем в соответствии с некоторым проектом или образцом. В случае воспроизведения непосредственных образцов, дело обстоит несколько иначе, но в данной статье мы не будем этого обсуждать.

А можно ли вообще считать, что именно акт наблюдения лежит в основе противопоставления эмпирического и теоретического? Сейчас, например, шарообразность Земли есть нечто данное в непосредственном наблюдении. Мы видим ее из космоса. Но означает ли это, что представления о Земном шаре перестали лежать в основе теоретического объяснения таких явлений, как кругообразная форма видимого горизонта, постепенное появление из-за горизонта приближающегося корабля или изменение местного времени при перемещении наблюдателя по долготе?

Рассмотрим все это с более общих позиций. Существует традиционная, многовековая точка зрения, согласно ко-

торой содержание наших знаний определяет в конечном итоге чувственный опыт. Я не буду касаться различных вариантов этой точки зрения, ибо полагаю, что от нее надо отказаться в принципе. Содержание наших знаний определяет не чувственный опыт, а наша деятельность с теми или иными объектами. Конечно, не имея органов чувств, мы не могли бы познавать мир. Но в такой же, например, степени нельзя читать, не воспринимая букв, хотя очевидно, что не буквы определяют содержание текста. Чувственное восприятие явлений не порождает знаний. Знания в своей исходной форме — это описания человеческой деятельности. Неважно при этом, идет ли речь о производственных актах или о научных экспериментах. Могут возразить и сказать, что описание деятельности предполагает ее восприятие. Это сложный и спорный вопрос, но сейчас нам важно подчеркнуть следующее. Во-первых, мир человеческой деятельности постоянно эволюционирует, а это, образно выражаясь, означает, что мы читаем все новые и новые «тексты». И это, прежде всего, не развитие наших способностей чтения, не обогащение чувственного опыта, это развитие содержания «текстов». Во-вторых, описание целенаправленной деятельности — это описание того, что мы сами предварительно спланировали и сами реализуем. Это описание того, что уже предварительно описано на уровне некоторого проекта. Нам надо только установить, привела ли реализация проекта к ожидаемому результату или нет. Именно последнее и связано с наблюдением.

Рассмотрим в качестве примера известный эксперимент Лавуазье и Менье, который принято рассматривать как эмпирическое доказательство того, что вода состоит из кислорода и водорода. Менделеев описывает этот эксперимент следующим образом: «Прибор, устроенный ими, состоял из стеклянной реторты с водою, конечно, очищенною; вес ее был предварительно определен. Горло реторты вставлено в фарфоровую трубку, помещенную внутри печи и накаленную до-красна посредством углей. Внутри этой трубки были положены железные стружки, которые, при накаливании, разлагают водяные пары. Конец трубки соединен с змеевиком, предназначенным для сгущения части воды, проходя-

щей без разложения через трубку. Эта сгустившаяся вода стекала в особую склянку. Образовавшийся чрез разложение газ собирался в водяной ванне под колокол. Водяные пары, проходя чрез накаленное железо, разлагались, и из них образовался газ, вес которого можно было определить по объему, зная его удельный вес. Кроме той воды, которая прошла неизменно через трубку, часть воды исчезла в опыте, и именно количество исчезнувшей воды равно было в опытах Лавуазье и Менье весу газа, собравшегося в колоколе, и прибыли в весе железных опилок. Значит, вода разложилась на газ, собравшийся в колоколе, и на вещество, соединившееся с железом, следовательно, она составлена из этих двух составных частей»⁸.

Совершенно очевидно, что эксперимент был заранее тщательно спланирован, иными словами, был построен, а затем реализован некоторый инженерный проект. Не означает ли это, что так называемые научные факты – это тоже наши конструкции или, точнее, реализация наших теоретических конструкций? Приведенный выше текст Менделеева, если брать его со стороны содержания, был, несомненно, известен Лавуазье еще до постановки эксперимента. Это был теоретический проект этого эксперимента или его теоретическое обоснование. Но этот текст может фигурировать и как описание уже реализованного эксперимента, именно такова его роль в «Основах химии» Менделеева. В этом случае он представляет собой эмпирический факт. Разница между этими двумя текстами, один из которых предшествует эксперименту, а другой подводит его итог, в том, что первый имеет оттенок проблематичности и представляет собой описание возможной деятельности, а второй – описание деятельности реализованной, которая либо подтверждает теоретический проект, либо ему противоречит. Теоретическое знание – это конструирование некоторой возможной деятельности, знание эмпирическое – описание деятельности реализованной.

Но мы еще не закончили анализ эксперимента Лавуазье. Фактически в нем используется не один, а два конструктора. В рамках первого мы конструируем эксперимент, в рамках второго – объясняем, интерпретируем его резуль-

таты. В данном примере второй конструктор задан представлениями о части и целом, о том, что сложные вещества составлены из простых, что вещества можно соединять и разлагать на составляющие. Этот второй конструктор дает о себе знать в заключительной фразе Менделеева: «Значит, вода разложилась на газ, собравшийся в колоколе, и на вещество, соединившееся с железом, следовательно, она составлена из этих двух составных частей». Важно при этом видеть, что первый конструктор тесно связан со вторым, что вся схема эксперимента уже создана в предположении, что воду можно разложить. Если бы эксперимент не подтвердил это предположение, то мог встать вопрос о построении нового теоретического конструктора. Кстати, не следует думать, что второй конструктор был столь уж очевиден во времена Лавуазье. Я.Г. Дорфман убедительно показывает, что даже после экспериментов со сжиганием водорода, когда на стенках сосуда появлялись капельки воды, у исследователей не возникала идея о том, что вода сложное вещество. Кавендиш наблюдал в своих экспериментах образование воды из смеси водорода и кислорода, но интерпретировал это как «превращение» смеси двух видов воздуха в воду. Никаких выводов о составном характере воды он не сделал⁹. «Не было ничего удивительного, — пишет Дорфман, — в невнимании химиков к этим новым фактам. В самом деле, никому не приходило еще на ум, что вода есть сложное тело, что она может являться результатом синтеза «живительного» (или дефлогистированного) воздуха и «горючего воздуха»¹⁰.

Присутствие двух типов конструирования налицо и в кинетической теории газов. С одной стороны, мы конструируем и реализуем эксперименты по изучению поведения газа в разных ситуациях, эксперименты типа экспериментов Бойля или Мариотта, с другой, — конструируем газ на базе атомистических представлений. Все это можно представить как проект некоторого возможного, но не реализованного или даже практически нереализуемого эксперимента. Есть эксперимент № 1, который реализован и выявляет какие-то функциональные характеристики объекта, а мы предлагаем проект эксперимента № 2 для проверки того, что объект, сконструированный определенным образом, будет

в эксперименте № 1 обладать теми же функциональными характеристиками. Такой эксперимент далеко не всегда реализуется, но обосновывается в рамках теоретического конструктора. Напомним, что конструктор должен позволять строить проекты некоторых объектов с заданными свойствами. Это не исключает, разумеется, возможности косвенной экспериментальной проверки этого конструктора в рамках целой серии других реализуемых экспериментов, которые он предсказывает.

Впрочем, мы не обсуждаем здесь проблему соотношения эмпирического и теоретического или проблему развития теории. Нам важно, что конструируется не только теория, но и факты, представляющие собой описания целенаправленной человеческой деятельности. Теория существует на уровне проектов человеческой деятельности или «деятельности» Природы, факты – на уровне описаний реализованной деятельности. Теории типа кинетической теории газов я называю эксклюзивными теориями¹¹. Именно они представляют собой взаимодействие двух типов конструирования, о чем говорилось выше. Я остановился на теориях именно этого типа, т.к. они наиболее ярко демонстрируют изоморфизм познания и инженерии. С одной стороны, в рамках конструктора №1 мы проектируем и реализуем эксперименты, в которых предметы проявляют свои функциональные характеристики, это аналог проектного задания. С другой, в конструкторе № 2 мы создаем проект построения этих предметов с целью объяснения выявленных характеристик. Обобщая сказанное, теории такого типа можно представить как взаимодействие двух разных конструкторов. При этом важно, чтобы теоретический конструктор № 2 оказывал обратное воздействие на конструктор № 1, чтобы теория инициировала появление новых фактов. Например, на базе представлений о составе воды мы можем спроектировать и реализовать деятельность по ее «составлению», пропуская электрическую искру через смесь водорода с кислородом.

Могут возразить, что факты – это не описания деятельности, а набор протокольных высказываний типа: «N наблюдал, что после включения тока стрелка прибора остановилась на цифре 5». Но существуют ли в реальном позна-

нии такие «протокольные утверждения»? Думаю, что нет. Строго говоря, они не представляют собой никакого знания. Конечно, можно искусственно создать такую ситуацию, когда исследователь посадит около прибора ничего не понимающего мальчика, поручив ему просто сообщать показания прибора, одного или двух, не имеет значения. Но с таким же, а, может, и с большим успехом можно создать говорящий прибор или автомат, который будет вычерчивать какой-нибудь график. Нам важны не показания прибора сами по себе, а вся запланированная ситуация в целом. Все приведенное выше описание эксперимента Лавуазье и Менье представляет собой факт, исключая только последнюю фразу, связанную с интерпретацией. Но, как мы уже отмечали, большая часть этого описания уже существовала на уровне проекта, включая и предполагаемый результат.

Построение объектов исследования

У Карла Поппера есть очень интересное замечание: «Часто говорят, — пишет он, — что научное объяснение есть сведение неизвестного к известному. Если имеется в виду чистая наука, то ничто не может быть дальше от истины. Отнюдь не парадоксом будет утверждение, что научное объяснение, напротив, есть сведение известного к неизвестному»¹². На первый взгляд это все же парадокс, но только на первый взгляд. Мне представляется, что замечание Поппера имеет глубокий смысл, независимо от того, что думал по этому поводу сам автор.

Дело в том, что конструируя какой-либо объект для объяснения уже известных явлений, мы тем самым строим и новый объект исследования. Вернемся к приведенным выше примерам теоретического конструирования. Представление о шарообразности Земли в контексте объяснения того, что с мачты корабля мы видим дальше, чем с палубы, можно рассматривать как сведение неизвестного к известному. Нам ведь при этом хорошо известно, что такое шар и какие его свойства позволяют понять механизм указанного явления, который был до этого неизвестен. Но предположение, что Земля шарообразна, тут же порождает вопросы относительно размеров и точной формы Земли. Уже Эра-

тосфен пытается измерить длину земного меридиана, а Клеро много веков спустя строит теорию фигуры Земли.

В такой же степени построение механической модели газа есть сведение неизвестного к известному, тем более что молекулы газа Больцман представляет как упругие шарики, опираясь тем самым на уже сформулированные законы механики. Но тут же возникают новые вопросы относительно размеров этих молекул, скоростей их движения, их количества в некотором объеме газа и т.п. Иными словами происходит переход от объяснения феноменологии газа к использованию этой же феноменологии для изучения свойств молекул.

Во всем этом проявляется некоторая закономерность, характерная для любой человеческой деятельности и связанная с ее целенаправленностью. В любой деятельности мы привыкли выделять объект, продукт, используемые средства, но выделение этих составляющих обусловлено поставленной целью. Если цель — это объяснение феноменологии поведения газа, то именно газ является объектом изучения, а построенные атомно-молекулярные конструкции — это средства объяснения. Если же мы хотим уточнить наши представления об этих конструкциях, то они становятся объектом изучения, а экспериментальное исследование поведения газа переходит в разряд средств. Но в принципе любое объяснение каких-то явлений на базе их теоретического конструирования объективно является и исследованием самих теоретических конструкций.

Итак, теоретическое конструирование допускает, по крайней мере, две целевые установки: с одной стороны, это объяснение каких-то уже известных явлений, это ответ на вопрос, как они устроены; с другой, — это построение новых объектов исследования. Это, вероятно, довольно общая закономерность динамики науки. Основатель почвоведения В.В. Докучаев впервые стал рассматривать почву как особое тело природы, представив ее как продукт целостного взаимодействия грунта, климата, рельефа местности, растений, животных и других организмов. Это было теоретическое построение, вскрывающее механизм почвообразования. В результате этой работы сформировался новый син-

тетический объект исследования, по образцу которого строились в дальнейшем такие объекты, как ландшафт, биосфера, биосфера и т.п.

* * *

Итак, можно сказать, что мы сталкиваемся с инженерной по своей сути, конструкторской деятельностью во всех областях познания. Мы создаем и реализуем проекты производственной и экспериментальной деятельности, конструируем числа и множество других математических объектов, конструируем системы координат, необходимых для фиксации тех или иных явлений. Наконец, любая теория и даже факты, на которых она базируется, — это продукты конструирования. Я думаю, можно усилить этот тезис и представить все познание как конструирование. Суть в том, что мы познаем не мир как таковой, не предметы и явления в их первозданном виде, а нашу деятельность с этими предметами и явлениями, которые, кстати, только и приобретают свою самость в этой деятельности. Но деятельность реализуем мы сами, мы ее проектируем и строим, иными словами, мы познаем то, что сами творим, хотя и в соавторстве, ибо везде проглядывает «чужая рука». Но эта рука проглядывает и в творчестве инженера¹³.

Примечания

- ¹ *Мах Э.* Основные идеи моей естественно-научной теории познания и отношение к ней моих современников // Новые идеи в философии. Сб. второй. Борьба за физическое мировоззрение. СПб., 1912. С. 126.
- ² См.: *Галилей Г.* Избр. труды. Т. II. М., 1964. С. 33.
- ³ *Лагранж.* Аналитическая механика. Т. I. М. — Л., 1938. С. 14.
- ⁴ Там же. С. 5.
- ⁵ Цит. по: *Канаев И.И.* Очерки из истории сравнительной анатомии до Дарвина. М. — Л., 1963. С. 35.
- ⁶ *Сент-Илер Э. Ж.* Избр. труды. М., 1970. С. 375.
- ⁷ *Больцман Л.* Лекции по теории газов. М., 1956. С. 31.
- ⁸ *Менделеев Д. И.* Основы химии. Т. I. М. — Л., 1947. С. 87.
- ⁹ См.: *Дорфман Я.Г.* Лавуазье. М. — Л., 1948. С. 217.
- ¹⁰ Там же. С. 214.
- ¹¹ См.: *Розов М.А.* Теория и инженерное конструирование // Эпистемология & Философия науки. 2004. Т. 1. № 1.
- ¹² *Поппер К.* Предположения и опровержения. М., 2004. С. 109.

КОНСТРУКТИВИЗМ КАК НАПРАВЛЕНИЕ. ФОРМИРОВАНИЕ МЕТОДА И ПЕРСПЕКТИВЫ

И.П. ФАРМАН

Сейчас мы говорим о конструктивизме в эпистемологии, социальной философии, теоретической социологии и других науках, что свидетельствует о расширении значения как самого этого понятия, так и направления в целом. Как *проективно-конструктивная позиция* человека по отношению к реальности, он имеет давние философские традиции, которые можно вести от античности, от Канта, Гегеля и др. Но как *направление* он сформировался на рубеже XIX – XX вв. (особенно отметим 20 – 30-е гг. прошлого века), и тематизировался прежде всего в таких контекстах, как архитектура, искусство, литература, инженерно-техническая теория и практика. Его первые проявления были настолько впечатляющи и значительны, что понятие конструктивизма до сих пор ассоциируется с этими областями. Как эстетическое направление и художественный стиль (а это была всеобъемлющая стилистика) он представлен рядом известнейших имен: Ш.Э. Ле Корбюзье, Вальтер Гропиус, братья Веснины, И. Леонидов, К.С. Мельников, И.Л. Сельвинский, В.А. Луговской, Вс. Мейерхольд, ранний И. Эренбург и др., и по творчеству каждого из них существует огромная литература.

Но конструктивизм с самого начала был, конечно, шире, чем искусство; это была не только эстетика. Он сложился как *новый теоретико-методологический подход*, который приобрел *общекультурный характер*. Его исходные смысло- и формообразующие принципы, идеи и методологические основы оказались весьма перспективными. Многие из них, хотя и в трансформированном виде, проявились и в современном конструктивизме. Поэтому, на наш взгляд, имеет смысл рассмотреть их *в контексте эпистемологии и общей методологии*. Выделим некоторые основные положения.

1. Формирование нового видения путем смены самих методов осмысления реальности, когда восприятие ее как

данности заменяется проективно-конструктивным отношением к ней и выражается посредством новых способов ее репрезентации в виде моделей, конструкций, проектов, в том числе социальных.

Как стал возможен такой подход? Он был обусловлен социально-историческими предпосылками, которые заложили необходимый фундамент для формирования новой культуры, а также социально-культурным и идеологическим контекстом, в который конструктивизм органически вписался. Он был тесно связан со своим временем, став выразителем новых веяний сначала на Западе, а затем катализатором революционных идей и преобразований в России. А они проникали во все сферы жизни. Сознательно разрушался старый тип социальности, осуществлялся *радикальный* отход от традиций во всех областях культуры, но этот, условно говоря, деконструктивизм, не был однонаправленным, а порождал также и бурное развитие *новых форм*.

Наиболее ярко такой подход проявился в искусстве. В художественном отношении это привело к созданию новых оригинальных стилевых направлений, нового языка, новых форм, появлению новой предметности и невиданных ранее композиций и ракурсов. (Разумеется, это большая и специальная тема, которой здесь мы коснемся лишь отчасти – в связи с рассматриваемыми вопросами.) Перенос конструктивистских идей в другие области также был продуктивным, особенно в сфере инженерной и технологической мысли. Но особенность такого подхода состояла не только в широте охвата разных областей.

В архитектуре, изобразительном искусстве, дизайне он проявился в создании новых способов *пространственного конструирования*, в строительстве – в утверждении приоритета линии и геометрических плоскостей из бетона, стекла и железа, что неизбежно должно было опираться на точный расчет и инженерные разработки. Новый подход был невозможен без привлечения *новых видов знания*, которые активно осваивались. Наряду с математическим знанием и обычными расчетами – это проектирование и создание больших сооружений, несущих конструкций и открытых опор, каркасов, варьирование сборных строительных блоков, слож-

ные приемы технического черчения, освоение новой техники и др.

Новый подход был основан на практическом использовании самых новейших достижений науки и промышленной технологии, новых строительных материалов и конструкций, что также стало одной из его характерных черт. Символическим ориентиром в этом плане послужило сооружение А.Г. Эйфелем башни для всемирной выставки в Париже в 1889 г., которая тогда явилась прежде всего показателем достижений техники XIX в. и лишь потом стала символом этого знаменитого города.

В отличие от нее сооружения нашего выдающегося инженера и ученого В.Г. Шухова – оригинальные конструкции гиперболоидной башни (1896) и башни радиотелеграфной станции в Москве (1921) – имели и *практическое значение*. И это тоже имело принципиальное значение для нового направления.

Синтез конструирования и знания, простота, лаконичность и целесообразность форм, четкость линий, математически выверенная «*монтажная система*» (начало положил Д. Штеренберг), скомпанованность зданий, рациональность – все это легло в основу как теоретических разработок конструктивизма, так и новой социально-культурной практики, «*жизнеустройства*», если использовать термин конструктивистов. Инженерно-технические новшества были четко ориентированы на *новые идеалы практической ценности*, на *целерациональные действия*, выражаясь современным языком.

Особо отметим, что *идея рационалистической целесообразности* была одной из основных. Она тесно связывалась с развитием новой индустриальной культуры.

В разных своих проявлениях конструктивизм выступил как функционально направленная *новая социально-культурная практика*. Наиболее яркие примеры культурного строительства в духе конструктивизма в нашей стране – это архитектурная часть Днепрогэса (1927 – 1932 гг., архитектор В.А. Веснин), дворец культуры автозавода им. Лихачева и др. Новыми зданиями конструктивистской архитектуры особенно отличалась Москва. Так, возникнув в определен-

ном социально-культурном контексте, конструктивизм сам стал знаковым феноменом культуры XX в.

2. Пафос обновления общества был передан в *новых формах*, которые сами по себе были активным началом. Не случайно еще современники упрекали конструктивизм в господстве формы и экспериментаторстве с ней, и не без оснований. Однако, хотя *форма, структура и сам процесс конструирования* определяли специфику конструктивизма, они не были самоцелью, и в современной истории культуры сведение спектра его смысловых значений к чисто формальным нововведениям рассматривается как редукция, как искажение его главных интенций. Ответ на вопрос, в чем они состоят, отчасти дают сами термины: *construction* (лат. — построение, в смысле устройства, взаимного расположения частей какого-либо предмета); *construere* (лат. — создавать конструкцию чего-либо, сооружение). Эти значения ассоциируются с языковыми, где под грамматическими конструкциями понимаются сочетания слов, выступающих в качестве одной синтаксической единицы как нечто целое. И, наконец, *конструктивный* в смысле *плодотворный*, который можно положить в основу чего-либо.

Безусловно, все эти значения указывают на определяющее значение для конструктивизма формы, структуры, построения и т.д. Но это только одна сторона. Другая состоит в том, что сама процедура конструирования должна была осуществляться в соответствии с требованием «форма следует функции»: т.е. форма должна была выразить какие-то новые смыслы и идеи, быть их языком.

А таких идей было достаточно во всех областях, и в этом выразилась попытка выработать *новую мироориентацию, характерную для конструктивизма направленность на творчество и строительство*. Даже некоторые законы и их применение в науке, технике и прикладном искусстве претерпели существенное изменение, например, законы симметрии. В архитектуре новой гармонией стала геометрия, а это уже не «застывшая музыка» и не «поэзия в камне». Геометризация строительства мыслилась как отход от старого урбанистического пейзажа с его куполами, колоннами, портиками, пышными фронтонами и прорыв в новое простран-

ство. Многоэтажные дома были еще в древнем Риме, но прорыв был в масштабности, в высоте, в господстве линии и вертикали, создании нового видеоряда. В градостроительстве продольное расположение, «строчную застройку» сменили вертикальные остроугольные контуры на фоне неба. Плоские покрытия, ленточные окна, сфокусированность линий стали вехами нового времени. Если вспомнить, что греки называли архитектуру матерью всех искусств, а позже многие понимали ее как летопись народа и его историю, то можно сказать, что конструктивизм в архитектуре отразил тенденцию «время, вперед!».

В творчестве художников-конструктивистов при всем своеобразии и оригинальности каждого из них отразилось стремление освоить и передать дух времени, особенно достижения науки и техники (в частности, в области физики и освоении Вселенной), и расширить границы искусства посредством усиления условности, схематизма фигур или вообще беспредметной живописи, построенной на строгих геометрических формах. Показательными в этом плане считаются трехмерные конструкции А.М. Родченко и В.Ф. Степановой. Они создавали «производственное искусство»; конструктивная схематичность изображений применялась также в книжном оформлении, в плакате. Примечательно, что Родченко создал не только «Висящую конструкцию», ассоциирующуюся с формой атома, и композиции из геометрических форм, но и под маркой «Реклам-конструктор Маяковский – Родченко» – четкую и лаконичную рекламу на стихи поэта «Нигде кроме, как в Моссельпроме».

Отметим, что новаторство конструктивизма при всем его радикализме было проявлением креативности не только его приверженцев: он впитал многие смыслы и идеи, выдвинутые такими новаторскими направлениями, как модернизм, кубизм, футуризм, авангард и др., кредом которых было не отображать и воспроизводить (основные принципы искусства), а *преобразовать действительность, создавать новое*, стремясь к конечной цели – ни много, ни мало – революционному преобразованию мира и человека. Тематика нового человека, а через него – и нового мира, мировой революции, интернационального единения и др.

придавала широту и масштабность художественному видению, своеобразие и оригинальность языку образов. Свидетельством тому служат весьма характерные для того времени произведения литературы и искусства: «Башня III-го Интернационала», модель 1919 – 1920 гг. В.Е. Татлина; философско-сатирический роман И.Г. Эренбурга «Хулио Хуренито» (1922), воссоздающий картину жизни Европы и России времен первой мировой войны и революции; его же «Трест Д.Е.» (даешь Европу) как осмысление и обобщение эпохальных конфликтов, противопоставления сил мира и войны в масштабах всего человечества, отстаивание идей интернационализма и солидарности, общечеловеческого братства; особо следует отметить манифест писателя в защиту конструктивизма в искусстве «А все-таки она вертится». Поиском новой формулы человека были заняты многие литераторы: так, ранний Л. Леонов в романе «Вор» (первая редакция 1927 г.) ратует за искусство, которое делает человека лучше вообще, а не в каких-то отдельных проявлениях, – что тоже было характерно для новой философско-мировоззренческой установки.

Притязания глобальные, но по тем временам отнюдь не формальные, и под них подводились основания. Стремление к *общественному и социальному идеалу* было неотъемлемой составляющей нового подхода, выполняло функции ценностной и идеологической ориентации.

Примечательно, что тенденции конструктивизма заметны и в характерном для этой эпохи жанре научно-фантастического романа, что проявилось и в тематике, и в художественном стиле. Темы интернационального братства, первооткрывателей космоса, освоения научных гипотез нашли воплощение в ряде таких романов, ставших широко известными, как «Аэлита» (1924) и «Гиперболоид инженера Гарина» (1925 – 1927) А. Толстого, «Голова профессора Доуля» (1925) А. Беляева и др. «Аэлита» тогда же была экранизирована режиссером Я.А. Протазановым. Их новизна определялась не только социальной и научной тематикой, но и более свободной, во многом определявшейся продуктивной способностью воображения художественной условностью, ассоциативными усилениями, большой метафоричес-

кой нагруженностью, а также оригинальной композиционной структурой и другими особенностями.

В целом такое проявление конструктивизма было эвристичным, воплотившим многие идейные искания, представляло собой новую форму духовно-практической деятельности, создало эпохальный стиль и перспективное направление.

3. Наконец, отметим *проективность* конструктивистских идей (от лат. *Proectus* – устремленность вперед, заданность, проекция будущего), нацеленность на перспективу. Она проявилась не только в технике, строительстве и статических видах искусства, но и как *социальное конструирование, новое понимание мира*. Особо отметим, что оно было изначально присуще конструктивизму и нашло выражение не только в теоретических программах и декларациях (работах К.Л. Зелинского, «Литературного центра конструктивистов» во главе с поэтами И.Л. Сельвинским и А.Н. Чичериным и др.), но и в попытках *практического воплощения идеи рациональной целесообразности жизни*, осуществления новой социально-культурной практики. Во многих искусствоведческих исследованиях этого периода отмечается, что художники, литераторы, поэты – ранее «певцы свободы», «властители дум» – чувствовали себя инженерами, конструкторами, рассматривали свое творчество не только как выражение личностных притязаний, но и как участие в *общем деле строительства новой жизни*. Так, И.Сельвинский в своих поэтических экспериментах через овладение техникой и конструктивно-научным мышлением пытался осмыслить переломные моменты в социальной жизни¹.

Соединение техники и искусства было характерной чертой многих жанров. Так, «бунтарь» Вс. Мейерхольд в своем «театре революции» для выражения новых идей (в частности, биомеханики) широко использовал элементы спорта, цирка и других зрелищных искусств. Его спектакли оформляла «конструктор» В. Степанова, проявляя подлинное сценическое мастерство, инженерную изобретательность. Да и как иначе, чем посредством поиска новых сценических средств, можно было создать такие постановки, как «Мистерия буфф» В. Маяковского или та же «Даешь Европу»?²

С.М.Эйзенштейн разработал метод «монтажа аттракционов», который позволял выделить наиболее впечатляющие куски, поставить их рядом и смонтировать их так, чтобы можно было увидеть второй и третий планы кадра вместо привычного видеоряда, что создавало новое представление и усиливало эмоционально-экспрессивное воздействие картины.

Ограничимся этими примерами и отсылаем интересующихся к специальной литературе, в которой показано, что конструктивизм утверждал себя как творческое «организационно-рационалистическое течение», рассматривал все «со строительной точки зрения», и что это вполне отвечало требованиям времени социалистической реконструкции³.

Подводя краткий итог, отметим, что в целом конструктивизм этого периода можно охарактеризовать как большой *социально-культурный сдвиг*. Время показало, что, хотя конструктивизм просуществовал всего два-три десятилетия, он стал эпохой, а конструктивистские идеи и сформированный им методологический подход к реальности, который можно охарактеризовать как *конструктивно-деятельностный*, оказался весьма продуктивным и перспективным и в дальнейшем получил развитие в различных направлениях современной науки, философии и искусства.

Это может вызвать возражения, особенно в отношении социального аспекта: ведь жизнеустроительные проекты конструктивистов не осуществились, да и сам конструктивизм как направление просуществовал сравнительно недолго, а в нашей стране и вовсе иссяк уже в 30 гг. Однако известно, что на то были веские причины: свобода творчества оказалась несовместимой с советским режимом, тоталитарным государством, с насаждением метода социалистического реализма в искусстве. В тяжелой обстановке 30-х гг. — разруха, голод, политика «большого террора», от которой пострадали миллионы людей, — социальные проекты были обречены. К тому же в отличие от технического социального конструирования, даже в теории, изначально не было да и не могло быть основано на знании, так как его заменяла идеология: идеальные факторы и регулятивы наделялись ролью социального знания, причем не нейтраль-

ного, а якобы выполняющего социально-преобразующую роль, декларативно — по построению социализма, по сути — созданию ложной героики.

Даже в архитектуре, где конструктивизм проявился наиболее ярко, волонтаристическое проектирование и крайний утилитаризм сыграли свою роль в том, что удачная градостроительная практика была вытеснена неадекватной человеку массовой застройкой. У нас остались лишь отдельные знаменующие свою эпоху образцы, которые, однако, до сих пор привлекают внимание (например, знаменитый «круглый дом» цилиндрической формы с окнами в виде вертикальных шестиугольников одного из основоположников конструктивизма в России Мельникова).

Архитектурные сооружения в духе конструктивизма стали мировой практикой. Особенно широко используются американские разработки, в частности, типично американский вариант — небоскреб Эмпайр-стейтбилдинг в Нью-Йорке (1931, архитектор Р.Г. Шрив и др.). Многие из таких зданий отличаются оригинальностью и выразительностью стиля и получили всеобщее признание: например, Дефанс в современном Париже; ставшее лицом города здание оперы в австралийском Сиднее, культовые здания в некоторых арабских странах. Предполагается, что в наше время рекордсменом во многих отношениях станет башня-минарет в г. Дубай в Объединенных арабских эмиратах. Такие сооружения контрастируют с традиционной застройкой, но нередко именно они становятся конструкциями-символами древних городов.

Если говорить о нашем градостроительстве, то в Москве на юго-западе уже в следующем году намечается реконструкция площади Гагарина и строительство нового ансамбля зданий Центра информатики и новых технологий. Это — мегапроект, уникальный по идее и технологии воплощения, который называют «домом-окном в третье тысячелетие», так как его стержнем, действительно, является идея дома-окна. Его каркас состоит из 12 модулей в виде кубов и цилиндров, а в каждой из фигур помещается 6 — 7 этажей. И главное — впервые в мире по диаметру кольца 60 этажей и панорамные лифты будут вращаться в разные стороны.

Сама по себе это, конечно, новаторская, поисковая конструкция, которая, так же, как и ее основные формы, нацелена на будущее. И проблема здесь не в том, что для ее воплощения нет технических возможностей. Вызывает сомнения то, как этот новаторский, буквально зависающий в воздухе проект впишется в окружающую вполне стандартную и уже устаревшую застройку Ленинского проспекта.

Одна из основных особенностей конструктивизма, которую мы старались выделить, состояла в *сочетании технического конструирования с ярко выраженной социальной направленностью*, в попытках *через новые формы освоить содержание социальных явлений*. Эта особенность также оказалась весьма перспективной и получила дальнейшее развитие как в реалистическом, так и нереалистическом искусстве. В качестве примера приведем известные факты: Б. Брехт создавал свой театр как «театр эпохи науки», рассматривал сцену как лабораторию, где изучаются новые социальные явления и отношения людей, и ставил своей целью познание мира с целью его изменения. М. Ромм в фильме «Обыкновенный фашизм» использовал «монтажный метод» Эйзенштейна: соединяя документ, технику и задачи игрового фильма, он строил сюжет так, чтобы «вскрыть психологию — только не отдельного человека, а социального явления»⁴.

Можно привести много других примеров. В частности, весьма показательной в плане развития конструктивистских идей является, на наш взгляд, «новая музыка», представленная именами А. Берга, А. Веберна, А. Шенберга. В ней проявилась не только традиционная связь музыки с математикой, но и новые принципы музыкальных построений, отличающиеся от классических рядом особенностей. Искусствоведы — наиболее известный и авторитетный среди них Т.В. Адорно — оценивают эту музыку как технический метод, плодотворную попытку «рационализации» и систематизации художественного творчества, состоящую в том, что место традиционной тональности мажор-минор, лежащей в основе классической музыки, занимает композиция посредством взаимосоотнесенных звуков, в которой исчезают оба лада и образуется один звукоряд по типу хроматической гаммы. Тем самым музыка приобретает атональный,

сериальный характер (от слова серия – ряд), строится на всех возможных соотношениях 12-ти звуков, образуя тематический ряд, который повторяется, выполняя роль мелодического рисунка. Основной признак структуры такой музыки – вариативность и контрапункт, что приводит к умножению смысла через новую полифонию. Это диссонансы вместо консонансов, разные виды математизированных приемов вместо темы как важнейшей компоненты произведения и др.

«Новая музыка», хотя и медленно, но все же успешно утверждает себя. Дискуссионным остается вопрос, выражает ли она какое-то социальное содержание. В контексте данной работы целесообразно рассмотреть этот вопрос в позитивном плане, поэтому отметим, что специалисты, в частности Адорно, видят в такой музыке противостояние общественной тенденции, низводящей музыку как духовную структуру до уровня простой функции, предмета потребления. Согласно этой точке зрения, в центре «новой музыки» оказывается эмансипированный, но одинокий и отчужденный субъект, испытывающий страх и ужас перед реальностью, бессилие в условиях «беспросветного страдания». Эти новые человеческие феномены и реалии общественной жизни XX в. не могут быть адекватно выражены традиционными гармоническими средствами. Отсюда – отсутствие мелодий, диссонансы, крик и шоковое звучание расценивается как предельно точная реакция на социальные условия, а также как попытка достичь слуха тех, кто уже не слушает. Стремление выразить смысл социальных потрясений, нонконформистская этическая позиция новой музыки по отношению к современному антигуманизму дают основание для ее высокой оценки. Предположить, что такую оценку разделяют только искушенные критики-эстеты, на наш взгляд, было бы неверно. Такие художественные приемы, как дисгармония, диссонансы издавна применялись для выражения страдания, трагедии. А они, как правило, и были порождением разлада человека с миром, окружающей средой. Приведем один литературный пример. Герой романа Т. Манна «Будденброки» – молодой человек – страдает от одиночества, грубости и бездуховности социального окру-

жения, переживает ряд потрясений. В условиях, когда *жизнь плотно сомкнула его уста*, его *единственной возможностью говорить* осталось сочинение музыки. В его импровизациях выражалось такое напряжение, «словно вскрикивала чья-то душа» и прорывались «возгласы страха»⁵. Связь музыкального с социальным раскрыта здесь через диссонансы, в которых нашли выражение боль и бессилие человека перед жизнью. Напомним, что роман написан 25-летним писателем, а герой наделен автобиографическими чертами. Новые типы музыкального освоения реальности XX в. в плане их соответствия современному мировосприятию и использование с этой целью конструктивистских идей проанализированы в специальной литературе⁶.

Современное конструирование выступает в контексте новых исторических и социокультурных факторов. Отмеченные установки, разумеется, в нем не повторяются, но помогают понять его новые проявления и особенности. В нем другие формы конструкций, типы деятельности, рациональности, но переключек с прежними немало. О революциях речи нет, но необходимость в социальных преобразованиях очевидна. Отсюда — повышенный интерес к *социальному конструированию*, к социально-культурным проектам, которые сейчас весьма актуальны, но они требуют особого анализа.

Примечания

¹ Кодекс конструктивизма // Сб. Бизнес. М., 1929.

² Этот аспект творчества В.Э. Мейерхольда отражен, в частности, в его «Переписке. 1896 — 1939». М., 1976.

³ См.: Ган А. Конструктивизм. Тверь, 1922; Эренбург И. А все-таки она вертится. М. — Берлин, 1922; Мена всех. Конструктивисты-поэты. М., 1924; Зелинский К. Поэзия как смысл. Книга о конструктивизме. М., 1929; Эйзенштейн С. Монтаж: Неравнодушная природа // Его же. Собр.соч. Т. 2. М., 1964.

⁴ См.: Ромм М. Обыкновенный фашизм // Иностранная литература. 1973. №12. С. 250.

⁵ Манн Т. Собр. соч. М., 1959. Т. 1. С. 782.

⁶ См., например: Бергер Л.Г. Эпистемология искусства. М., 1997.

МЕТАМОРФОЗЫ КОНСТРУКТИВИЗМА

Е.Л. ЧЕРТКОВА

Идея конструктивизма в европейской философии имеет долгую историю – от античности до наших дней. В различных исторических культурных контекстах эта идея приобретала значение и функции, весьма отличные от утверждаемых современными конструктивистами. В качестве теоретико-познавательной идеи конструктивизм практиковался еще в античности, особенно в трудах античных математиков, на пример, младшего современника и оппонента Платона Евдокса Книдского, утверждавшего конструктивистское происхождение математических объектов. В математическом мышлении конструктивистские идеи и поняти не потеряли своего значения.

В эпистемологии конструктивистское понимание познания получило обоснование и распространение в философии Нового времени и было наиболее концентрированно выражено в трудах И. Канта. Познание понималось как конструкция разума, который препарировал природу в соответствии со своими собственными закономерностями. Конструктивизм развивался в русле философской программы обоснования знания в контексте недоверия к опыту, с одной стороны, и утверждения активности субъекта познания – с другой. Проблема обоснования возможности достижения в этих условиях объективного истинного знания составляла смысловой центр интеллектуального контекста, в котором реализовывались идеи конструктивизма того времени. Он был включен в контекст критики познания, понимаемой как осмысление его предпосылок, возможностей, границ и рефлексия над ними. Конструктивизм был непосредственно включен в критицизм, выполнявший функцию самоопределения науки и ее самоутверждения, ибо указание на границы познания одновременно утверждало и его позитивные познавательные и преобразующие возможности в пределах этих границ. Критицизм сочетался с гносеологическим оптимизмом, который, в свою очередь, фундировал оптимизм социальный. Это единство и взаимоподдержка социального и гно-

сеологического оптимизма составляет ядро философии просвещения. Критика познания служила обоснованию возможности достижения объективного и истинного знания и тем самым право науки на социальное признание ее авторитета, на высокий социальный статус и особую роль в преобразовании общества на рациональных основаниях.

Новым этапом в развитии идей конструктивизма было литературно-художественное движение первой четверти прошлого века, нацеленное на конструирование новой социальной среды и посредством этого создание нового «конструктивного» человека. Из области научного познания идеи конструктивизма переместились в социальную и гуманитарную сферы, сохраняя при этом такие его основополагающие принципы, как критицизм и веру в силу человеческого разума. Только теперь это уже был социальный критицизм революционного времени, дошедший до радикального отказа от существующих способов организации жизни. Оптимизм же был непосредственно связан с конструктивизмом и на нем основывался. В отличие от предшественников, конструктивные способности направлены теперь не столько на познание природы, сколько на преобразование всей жизни общества. И поскольку творческие способности человека наиболее полно раскрываются и реализуются в искусстве и литературе, в них и нашли свое наиболее яркое выражение и воплощение конструктивистские идеи начала XX века. В нем соединились революционной нигилизм и романтика утопических идеалов, обращенная, как и всякий утопизм, к тотальному конструированию нового мира. Ими была поставлена задача конструирования такой окружающей среды, которая бы активно направляла жизненные процессы. Присущий утопизму инженерный подход к реальности нашел в конструктивизме свое наиболее адекватное выражение. «Октябрьская метла» (Маяковский) расчистила место для конструирования новой культуры. Конструирование новой реальности, соответствующей новому идеалу и воплощающей его – вот пафос конструктивистов того времени.

Победа плана над стихией, изобретательство и техника, художественное освоение открываемых техникой возможностей творчества, создание конструкций «без баллас-

та изобразительности» (А. Веснин) и одновременно выражение художественными средствами конструктивных свойств материала, будь то железобетон (в архитектуре) или слово (в поэзии) – все это было в арсенале конструктивизма того времени. Такому слову в поэзии отводилась та же роль, что железобетону, применение которого в строительстве открыло новую эпоху конструктивистской архитектуры.

В отличие от предшествующего «эпистемологического конструктивизма», этот можно назвать «утопическим конструктивизмом» из-за его близости революционно-утопическим идеям построения нового общества. Это было своеобразным и ярким выражением стиля революционной эпохи, базирующейся на мировоззрении и идеологии коммунизма. Особенно ярко эти идеи были реализованы в архитектурных проектах конструктивистов. Но идея соединения технического и художественного творчества прозвучали и в литературных поисках поэтов того времени, объединенных в ЛЦК – литературный центр конструктивистов, возглавляемых Корнелием Зелинским и Ильей Сельвинским. Об идеологии и настроении авторов ЛЦК свидетельствуют характерные названия издаваемых ими коллективных сборников – «Мена всех» (М., 1924), «Госплан литературы» (М., 1925) или, к примеру, название статьи идеолога конструктивизма К. Зелинского «Конструктивный социализм», помещенная в коллективном сборнике «Бизнес» (1929). Еще более претенциозно звучит название декларации «ЗНАЕМ. Клятвенная конструкция (Декларация) конструктивистов-поэтов»¹. Печатным органом конструктивистов был журнал «На литературном посту»².

На первый план идеологи ЛЦК выдвигали понимание художественного произведения как конструкции, что противопоставлялось отвергаемому ими буржуазному искусству, трактуемому как пассивное отражение действительности. (В этом пункте – противопоставление конструирования отражению – современные конструктивисты являются прямыми последователями наших.) Главное назначение произведения искусства – максимальное участие в «организационном натиске рабочего класса» посредством его насыщения злободневной тематикой и применения наиболее «тех-

ничных» средств и приемов художественного выражения духа времени. В литературе одним из таких средств был принцип «грузификации слова», его максимальной уплотненности, по аналогии с увеличением полезного эффекта в технике путем уменьшения затрат по весу и материалу на единицу силы. В манифесте «Мена всех» принцип «грузификации слова», или «конструкторского» распределения материала уточняется как «максимальная нагрузка потребности на единицу его, т.е. коротко, сжато, в малом – много, в точке – все»³.

Пафос техники преобладал и главенствовал в литературных опытах конструктивистов, оттесняя на второй план острые социальные проблемы, за что это направление было подвергнуто суровой критике со стороны идеологов-марксистов того времени, и к 1930 г. ЛЦК пришел к самоликвидации. Как и любой утопический проект, революционный конструктивизм завершился «башней Татлина» – прекрасной моделью, не имеющей воплощения⁴. И хотя утопии никогда не достигают своей цели, не реализуются в том виде, в каком замышляются, тем не менее они вносят свой вклад в культуру, доводя до предельной ясности и наглядности заключенные в них идеи. Так произошло и с конструктивизмом, еще раз показавшим, что утопия наиболее полезна и плодотворна именно как «бумажный проект».

Современный конструктивизм декларирует свою полную непричастность как к классическому «эпистемологическому» конструктивизму, так и тем более к конструктивизму «утопическому». Однако имена или названия редко бывают случайными. И то, что сторонники этого направления не смогли подобрать иное самоназвание, отчасти свидетельствует о хотя и не признанной, но глубокой связи со своими предшественниками. Главным, что их объединяет, остается, конечно, идея конструкции как выражения творческого, активного начала человеческого сознания и познания. А в качестве основного «разъединяющего» оказывается идея критицизма как в ее классическом понимании в контексте проблемы обоснования возможности объективного знания, так и в утопическом контексте обоснования идеала совершенного общества посредством вскрытия ан-

тагонизмов существующего. В новейшем конструктивизме идеи объективности и истины признаются безнадежно устаревшими, а критика общества уступает место «терапевтическому» исправлению сознания. Таким образом, произошел отказ как от гносеологического оптимизма «эпистемологического» конструктивизма, так и от социального критицизма конструктивизма «утопического».

Если посмотреть на исходные идеи современного конструктивизма, на первый взгляд с точки зрения эпистемологии все выглядит вполне обычно: понимание познания как активного, т.е. конструктивного процесса — кто с этим будет спорить? Или понимание специфики социального знания как социокультурно обусловленного и со стороны его субъекта, и со стороны содержания знания. Об этом много написано, в том числе и в отечественной философии и психологии. Теперь это уже не считается спецификой только социального знания, но признается и в отношении современного естествознания как одна из характеристик его «постнеклассической» стадии. То же касается и борьбы с фундаментализмом, тематизацией ситуативности и исторического своеобразия знания — все это уже стало общим местом в эпистемологии.

Особенность современного конструктивизма — в особом взгляде на знание, в новом ракурсе его рассмотрения, когда оно выступает в качестве инструмента обеспечения жизнедеятельности организма (индивида, социальной группы, общества). Важным моментом является изучение того, как научное познание влияет на жизнь людей, меняет и структурирует бытие человека. Познание является здесь синонимом жизни как процесса самоорганизации и самосохранения. Такой подход открывает большие просторы для исследования специфики социальной реальности.

В отличие от ранее рассмотренного «эпистемологического» конструктивизма, современный конструктивизм отличается новым ракурсом в рассмотрении социального знания — как конституирующего элемента человеческого опыта повседневной жизни. Изучается процесс освоения человеком не объективного мира, а практики социального взаимодействия, где знание является средством конструирования со-

циального опыта. Особенно важен акцент на активности ментального мира в жизни человека и социума. И этот акцент вполне созвучен духу времени: чем больше человек полагает, что обретает независимость от природы, тем большее значение он приписывает созданному им ментальному миру, вплоть до утраты различия между реальным и виртуальным мирами, свойственного постмодернистскому сознанию.

Осуществляемый в русле конструктивизма анализ знания как конституирующего элемента социальной реальности⁵ не влечет с необходимостью тех эпистемологических выводов, которые делаются на его основе. Тем не менее современный конструктивизм обнаруживает серьезные философские притязания — делается попытка переформулировать и решить средствами современной социальной науки «вечные» вопросы философии. Подобные попытки разрешения философских проблем средствами науки предпринимались неоднократно. Необычность здесь состоит в том, что отвергается свойственный по самой природе исследовательской деятельности ученым стихийный реализм. В борьбе с эссенциалистским «удвоением мира» конструктивисты пошли не по пути редукции идеального к материальному, что уже неоднократно было, а по пути запрета вопросов онтологического характера. Познание рассматривается исключительно со стороны познающего, а познаваемое само также является содержанием сознания. Знание рассматривается как особая реальность, как «окружающий мир», с которым сталкивается или в котором существует человек в своей повседневной жизни. Оно не представляет (репрезентирует) какой-либо реальности, а составляет субстрат, образующий саму эту реальность. При этом не человек формирует свой образ реальности, а, напротив, наши представления, знания формируют нас по своему образу и подобию. Они обуславливают наш опыт и предписывают нам способ осмысления этого мира и деятельности в нем. Это касается и научного знания как элемента ментального мира, в котором они переплавляются в обыденные понятия. Познание выполняет задачу упорядочения внутреннего мира социального субъекта, а не объяснения объективной онтологии бытия. При таком понимании действительно неуместно ста-

вить вопрос о его истинности, поскольку критериями служат уже не доказательство, проверка, обоснование, а доверие, пригодность, приемлемость и т.п.

Знание, рассматриваемое как конституирующий элемент в структуре социальной реальности, обнаруживает, конечно, иные характеристики, чем знание в структуре познавательной деятельности, где оно, сохраняя все черты социальности (включенность в конкретную социокультурную реальность с присущей ей культурной традицией, конструктивность, понимаемую как выражение активности человеческого сознания, ситуативность, историчность) все же к ней не сводится. Познавательная деятельность, развившись в особый тип отношения к миру, нацелена на выработку знания «об объекте», и потому ориентировано на идеалы объективности, истинности, проверяемости, согласованности, общезначимости и т.д. Знание в структуре познавательной деятельности отличается от знания как элемента повседневности. Но так же, как знание об объекте не возникает в безвоздушном пространстве, вне социума, вне культуры, так и социальная жизнь, при всем ее своеобразии, не может протекать вне природы и истории, не испытывая сопротивления объективного мира. Поэтому разрыв этих двух сфер реальности носит относительный характер и преодолевается на философском уровне осмысления бытия. Когда же философские вопросы рассматриваются в пространстве конкретно-научного исследования, нередко могут открыться новые и неожиданные ракурсы, но при этом возможна и односторонность, и абсолютизация этой односторонности. Философские притязания конструктивистов понятны, ибо очень уж «философски нагружена» область их интересов. Но особенно эпатажные манифесты конструктивистов, вроде «эпистемологического солипсизма», надо принимать *cum grano salis*.

Из трех рассмотренных вариантов конструктивизма нас более всего интересует сравнение двух последних.

Выбор такого сопоставления обусловлен как совпадением названий, так и провоцирующими такое сближение высказываниями и названиями работ современных конструктивистов, таких, например, как «Изобретенная действи-

тельность». Это название известного сборника статей конструктивистов под редакцией П. Ватцлавика вполне подходит и для обозначения какого-нибудь утопического проекта. Можно обнаружить сходные черты рассматриваемых направлений в их понимании социальности как сконструированной реальности, в отождествлении образа действительности и самой действительности. Утопия — это тоже теоретическая конструкция, идеальная модель. Ибо что такое остров Утопия или город Солнца, как не придуманные, или иначе изобретенные образы идеального общества? Сходны они и в отрицании понимания познания как отражения. Если современные конструктивисты отрицают понимание познания как репрезентации, то утопические конструктивисты отрицали искусство за его пассивность и отражательность. Подобно понятиям в интерпретации конструктивизма, идеал утопических конструктивистов также не отражает мир, поскольку он не может быть получен из опыта, но творит его. Объединяет их и акцент на творческой роли идей, или, в терминологии новых конструктивистов, «социальных представлений», их определяющего влияния на жизнь. Утопические проекты — это тоже «социальные представления», реально воздействующие на социальное поведение, на ход истории.

Однако при ближайшем рассмотрении обнаруживается внешний характер указанного сходства. В то время как различия между ними оказываются более значительными, чем сходство. В отличие от конструктивистов, отказывающихся ставить и решать проблемы онтологии, и не потому, что они не входят в компетенцию конкретных социальных наук, а потому, что считаются ими бессмысленными, утопические проекты базируются на твердом онтологическом фундаменте. В их основе лежит осмысление «вечной» идеи социальности и основанные на ней представления о структуре и законах общества, знание которых является основанием проектирования идеального общественного устройства. Принципы рациональной организации общества выводятся из онтологии социальности. Поиск истины — не последняя задача для утопии и радикально отрицаемая в современном конструктивизме.

Утопизм совершенно не приемлет плюрализм равнозначных реальностей. Он всегда императивен и претендует на знание объективной истины и старается донести это знание до других. В противоположность этому социальный конструктивизм всякую рациональность, в том числе и научную, рассматривает как результат взаимного обмена смыслами или «конвенциональной интеллигибельности». Поэтому для утописта конструирование знания не равно конструированию реальности. Только осмысление сущности социальности дает ключ к пониманию и критике его реального существования и помогает найти пути его изменения в нужном направлении. В отличие от конструктивизма, утопия строит метафизику социального бытия. Предлагаемые утопией конструкции ориентированы на идеал, а не на эффективность, пригодность, жизнеспособность и т.п. Утопия противопоставляет реальную действительность ее идеальному образу, или виртуальной реальности, тогда как в конструктивизме по существу не проводится различий между реальной и виртуальной действительностью. Поскольку реальность понимается как состоящая из интерпретаций и оценок, то достижение «счастья» возможно в любой ситуации и не путем преобразования мира, а путем изменения своего отношения к нему — путем пересмотра своих интерпретаций. Как писал Ватцлавик, больным человека делает не болезнь, а ее интерпретация. Это же можно повторить и в отношении конструктивистского понимания общества. Такая позиция возможна и приемлема в металлической среде, где преобладает удовлетворенность существующим положением дел, но в ситуации осознания глобального кризиса метод смены картины реальности, если он не повлечет за собой изменения в самой реальности, едва ли окажется эффективным для выживания как человека, так и человечества.

В итоге можно сделать вывод, что, несмотря на совпадения во многих частных позициях, они расходятся в основополагающих для каждого из них принципах. Современный конструктивизм не просто отличается от утопизма, но представляет противоположную ему крайность в понимании природы социального. Если воспользоваться классификацией К. Мангейма, современный конструктивизм, в

противоположность отечественному конструктивизму первых послереволюционных лет, выполняет противоположную утопической идеологическую функцию, поскольку способствует консервации и стабилизации общества, а не его радикальным преобразованиям. Утверждаемый социальным конструкционизмом принцип изменения отношения к действительности (подразумевается, что мы не можем изменить ее) противостоит утопическому принципу радикального преобразования мира, если он не соответствует нашим идеалам. В отличие от раннего «эпистемологического» и недавнего «утопического» этапов эволюции идеи конструктивизма, современный конструктивизм выражает скорее дух усталости и разочарования в познании и культуре вообще, неверия как в социальный идеал, так и в возможности реализации классического идеала познания⁵.

Примечания

¹ В качестве иллюстрации духа конструктивизма приведем отрывок из этой декларации: «Конструктивизм как абсолютно творческая (мастерская) школа утверждает универсальность поэтической техники; если современные школы порознь вопяют: звук, ритм, образ, заумь и т.д., мы, акцентируя И, говорим: И – звук, И – ритм, И – образ, И – заумь, И – всякий новый возможный прием, в котором встретится действительная необходимость при установке конструкции» (*Чичерин А., Сельвинский И.* Клятвенная конструкция конструктивистов-поэтов // Литературные манифесты от символистов до наших дней. М., 2000. URL address: http://www.9151394.ru/projects/liter/bibl_11/manifest/doors/doors1.htm/

² Среди авторов журнала «На литературном посту» упоминается и В.Ф. Асмус, но мне не удалось найти каких-либо его конструктивистских работ.

³ Мена всех / Сб. М., 1924. С. 8.

⁴ К счастью, «бумажным» оказался и нереализованный проект конструктивиста И. Леонидова, предлагавшего возвести на Красной площади огромную башню для Министерства тяжелого машиностроения, поднимающуюся выше колокольни Ивана Великого, которая должна была символизировать победу и мощь пролетариата. Будем надеяться, что так же завершится и проект «памятника Газпрому» в Санкт-Петербурге, прозванному народом «кукурузой».

⁵ Здесь речь идет лишь об одном его направлении, развиваемом в социально-гуманитарных науках и именуемым «социальным конструкционизмом», или, как его еще называют, «коммуникативный конструктивизм».

КОНСТРУКТИВИСТСКИЙ ПОДХОД К Я

Е.О. ТРУФАНОВА

Тема *Я* является одной из ключевых составляющих теории познания, интерес к которой не только не угасает, но напротив, все более возрастает – современная философия предлагает новые подходы к рассмотрению *Я*, новые рефлексии над уже существующими концепциями. *Я* является крайне многозначным понятием, и разные исследователи часто подразумевают под термином *Я* разные вещи. Представляется целесообразным выделить несколько основных аспектов, из которых важнейшими будут три главных «слоя» – *Я* эпистемологическое (*Я* как центр познания), *Я* психологическое (*Я* как самость) и *Я* социальное (*Я* как способ саморепрезентации).

Я, являясь изначально сугубо философским концептом, активно исследуется учеными из других областей знания – психологами, психиатрами, нейрофизиологами, антропологами, этнографами, социологами, историками, культурологами, лингвистами, кибернетиками, специалистами по искусственному интеллекту и др. Междисциплинарность исследований *Я* особенно прослеживается в современных исследованиях, где достаточно широкое распространение получает конструктивистский подход к *Я*, утверждающий, что *Я* находится в постоянном становлении и развитии, *Я* *конструируется*.

В истории философии мы можем проследить предпосылки к формированию этого подхода. Мы можем, например, сказать, что у И.Фихте¹ *Я* не только конструирует себя, но в каком-то смысле всякая реальность, по его мнению, есть продукт деятельности *Я*. Если у Декарта *Я* дано изначально, у Фихте сознание порождает само себя, т.е. мы уже можем говорить о некоей конструктивной деятельности. Перед субъектом всегда стоит задача самоопределения, однако при этом возникает круг, поскольку, с одной стороны, *Я* уже полагается изначально, с другой – является целью, к которой надо стремиться, то есть оно содержит в себе одновременно начало и конец. И в целом представляется, что

Фихте вкладывает в понятие *Я* некий иной смысл, чем тот, который вкладывает в него современная эпистемология.

Следующей важной вехой в конструктивистском подходе к *Я* является сартровская концепция. Сартр отмечает, что *Я* может заблуждаться на тему того, каким оно является на самом деле. Все, что поставляют интуиции *Я*, может вступить в противоречие с последующими интуициями. *Я* может считать себя завистливым или раздражительным, но при этом заблуждаться на свой счет. Возможно даже, что *Я* конструируется и вовсе исключительно из ложных воспоминаний.

Также важным фактором в конструировании *Я*, по мнению Сартра², является присутствия Другого в моем опыте. *Я* как акт саморефлексии и как его объект возникает из отношения индивида к другим. Сначала человек чувствует себя наблюдаемым, объектом Другого. И потом, лишь в результате речевой коммуникации возникает полноценное *Я*. *Я* как бы загораживает подлинную жизнь субъекта от него самого (Сартр называет его одним из видов «ложного сознания»), и субъект пытается избавиться от него. Но он не может этого сделать, так как пустое само по себе сознание тяготеет к самообъективации в виде *Я* и потому что жизнь в обществе людей заставляет сознание принимать образ *Я* (именно другие люди заставляют человека принять образ *Я*, тем самым затрудняя для него доступ к самому себе). Поэтому сознание должно постоянно менять свое *Я*, меняя его образ (*Я* и его образ неотделимы). Постоянная смена *Я* по Сартру – важный показатель аутентичности жизни. Смена *Я* необходима для самопознания, она помогает не «застревать» в образе, навязанном нам обществом.

Мартин Хайдеггер³ (следуя Марксу) высказывает идею, которую потом разовьют конструкционисты – идею о человеке как авторе самого себя. Немецкий философ пишет о том, что человек стремится создать свое аутентичное *Я*, а этот процесс возможен только на основе проекта быть самим собой. Только аутентичная личность может обладать существенными характеристиками самости (индивидуальность, тождественность себе, единство, субстанциональность). Быть *Я* – означает достичь всех этих качеств и оставаться верным им. У человека есть возможность выбирать

собственные возможности в различных ситуациях, возникающих в его жизни, так он реализует свое авторство себя. По Хайдеггеру все бытие человека сводится к постоянному стремлению к целостности, аутентичности и борьбе за ее сохранность.

Особенно большое влияние на становление конструктивистского подхода к *Я* оказала психология. Серьезный удар по классическому представлению о *Я* как едином и неделимом устойчивом центре человеческого бытия нанес Зигмунд Фрейд⁴, показав, что *Я* вовсе не так прост как кажется, и на самом деле наше сознание является сложной системой, подобной айсбергу – осознаваемое Ego⁵ мало того, что контролируется подавляющими механизмами Super-Ego, так еще и занимает в нашей психике весьма небольшое «пространство» по сравнению с бездонными глубинами бессознательного Id. Уже здесь мы видим, что собственно *Я*-Ego является, фактически, конструируемым результатом взаимодействия Super-Ego и Id: в каком-то смысле Super-Ego «усмиряет» часть бессознательного, вычлняя в нем сознательные структуры. Сознательное *Я* возникает при соприкосновении бессознательного с внешним миром. Однако возникает вопрос – что это за внешний мир, который влияет на становление нашего *Я*? Природа, окружающая среда? Несомненно, но не это главное. Главное – это окружающая нас общественная среда, т.е. – другие люди. Именно общество, чьи установки передаются нам через значимых Других, и воплощается в Super-Ego, которое позволяет конструировать наше *Я*.

Известный швейцарский психолог Жан Пиаже⁶ уделил много внимания изучению детской психологии и становлению личности. Он утверждает, что *Я* как смысловой центр человеческой личности не появляется на свет вместе с ребенком. Даже самый первый *Я*-образ является результатом длительного становления, изначально ребенок не способен понять уникальность своей позиции относительно других людей и предметов, это приходит лишь со временем, когда ребенок учится смотреть на себя со стороны, что и знаменует возникновение *Я*. Анализ речи ребенка показывает, что лишь в возрасте около трех лет он впервые начинает осознанно использовать понятие «*Я*», говоря о себе.

Также можно упомянуть теорию психосинтеза итальянского медика и философа Роберто Ассаджолли⁷. С точки зрения Ассаджолли, постижение своего *Я* необходимо. Однако люди, которые не могут постигнуть своего *Я*, могут создать соответствующий идеальный образ, а затем стараться воплощать его в жизнь. Идеальные модели могут быть не только жизненными ориентирами по принципу «кем я хочу быть», но и экстравертивными идеалами — например, патриот, посвящающий себя родине, женщина, посвящающая себя любимому, и таким образом, поглощенная им, полностью отождествляющая себя с ним. Вокруг выявленного центра объединения и формируется новая, цельная личность. Именно процесс ее создания и называется психосинтезом. Для осуществления психосинтеза необходимо четко сформулировать программу реализации «себя».

В гуманистической психологии Абрахама Маслоу⁸ высказывается идея о потребности человека в самоактуализации. Высшей из человеческих потребностей, с точки зрения Маслоу, является потребность в самоактуализации, т.е. в раскрытии своих потенциалов наиболее успешным образом. По Маслоу, новорожденный ребенок еще не является человеком, он лишь человек в потенции. Человеком нельзя родиться, им нужно стать. В этом становлении помогают родители, общество, культура — именно они формируют человека, а затем он сам встает перед задачей поиска и раскрытия своих индивидуальных особенностей, своих «сильных» сторон. Маслоу отмечает, что зачастую этот поиск связан с трудностями, поэтому многие люди отказываются от него, отказываясь, таким образом, от возможности самоактуализации. Однако именно достижение самоактуализации является проявлением высшей человеческой сущности. Именно в ней *Я* реализует само себя, отвлекаясь от голосов Других и прислушиваясь лишь к себе. Самоактуализация также связана с нонконформизмом, с противопоставлением своего уникального *Я* любым другим инстанциям.

Однако вернемся к философии. В современной философии наблюдается разделение на две основных тенденции подхода к *Я*. Одна линия — идущая еще от Декарта, утверждает, что *Я* является изначальной бесспорной данностью.

Этой точки зрения придерживается, например, такой известный исследователь сознания, как Джон Серл⁹. Однако более популярна сейчас другая линия, которая предполагает постепенное конструирование и реконструирование *Я* в ходе индивидуального развития человеческой личности — это конструктивистский подход.

Говоря о конструктивистском подходе к *Я*, мы говорим о направлении социального конструкционизма. Это направление сейчас состоит из множества различных поднаправлений, которые имеют ряд различий. Их объединяет, однако, критика традиционных подходов к *Я*, в которых *Я* рассматривается как неизменная сущность. Взамен этого конструкционисты предлагают принципиально новый подход, говорящий о том, что существует не одно *Я*, а множество *Я*, наличествующих в различных лингвистических практиках. *Я* с их точки зрения конструируется с помощью символических ресурсов культуры. Перемещается фокус с рассмотрения *Я* как сущности к методам конструирования *Я*, и *Я* начинает пониматься как жизненная история или набор историй. Также эти теории объединены представлением о дискурсе как центральном организующем принципе конструирования, в нашем случае — конструирования *Я*.

Один из основоположников социального конструкционизма и конструкционистского понимания самости, американский профессор психологии Кеннет Герген, приобретший особую известность своей работой «The Saturated Self» («Насыщенная самость»)¹⁰, поясняет, что все формы понимания нами окружающего мира и себя (в этом же контексте рассматривается и *Я*) являются продуктами социума, исторически и культурно обусловленного взаимодействиями между людьми. Особую роль в конструировании *Я* играет язык как основное средство интеракций между людьми. Именно язык является одним из главных факторов в окружающей человека культурной среде, который и создает определенные условия, называемые в социальном конструкционизме «дискурсом». Под дискурсом далее мы будем понимать социокультурный контекст, выраженный через возможности языка и влияющий на постижение человеком окружающего мира и позиционирование им своей самости.

Прежде всего, дискурсом является особый способ описания мира, который использует данный индивид, и сама ситуация, в которой разворачивается коммуникация или самоописание.

Философы-конструкционисты Браунин Дэвис и Ром Харре¹¹ предлагают называть «дискурсивными практиками» все способы, которыми люди активно создают социальную и психологическую реальности. Таким образом, дискурс понимается ими как институционализированное использование языка и схожих с языком систем. Дискурсы могут быть связаны с дисциплинарным, политическим, культурным уровнем, могут проявляться на уровне малых групп, могут фокусироваться вокруг специфических тем, например, половой или классовой принадлежности. Дискурсы могут вступать в соревнование между собой, зачастую они создают однозначные и несовместимые с другими версии реальности. Например, малая группа может формировать дискурс из узкораспространенного, понятного только членам данной группы «сленга». Дискурс, в котором участвуют женщины, по некоторым параметрам отличен от мужского. Дискурсы рабочего и представителя интеллектуальной элиты могут различаться настолько, что может показаться, что они существуют в разных мирах. Важно также помнить о том, что каждый язык уже налагает свои рамки на дискурс — различие менталитетов представителей разных народов не только подчеркивается языковым различием, но и создается благодаря нему. Сами личности, формирующие дискурсивные практики, являются одновременно формируемыми ими.

Представители дискурс-анализа Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф¹², изучая проблемы политических дискурсов, а также вопросы власти и гегемонии, подчеркивают, что ни один из дискурсов не может однозначно утвердиться как доминирующий. И человек постоянно находится в ситуации конфликта дискурсов, и каждый дискурс приписывает индивиду определенную позицию, благодаря чему человек может в одно и то же время занимать различные позиции, каждая из которых соответствует одному из конфликтующих дискурсов. Это усложняет процесс конструирования *Я* как цельной и последовательной системы, и ведет к определенному рода центробежным тенденциям внутри лично-

сти и невозможности фиксирования некоего постоянного центра.

С точки зрения Р. Харре *Я* является определенно типа теорией, которой обладает тот или иной человек. Теория эта и является конструкцией, активно создаваемой самим человеком в рамках дискурса. Испанский психиатр Луис Ботелла¹³, представитель нарративной психологии, указывает, что в его понимании *Я* конструируется не как теория, а как «нарратив». В чем различие? По его утверждению, теория состоит из неких ожиданий или гипотез личности о самой себе, тогда как основа нарратива — это определение ценностей и самооценка. Однако оба этих направления принимают как основную предпосылку то, что наши нынешние идентичности, которые мы себе приписываем, являются личными способами связывания нашего прошлого с ожидаемым будущим. Это чувство личностной связности может исчезать в некоторых клинических случаях (например, при паранойе), и тогда ощущение будущего пропадает, или же в случаях депрессии наличествует ожидание негативного будущего. Так, создание *Я*-конструкции необходимо для наведения моста между прошлым и будущим человека, создавая то самое настоящее, в котором человек существует на данный момент. Она увязывает события жизни человека (прошедшие и предполагаемые) в единый узел. С точки зрения К. Гергена, нарратив создается непосредственно индивидом, тем не менее он формируется в рамках налагаемых языком социокультурных ограничений. Нарратив ограничен данным ему словарем языка, который он использует. Еще М. Мерло-Понти¹⁴ утверждал, что мы можем знать множество языков, но существуем во вселенной, созданной лишь одним из них, тем, который мы считаем для себя основным. Таким образом, как уже было сказано выше, детали, из которых конструируется *Я*, различны для каждой языковой среды. Что же такое нарратив? Собственно, это *жизненная история*, рассказанная самим человеком.

Миллер Мэйр формулирует основной принцип конструкционистской психологии — «личностные процессы психологически направляются историями, в которых эти личности живут и историями, которые они рассказывают»¹⁵.

Ему вторит Герген: «Наша нынешняя идентичность не является неожиданным таинственным событием, она разумный результат нашей жизненной истории...»¹⁶. Из последней цитаты можно сделать вывод о том, что эта история создается с помощью разума, т.е. целенаправленно, а не спонтанно. Само-нарратив (self-narrative) увязывает все события нашей жизни в единую систему, подобную логично построенной истории, а Я, таким образом, является одновременно и ее героем, и ее рассказчиком. Так человек, создавая нарратив, рассказывает его, прежде всего, самому себе.

Специалист по нарратологии и теории нарратива Джеральд Принс определяет нарратив как «репрезентацию по меньшей мере двух настоящих или вымышленных событий или ситуаций в определенный промежуток времени, каждое из которых не является предпосылкой или следствием другого»¹⁷, а нарративный психолог Теодор Р. Сабрин квалифицирует его как «способ организации эпизодов, действий и отчетов о действиях; это нечто, что соединяет простые факты и фантастические вымыслы...»¹⁸. Любопытная подробность – нарратив создается отнюдь не из сугубо реальных событий и фактов – здесь реальность сочетается с фантазией, причем не принципиально, в каких пропорциях они сочетаются – человек сам определяет значимость каждого из событий, для внедрения его в конструкцию собственного Я.

Я-нарратив¹⁹ представляет собой не одну-единственную историю, а совокупность всех жизненных сюжетов, в которых оказывается Я. Так, нарратив представляется нам как роман с множеством действующих лиц, в качестве которых выступают различные Я-образы человека. Однако все эти действующие лица относятся физически к одному актору, воплощенному в одном теле. Конструирование Я-нарративов было бы невозможно без использования символических ресурсов языка.

Часто конструктивистский подход пересекается с постмодернистским. Однако, если для постмодернизма характерны представления о деконструкции Я, его распадения, то конструкционизм предлагает новый подход к рассмотрению Я. Идея изменчивости Я, его конструирования в за-

висимости от социокультурных факторов не предполагает отрицания Я как устойчивой конструкции. Тем не менее наблюдаются некие сходства. Так, постмодернизм рассматривает Я как децентрализованную, диалогическую и полифоническую нарративную конструкцию, что в определенной мере мы можем видеть и в конструктивизме. М. Мэйр²⁰, клинический психолог, автор работ по нарративной психологии и психологии личностного конструирования (personal construct psychology), предполагает, что самость лучше рассматривать как сообщество разных Я, а Германс, Кемпен и ван Лоон²¹ (голландские психологи и психиатры, близкие к конструкционизму и занимавшиеся проблемой самости) предлагают идею полифонического романа (т.е. романа, в котором не единый автор, но множество голосов автора, высказывающихся с разных точек зрения) в качестве метафоры самости. Так, у них Я обладает возможностью воображаемо занимать различные позиции и диалогически общаться с другими своими позициями. Эти различные голоса и рассматриваются как «возможные Я», и формируют сложносоставную структуру самости. Концепцию «возможных Я» (*«possible selves»*) в своей совместной статье предлагают Хейзел Маркус и Пола Нуриус²², американские психологи, занимающиеся проблемами самости и идентичности. Это набор Я-образов – какими мы хотели бы быть, какими мы боялись бы стать, какими мы можем стать. Авторы подчеркивают, что идея возможных Я устремлена в будущее – это наше ожидание пути развития нашего Я. Наше настоящее Я называется Я-концепцией – то, какие представление о себе мы имеем на данный момент. Я-концепция является не монолитной сущностью, а набором определенных Я-схем, которые, в свою очередь, являются генерализацией прошлого опыта индивида в различных ситуациях. В разных ситуациях возможно проявление различных рабочих Я-концепций. Здесь, однако, нужно отметить, что данная теория является все же психологической, и предлагаемые авторами «возможные Я» являются определенными идеализированными поведенческими стратегиями человека, рассматриваемыми в тех или иных обстоятельствах, в том или ином контексте. Здесь, как это часто бывает в концепциях

психологов, предлагается чисто практический подход к проблеме *Я* – в каждой конкретной жизненной ситуации человеку представляется выбор наиболее подходящей для ее решения альтернативной версии своей самости, которую он сам формулирует, исходя из своего общего жизненного опыта.

У М.М. Бахтина²³ через отношения автора и героя исследуется процесс конструирования истории, и хотя в данной ситуации автор рассматривает героя как Другого, рассказывая его историю, но и создание собственного нарратива является своего рода отстранением от собственного *Я* и представлением его как Другого. Рассказывая историю о своем *Я*, автор отчуждает его и конструирует историю его жизни как историю Другого. Иным образом создание подобного рассказа невозможно. Возможность рассказа о себе базируется исключительно на умении посмотреть на себя со стороны. Также важно отметить, что автор и герой постоянно находятся в диалоге, т.е. позиция героя является не сугубо пассивной относительно автора. Так отношения автора и героя становятся метафорой внутреннего диалога человека в процессе конструирования своей жизненной истории.

Таким образом, в конструктивистском подходе *Я* становится сложным образованием, и речь идет либо о распадении *Я* на различные элементы, объединенные в сложную структуру, либо о мультипликации *Я*-образов, так что самость становится пространством ментального театра, в котором множество *Я*-актеров разыгрывает между собой различные пьесы. Существенным отличием постмодернистского и конструктивистского подходов является то, что постмодерн видит в полифоничности и децентрализации распад *Я*, тогда как для социального конструкционизма эти характеристики *Я* представляются не только приемлемыми, но и необходимыми условиями существования устойчивой *Я*-конструкции в современных условиях.

Исходя из конструкционистских представлений, разрабатывается и особое понимание идентичности. Если М. Хайдеггер считал, что человек является автором своей самости, создающим свое *Я* на основе особого проекта быть самим собой, то некоторые другие философы утверждают, что человек может считаться в лучшем случае лишь «соавтором»

своей самости²⁴, так как люди находятся в постоянных интеракциях, и неизвестно, чье влияние является решающим для формирования нашего Я.

Дискурсы всегда определяют конкретные субъектные позиции, занимаемые людьми. Эти позиции занимаются субъектами, в зависимости от способа, которым к ним обращается Другой. Например, ребенок говорит «мама», и женщина, к кому это обращено, обретает приписываемую ей идентификацию матери. Однако один-единственный дискурс никогда не может стать для человека доминирующим, дискурсы постоянно находятся в конфликте друг с другом. Даже в одно и то же время различные дискурсы могут приписывать одному субъекту различные позиции. Поэтому каждый индивид имеет несколько идентификаций (в зависимости от возможных способов обращения к нему), и как следствие является децентрированной сущностью.

С точки зрения дискурсивной психологии Поттера и Уэзерел, Я является динамической сущностью, находящейся в постоянном взаимодействии с окружающим миром. Основой для формирования личности являются социальные диалоги. Дети усваивают восприятие своей личности, усваивая свои роли в различных рассказах и дискурсах. Однако личность человека не заканчивает раз и навсегда свое формирование в детстве, ее становление продолжается всю жизнь. «Личность – это бильярдные шары, которые непрерывно распространяются, изменяются, группируются и перегруппировываются в изменчивой социальной области (Wetherell. Maybin. 1996. С. 222)»²⁵. Личность рассматривается состоящей из множества идентичностей, сформированных в различных дискурсах. Мишель Фуко определяет идентичности как временный продукт субъектных позиций в пределах дискурсов. Так, идентичности расколоты, так как включены во множество дискурсов, зачастую антагонистичных. Многие дискурсивные психологи говорят о существовании множества версий Я, из которых мы формируем ощущение своей личности²⁶. Иногда нам проще принять навязываемые со стороны идентичности, идентичности, предписанные обществом, поскольку человек в дискурсивной практике может выступать исходя из узнаваемой для само-

го себя и других людей идентичности. Любая идентичность является гибкой и выбирается человеком лишь на определенное время. Как мы видим, здесь речь идет о множестве идентичностей. Однако это утверждение представляется нам не вполне верным. Мы можем говорить о множестве идентификаций в разных ситуациях, т.е. о моментах определения своей позиции в рамках данного дискурса и в то же время в рамках своей идентичности, которая, хотя и подвержена изменениям и переструктурированию, все же является единой и обладает определенным постоянством. Именно постоянство идентичности (хотя и относительное) является необходимым для моего существования как цельной самости, а не набора различных впечатлений и временных идентификаций.

Своего рода предтечей нарративного понимания личности явился М.М. Бахтин²⁷, как уже было отмечено выше. Следует также упомянуть теорию Умберто Эко об «открытых произведениях»²⁸. «Открытым произведением» для Эко является такое произведение (оно может быть не только произведением художественной литературы, но и музыкальным произведением, и даже научным текстом), которое требует активности читателя (исполнителя) при его восприятии (воспроизведении), и которое допускает множество толкований, а не лишь одну трактовку, предзаданную автором (однозначность трактовки — характеристика «закрытого произведения»). Так, мы можем понимать *Я* индивида как «открытое произведение», в котором сам индивид является и автором, и исполнителем, а Другие, также выступая с позиций «читателя» («слушателя») привносят свое понимание самости, дополняя создаваемый человеком *Я*-нарратив.

Понимание идентичности через нарратив и дискурс особенно важно в современном обществе, поскольку на первый план постепенно выходят текстовые коммуникации — все больше людей вовлекается современными медиа-средствами в сеть опосредованных техникой интеракций, где на место человека становится созданный им искусственно текст и символ. Под идентичностью в контексте нарратива и дискурса мы можем понимать способ, которым различные жизненные сюжеты конструируются в единую после-

довательную жизненную историю, автором которой является Я.

Суммируя вышесказанное, необходимо отметить, что конструктивистский подход к Я возникает в истории философии уже в Новое время, однако широкое распространение приобретает в современной философии. На смену строго философскому пониманию Я в классической философии, где основной акцент ложился на трактовку Я как отправного пункта познания, в современной философии приходит смещение в сторону психологизма, и все больше внимания уделяется проблеме Я как проблеме самости. Это связано, не в последнюю очередь, с интеграцией в философию нефилософских концепций Я. Также, говоря о конструктивистской парадигме, играющей в современной философии ключевую роль, необходимо подчеркнуть доминирующую позицию, которую представители этого направления отводят в конструировании Я языку и речевым практикам. Однако, несмотря на психологический уклон большинства конструктивистских исследований Я, мне кажется, мы можем говорить о том, что Я конструируется не только в своем психологическом аспекте (Я как самость), но и как субъект познания. Поскольку социокультурная среда создает предпосылки и модели познавательного процесса и утверждает Я не как некую безликую надындивидуальную сущность, как это было в классической философии, а создает Я как погруженную в культурную среду познавательную инстанцию, осуществляющую познание не неким предзаданным врожденным, но самостоятельно конструируемым уникальным способом.

Примечания

¹ См., напр.: *Фихте И.* Факты сознания // *Фихте И.* Факты сознания. Назначение человека. Наукоучение. М., 2000.

² См.: *Сартр Ж.П.* Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М., 2000.

³ См.: Хайдеггер М. Бытие и время. СПб., 2002.

⁴ См., например: *Фрейд З.* Психология масс и анализ человеческого Я; Я и Оно // *Фрейд З.* Я и Оно. М., 2001.

⁵ Ego, Super-Ego и Id – трехчленная структура Я по З. Фрейду: Я, Сверх-Я и Оно.

⁶ См.: *Пиаже Ж.* Речь и мышление ребенка; Суждение и рассуждение

- ребенка // Речь и мышление ребенка. М., 1994.
- ⁷ См.: *Ассаджоли Р.* Психосинтез // Психосинтез: теория и практика. М., 1994.
- ⁸ См.: *Маслоу А.* Мотивация и личность. СПб., 1999.
- ⁹ См.: *Серл Дж.* Открывая сознание заново. М., 2002.
- ¹⁰ См.: *Gergen K.J.* The Saturated Self: Dilemmas of Identity in Contemporary Life. N.-Y., 1991.
- ¹¹ См.: *Davies B. and Harrü R.* The Discursive Production of Selves // Journal for The Theory of Social Behavior, 20 (1). 1991.
- ¹² См.: *Laclau E., Mouffe Ch.* Hegemony and Socialist Strategy. London, 1985.
- ¹³ См.: *Botella L.* Personal construct psychology, constructivism, and post-modern thought // R.A. Neimeyer & G.J. Neimeyer (Eds.). Advances in Personal Construct Psychology (Vol. 3). Greenwich, CN, 1995.
- ¹⁴ См.: *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. СПб., 1999.
- ¹⁵ *Mair M.* Kelly, Bannister and a story-telling psychology // International Journal of Personal Construct Psychology. 2, 1. 1989.
- ¹⁶ *Gergen K.J.* Realities and Relationship: Soundings in Social Constructionism, Cambridge, 1994. P. 187.
- ¹⁷ *Prince G.* Narratology. N.-Y., 1982. P. 4.
- ¹⁸ *Sabrin T.R.* The narrative as a root metaphor for psychology// T. R. Sarbin (Ed.), Narrative Psychology: The Storied Nature of Human Conduct. N.-Y. 1986. P. 9.
- ¹⁹ Мы могли бы назвать его «метанарративом» в противовес к более узкому понимаемому нарративов как историй соответствующих определенным Я-образам, однако тут мы рискуем ввести путаницу с «метанарративом» в философии Ж. Лиотара.
- ²⁰ См., например: *Mair M.* Lincoln. Metaphors for living // Nebraska Symposium on Motivation, Lincoln, 1977; *Mair M.* Personal Construct Psychology. Lincoln, 1976.
- ²¹ См.: *Hermans H.J.M., Kempen H.J.G., & van Loon R.J.P.* The dialogical self: Beyond individualism and rationalism. American Psychologist. 47. 1992.
- ²² См.: *Marcus H. & Nurius P.* Possible selves. American Psychologist. 41. 1986. P. 954-969.
- ²³ См.: *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности // *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1986.
- ²⁴ См.: *Макинтайр А.* После добродетели. Исследование теории морали. М., 2000.
- ²⁵ См.: *Йоргенс М.В., Филанс Л.* Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков, 2004. С. 172.
- ²⁶ *Hall S.* Who needs identity? // Hall S., P. du Gay (eds). Questions of Cultural Identity. London, 1996.
- ²⁷ См.: *Бахтин М.М.* Указ.соч.
- ²⁸ См.: *Эко У.* Открытое произведение. Форма и неопределенность в современной поэтике. СПб., 2004.; *Эко У.* Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб., М., 2005.

Практическая философия

ФИЛОСОФИЯ ДОЛГОЖИТЕЛЬСТВА

Жизнь и человек – основные темы философского вопрошания.

Долгожитель, по нашему убеждению, не может не стать философом. Человеком, ответившим для себя на некоторые традиционно философские вопросы: в чем смысл жизни, предназначение человека, для чего, почему и зачем он, долгожитель, так долго живет.

Можно такую «философию» назвать стихийной, наивной, нативной – какой угодно, но она, несомненно, представляет не только научный, но и вполне практичный, живой интерес. Вполне уместно, наверное, сказать о такой философии или, если быть более строгим, – о таком философствовании, как о практической философии, о философии обыденной жизни, если, конечно, таким словом можно назвать жизнь долгожителя.

Несомненно также и то, что философия долгожителя скорее выражена не в его словах-сентенциях, сколько в его бытствовании – в каждодневной рутине. Тогда она, его философия, предстает как каждодневный ритуал, который подлечит герменевтическому вскрытию – узрению, описанию, пониманию и глубинной антропологической интерпретации.

Такой взгляд на долгожителей предложен вашему вниманию в статье Я.В. Чеснова. Полевые этнографические, антропологические изыскания автор ведет вот уже полвека. Этос телесности, через которую «струтся» личная философия долгожителя – давний объект пристального внимания Я.В. Чеснова, крупнейшего современного отечественного антрополога-практика. Долгожитель – в этом большое философское открытие автора, – вписан в ландшафт жизни: тем самым он распределяет личный ресурс долгожительства на окружающее сообщество. Вписан в ландшафт практической антропологии и сам Я.В. Чеснов, предлагая свой личный и профессиональный этос телесности, напитанный в ландшафте жизни абхазских долгожителей, философско-антропологическому сообществу.

К сожалению, самые простые вещи люди начинают осваивать позже всего. Как правило, им нельзя научить – им

можно только научиться. Но, если вам их покажут, подскажут — этим «простым вещам» можно научиться быстрее. В этом человеческая ценность работ Я.В. Чеснова, а, значит, и философская.

Человечество философской цивилизации, — с исторически развитой философской традицией — европейское, — стареет. Что неизбежно свидетельствует о том, что пожилых людей и долгожителей становится больше. В Европе уже говорят о новом типе обучения, о новой стратегии обучения — об обучении на протяжении всей жизни. Как следствие — о творчестве, о следе, который человек оставил в жизни людей. О бессмертии, в конце концов. Опыт психотерапии смысла жизни, и некоторые подходы реализации идей бессмертия изложены в работе Г.П. Юрьева.

Как показывает профессиональный опыт автора, у определенной группы людей соматические заболевания не просто являются результатом психологических травм или имеют в своей основе так называемый психологический компонент. У некоторых страдальцев болезнь является социально допустимым вариантом выхода из неразрешимых внутренних этических проблем или коллизий. Этико-соматические рассогласования требуют создания собственной жизненной философии, в рамках которой этическая проблема разрешается. Или исчезает. Врач в качестве лекарства должен такую философию человеку помочь придумать. Сконструировать.

Как конструировать личные философии? Пусть и индивидуального, утилитарного масштаба?

Исчезает внутренняя этическая проблема — уходит и заболевание. Возвращается здоровье. А здоровье требует личного жизненного проекта, брошенного в будущее, в бессмертие — в долгую жизнь. В долголетие, которое невозможно без личной витальной философии.

Одни нации стареют, в России же другая демографическая проблема — проблема борьбы со сверхсмертностью. Сегодня — это один из национальных приоритетов. Духовно-популяционное измерение причин сверхсмертности не может быть не принято в рассмотрение при разработке управленческих решений.

Эмоционально, на уровне обыденной логики, связь между желанием жить и продолжительностью жизни — очевидна. Менее очевидно, как такую связь подтвердить-опровергнуть,

как ее измерить. Как оценить ее вклад в популяционные сдвиги? Не более прозрачны способы ее оценки на уровне индивида.

В работах последних лет И.А. Гундаров – кандидат философских наук, доктор медицинских наук, – ищет философские и теоретические подходы к решению данной проблемы. В своей статье И.А. Гундаров вскрывает некоторые причины, взаимосвязи, зависимости и закономерности между духовным состоянием людей в обществе и феноменом сверхсмертности в современной России. Философское осмысление таких взаимосвязей может рассматриваться как социальное лекарство. Об этом «заходе» на проблему мы еще несколько слов скажем ниже.

Предложенные вниманию читателя работы еще раз выявили то обстоятельство, что такая область философской антропологии, как понимание онтологии внутреннего пространства человека – область крайне мало разработанная и почти не исследуемая российскими философами. Это во многом определило содержание и общий характер подобранных статей.

В подобных условиях речь может идти не столько об ответах на вопросы, сколько о формулировании самих вопросов. Задача редакции состояла не в том, чтобы предложить развернутые взгляды на решение проблем, но, прежде всего в том, чтобы выявить самую проблематику и наметить хотя бы в общих чертах пути ее решения.

Конечно, здесь нельзя не коснуться постнеклассического этапа развития науки.

Постнеклассическое измерение науки вступает в свои исторические права, по новому позволяя взглянуть на уже известные пространства, раскрывая логику становления науки – логику исторического процесса развития научной рациональности через призму понимания логики становления субъекта научной деятельности. Не только через историю определения субъекта, но и через историю его самоопределения.

Применительно к долгожительству – личному и профессиональному, – постнеклассический научный взгляд с неизбежностью формирует новый тип биорациональности – постнеклассическую биорациональность. Несомненно, постнеклассическая биорациональность шире проблематики долгожительства.

Предлагаемый вашему вниманию блок статей завершает работа М.А. Пронина, представляющего вместе с Я.В. Чесновым и Г.П. Юрьевым исследовательскую группу «Виртуалистика» Института философии РАН: www.virtualistika.ru. (бывший Центр виртуалистики Института человека РАН).

Виртуалистика, как парадигматический подход, разрабатываемый с конца 80-х годов XX в., сегодня может рассматриваться как один из языков постнеклассической рациональности и биорациональности, в частности, если говорить о таких ее направлениях, как виртуальная психология и медицинская виртуалистика.

Тема профессионального и личного долголетия автором рассмотрена в сопоставлении взглядов на данные вопросы в каноне тибетской медицины «Чжуд-ши» и виртуалистики. В качестве «третейского судьи» им взята парадигма современной медицины. Одновременно, при сопоставлении речь идет и о новом, постнеклассическом типе биорациональности, и о виртуалистике, как об одном из ее языков.

Привлечение современным автором в качестве для живого сопоставления, а не для демонстрации «известного исторического интереса» средневекового материала — как это традиционно принято писать — особенно такого, как малоизвестная, малораспространенная у нас тибетская медицина, признаемся, — было для редакции достаточно неожиданным.

Таким же, как определение лекарства в понимании средневековых тибетских врачей.

Плоды, пожинаемые лекарем.

Плоды, пожинаемые лекарем, бывают преходящими и вечными.

Преходящие — это счастье в этой жизни, влияние, богатство, радость, покой.

То, что дает все это, является лекарством.

Выражаем надежду, что для читателя подборка авторов и идей, проведенная редакцией, может стать не только лекарством, направленным на личное и профессиональное долголетие, но и шагом к вдумчивому размышлению над дальнейшими путями развития практической философии.

От редакции

ЛАНДШАФТ – ВНУТРЕННЯЯ ТЕЛЕСНОСТЬ ДОЛГОЖИТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ АБХАЗОВ

Я.В. ЧЕСНОВ

Природа как избранничество

Не все культуры так явно превращают ландшафт из среды обитания в элемент жизнедеятельности, т.е. его онтологизируют до собственного автообраза, как это оказывается в культуре абхазов. Всепроникающая черта традиционного абхазского восприятия мира, то, что витальность составляет аспект практически любого, большого и малого, элемента ландшафтной среды. Поэтому в данном случае нужно говорить именно об аспектах, но не о классах единого природно-человеческого образования.

Повсюду есть опасные и добрые места, грецкий орех около дома не сажают – опасен, как и хвойные породы, – они слишком «гордые» по отношению к человеку. Благоприятен дом, построенный из каштановых досок. А вот скамью делают из ольхи – изделие из этого мягкого «не гордого» дерева не переживет срока жизни человека. Да и сидя на ней, человек наполняется силой. Заметим, срок жизни человека соотнесен с растениями.

Есть плохая и хорошая вода. Так, под свесом крыши стоять нельзя, особенно, детям: их здоровью могут повредить черти. Люди раньше не знали, что у текущей воды бывает вредный поток, сменяемый затем полезным, откуда надо брать питьевую воду. Это в одной семье жила русалка-дзыдлан и научила столь важным сведениям.

Всеобщая благодать сосредоточена в горах с центром в районе Псху. Она спускается на равнины, их облагораживая. За исключением, однако, устья Ингури (*алада цгя* – дурной юго-восток): оттуда идут неблагоприятные климатические явления.

В философско-антропологической науке ландшафт высокого статуса принято называть *сакральным*. Но в перечисленных верованиях и навыках (упомянем, кстати, запрет садиться на голую землю: в горах мой товарищ, сообщив мне это, сам сел на свой снятый ботинок) сакральность зачастую отсутствует. Но имеет место нормированное вплоть до табу-

ированности отношение человека и объекта. Запретительное отношение к чему-либо по-абхазски выражается словом *цасым* (нельзя, не положено в приближенной к русскому графике). Сфера цасым касается этикетных сторон не только внутри человеческого общества, но охватывает весь доступный человеку ландшафт: этикетное отношение к воде, огню, животному, которого «нельзя обидеть». Взять из ландшафта лишний ресурс (хотя бы дрова) – цасым. Особый и строгий спектр правил нормирует ситуации выделений организма.

Ю.И. Семенов справедливо специфику отношений, когда они не являются ни правом и ни моралью, назвал *табуитетом*¹. Это отношения волеия. Заметим, что табуитет конституирует вовсе не недостаток средств, но структурирует их использование в условиях избыточности. Причем табуитет ничему не дает предпочтения – это равное отношение к вещам. Но нарушение ценностно-волевого отношения к среде (цасыма/табуитета) влечет заболевание человека и даже смерть, но эти бедствия могут и не коснуться его, зато в тяжелых нарушениях следует заболевание потомков или всего рода.

Получается, что нравственная по местным понятиям жизнь может длиться неограниченно долго и ей конец может положить неэтикетное отношение к ландшафту и его составляющим: к воде и огню, к фауне и флоре. Это не мешает компонентам ландшафта быть активно включенными в традиционный хозяйственный цикл сельской общины.

Тип такого адаптивного отношения мной было предложено называть *культуроценозом*². В его пределах человек включается в природу. Но есть другой ценоз, о котором пойдет речь ниже, обычно более узкий, когда человек включает природу в состав своей жизнедеятельности, а также использует часть природы как знак собственной самоидентификации – *антропоценоз*³. В старину в Абхазии знаком такой идентификации было, например, держание отличной породы лошадей и умение гарцевать, а также другие личные особенности. Обширная поляна перед домом предназначалась, чтобы гость «оставил на ней следы» своего наезднического умения. Запасение здоровьем путем купания в определенные дни – распространено повсюду. Но у абхазо-адыгских народов это надо сделать непременно раньше лю-

бого зверя. Здесь последний становится частью человеческого антропоценоза. Антропоценоз каждого члена общества в совокупности пассионарно расширяется до территории всей страны, до всего ландшафта и мотиваций обустройства в нем. Жизнь в таком ландшафте сам ландшафт делает как бы частью человеческой телесности.

Потусторонний мир для долгожителей мало интересен

Прежде чем привести характеристики конкретной пассионарно-деятельной связи личности с ландшафтом, нам надо обратить внимание на демонстративность, несокрытость личности не только перед общественным мнением, но и перед «вышшими» инстанциями. Их «стыдятся», даже оставаясь в лесу наедине. В то же время, примечательно, что обращения к божествам начинаются порой с некоего сомнения: «Если ты есть...». Не менее поразительна этимология слова, обозначающего «природу»: *ансабара* буквально означает «то, что видит душа». Такой термин свидетельствует о ментальности персоналистического избранничества. Об избранничестве говорят также многочисленные языковые акты – благопожелания, вроде выше приведенного. «То, что видит душа» – это тоже ведь избранничество, характерное для выделения души в классических сибирских культурах шаманского типа. В одной предшествовавшей публикации я уже связал феномен кавказского долголетия с протошаманским комплексом⁴. Здесь мы продолжаем эту тему.

Нам нужно подчеркнуть только те факторы, которые прямо влияют на срок человеческой жизни. При рождении ребенка три божества-*ашацва* решают, какой срок жизни дать человеку. По другому взгляду срок жизни пишет ангел с внутренней стороны черепа. Есть и другие аналогичные, может быть, более наивные поверья. К примеру, история о том, что крестьянин делал свой забор кое-как. Из-за этого ангел ему сделал замечание. «А зачем, ответил крестьянин, знавший дату своей смерти, я все равно скоро помру». В небесах тогда было принято решение, чтобы люди не знали о сроке своей жизни.

Забор – вещь важнейшая. В практическом быту никто не может без разрешения хозяина войти на территорию

усадьбы. У калитки надо терпеливо ждать, когда он подойдет и сам позовет во двор. Это, так сказать, метафизическая сторона дела. Но с забором ассоциирована важнейшая нравственная категория высокоэтикетного поведения (*аламыс*; по словам Фазиля Искандера, сказанным лично автору, «аламыс» — это то, с чего все начинается). Другое изречение утверждает в едином мысле-образе предмет нашего описания: «Аламыс — это забор вокруг Абхазии». Метафора, удивительно похожая на концепцию магической ограды-*марыля* у эвенков. На этой нравственно замкнутой территории есть места более или менее сакральные и даже вовсе не сакральные. Горы сами по себе пользуются наивысшим статусом. Закрытый сакральный ландшафт Абхазии напоминает ветхозаветную райскую землю, где растет древо жизни, а возможный вред исходит от древа познания. По крайней мере, эта модель скрыта имплицитно. Море, кстати, несет скорее отрицательные коннотации. Ему нет места в этой модели.

При таких взглядах ограда вокруг Абхазии является иносказанием этой страны как благодатного острова, остановившегося в своем пути. Ее обитатели делают то, чтобы эта остановка продлилась.

Обратим внимание на странный миф, согласно которому Богу в споре с нечистым досталась твердь, сама земля и ее почвенный покров, а нечистый претендовал на всякую зелень. Это миф легко переходит к метафорам человеческой жизни: начальной, что у Бога, конечной — у дьявола.

Зелень не вечна. Это след древнего восточного убеждения о погибельности всякой растительности и ее последующем воскресении — идея умирающих и возрождающихся богов. Примечательно, что на Кавказе этой идее сопутствует высокий статус камня, горы. Вот и в жизни младенцев считается, что первый возраст (у абхазов *апшкя* «мягкий») заканчивается, когда ребенок способен сказать слово «камень» (конечно, на местных языках. Мною отмечено в абхазо-адыгских, балкарском, карачаевском, ингушском, чеченском языках). Что касается дряхлого возраста, то красноречиво в абхазском именовании старика под 100 лет *атцлахюста* (сухое дерево). Подобные метафоры во многих кавказских языках проходят системно. Например, в чеченском об умершем говорят *джаты* (погас).

Примеров достаточно, чтобы убедиться, что язык онтологизирует описание жизнедеятельности человека.

Мужчина не стремится сидеть у себя дома

Нет абхаза, которого не искушала бы охота. Но «принимает она не всех». Увлечение горной охотой (тур, медведи и др.) явно задерживает проявление старения у мужчин: горный ландшафт становится метонимической частью их жизнедеятельности. Настолько, что возник особый горный язык. Исконно охотничьим народам свойственна парадигма бессмертия людей⁵.

Есть ли логика в таких переплетениях верований и эмпирического опыта?

Если давать оценку абхазской культуре в целом, то можно выявить чуть ли не пассионарное стремление распространить на культуросоциозы элементы антропосоциоза с тем, чтобы выделить черты собственной личности. Такая деятельная ориентированность не прекращается и в пожилые годы, явно способствуя их продлению.

Специфика абхазской речи в ее афористичности. В высказываниях концентрируются основные онтологические основания мироустройства. Так, в благопожелании: «Чтобы время и Бог на тебя одновременно посмотрели!» представлены две группы положительных обстоятельств, по-разному воздействующих на жизнь человека. Абхазы номинально числятся христианами и мусульманами, но интимнейшие стороны их жизни подчинены более древним разработанным и динамическим натурфилософским верованиям, уходящими за пределы сравнительно поздних влияний мировых религий. Представления о божественных силах очень сложны.

Значения подобных историй назидательны – напомнить, что срок жизни не вечен. Мысль, скажем, не оригинальная. Но почему она столь настойчиво проводится? И, между прочим, почему в байках так часто фигурирует забор? Один шустрый человек затачивал колья с двух сторон, объясняя тем же высшим силам, что когда сгниют нижние концы кольев, он их перевернет – и опять на много лет не будет забот. Кажется, история разрешилась по-другому: человеку сообщили о краткости его земного пути.

Тем не менее идея забора отражает вовсе не ограниченность некоего рельефа, а внутреннюю сплоченность единообразно функционирующей избранной популяции.

Это далеко неполная часть вышучиваний трагической ситуации. Тогда справедливы слова одного наблюдателя конца XIX в. о том, что у абхазов нет никакого страха перед смертью. Поражает отсутствие разработанной концепции потустороннего мира. Нет, он, конечно, населен злыми существами, но эти существа больше болтаются без дела и пугают маленьких детей. Ментальность абхазов как народа направлена в сторону жизни с ее большими и малыми, но конкретными проблемами. Эта жизнь расположена в большом, упомянутом выше, времени. На самом-то деле она ведь не может быть бесконечной и ей вынуждены положить незатейливый мифологический предел.

Получается, что в молодые годы человек твердеет, описывается мысле-образом камня, а в конце жизни он аналогичен мысле-образу засохшего дерева. И с тем и с другим мысле-образом по-своему связывается женская родильная деятельность, но это аспект оставим пока в стороне. Реальное переживание ситуаций, описанных такими мысле-образами, порой бывает стоически хладнокровным, аристократическим.

Если применить терминологию В.И. Моисеева, то перед нами явно два различных «биоэта»⁶, по-разному ориентированных на проживание жизни. Если «горно-каменный» биоэт тормозил старение мужчин-охотников и в 90 лет стремившихся попасть в горы, то подобное делал «растительно-земледельческий» биоэт, в сущности тем же способом — свободной ориентацией в физическом и метафизическом пространстве и времени (пример: окучивание в 90 лет кукурузы в 45 градусную жару на крутом склоне). Какова роль метафизической анатомии и физиологии неясно, но этот фактор наличествует⁷.

«Растительная» концепция свойственна исконно земледельческим популяциям. Так, у греков до нововведений Прометея люди «иссыхали». Чтобы прояснить этот мысле-образ, обратимся к концепции времени, которая стоит на первом месте и явно имеет самостоятельный фактор, зависящий от поведения человека. Это поведение ассоциировано с движением души внутри тела человека. Днем она находится под

ногтями рук, на ночь уходит под ногти пальцев ног. Движение души не прекращается и после смерти: считается, что душа в могилу не идет, а удаляется куда-то в поля. Человек в горе тоже уходит из дому. «Ландшафтный принцип» свободы души выражен в плетеных стенах традиционных построек, через которые, считается, душа легко выходит. Топоним, это, географически говоря, особое урочище, где «живет Гудиса». В этом биоэте жизнь, как и в античности, сосредоточена в жидкой субстанции; старик может сказать о внуке-ребенке «ты костный мозг моих голеней». «Растительный» биоэт, как и «каменный», не создает разработанного потустороннего мира. В такой ситуации абхазскому долгожителю просто некуда уйти из жизни. Жизнь оказывается шире мифа.

В конце концов, помимо ландшафтных биоэтов следует выделить еще один биоэт – родовое тело этноса. Биоэты находятся в агональных отношениях. Бросающаяся в глаза яркая особенность *родового тела* – высокоэтичные отношения, упомянутый аламыс, который сплачивает возрастные и гендерные отношения в самодостаточный мотивационный ресурс. Можно заключить, что абхазские культуроценозы сдвинуты в сторону антропоценозов, где среда максимально приближена к потребностям телесности индивида. А индивид метонимически становится принадлежностью ландшафта. Кажется, такая же ситуация наблюдается в других очагах долгожительства: у якутов-саха, на Окинаве в Японии, у хунзакутов на границе Пакистана и Индии, в Сардинии и в других уголках земли, где ландшафт стал неотъемлемой частью антропоценоза.

Ландшафтная философия

В связи с последним утверждением придется рассмотреть известный у антропологов Кавказа, но не в широкой научной общественности обычай «*поминок по живому*». Правда, они плохо описаны. Упоминаются главным образом в обычаях горцев в XIX в., например, у хевсур – горных грузин, близких по культуре к горным чеченцам. По известным мне описаниям, пожилой человек, чтобы о себе оставить память, делал персонально значимое общественное дело: обустроивал родник, оборудовал стоянку для путников, а то стро-

ил даже мост. В честь события устраивали стол, за которым говорили о живом, как о мертвом, отмечая его добрые дела.

Меня этот обычай чрезвычайно интересовал, но получилось, что это память о каком-то очень уж отдаленном прошлом. И вдруг в конце октября 1987 г. состоялись эти самые поминки, посвященные не кому-то либо, а моему старшему другу, лет 60-ти, Урычу Смыру из села Аацы, в доме которого я часто останавливался. «Поминки», правда, никто уже не произносил, для таких случаев давно уже использовали русское слово «компания». Суть дела была в том, что Урыч работал на хлопотной должности заведующего животноводческой фермой. На летние пастбища крупный рогатый и мелкий скот из приморского села Аацы приходилось везти на грузовиках в район озера Рица. А далее скот сгружали и гнали выше в горы к водному источнику Ауатхара. Года три Урыч, когда один, когда с сыновьями расчищал путь на пастбище. В результате этот трудный подъем сократился с 15 км до 3-х. В народе новый участок стали называть «Путем Урыча», но как бы неофициально. Через год Урыч устроил за свой счет обильное угощение. От более старших земляков Урыча были тосты в его честь. Никто не чокался. И сам он не пил и все время стоял, позволив себе сесть только в самом конце застолья и то занял место с самого края скамьи.

Охотник, уходящий надолго в горы, принадлежит не жене, не людям, а мистически поступает в распоряжение к богине охоты, взамен получая дичь. С кем мог идентифицировать себя человек, сам по себе устроивший веселую «компанию» с элементами плача? С вечным родовым телом своего этноса, получая в этом официальное признание, свою этническую идентичность. Теперь из жизни его могли бы выбить только чрезвычайные обстоятельства. Поэтому правы те исследователи, которые в долгожительстве видят не семейно-генетическую, а популяционную линию.

Посмотрим с самых общих позиций на жизнь абхазских долгожителей. Все они различаются характерами и пристрастиями. Кто-то никогда не курил, другой дымит на тебя своим самосадом. Кто-то избегает есть зелень (вспомним миф об отнесении ее к нечистому началу). Есть несколько пчеловодов, практически живущие в горах со своими серы-

ми злыми пчелами-кавказянками. Мечты большинства – построить на усадьбе для себя маленький домик-*анацху* с плетеными стенами и согреваемую только костром. У круглого столика там всегда есть место для гостя.

Там он может услышать прекрасные и мудрые слова о том, «что время, проведенное за столом, в срок жизни не включается». В большой винный сосуд для вина *ахапца*, который закопан в землю, помещается 365 столовых кувшинов вина. Об одной старушке сохранилась память, что она в 1930-е гг. сказала, что выйдет только за такого парня, который назовет 365 несъедобных частей в бычьей туше. Как видим, онтологизационному сгущению подвергается даже время. Сам долгожитель и есть носитель сгущенного через ландшафт благодатного времени.

Общее наше резюме в отношении абхазской долгожительской культуры:

– Здесь природа не столько фактор или среда, сколько модальность состояния человека, часть его жизнедеятельности.

– Несмотря на разницу в здоровье среди носителей данной культуры, они все онтологически разделяют постулат коллективного здоровья и этос долгожительства.

– В таких условиях каждый индивид может формировать время своего долгожительства.

– Долгожительство становится капиталом, хранимым всей популяцией, а ландшафт выступает порождающим и транслирующим средством.

Примечания

¹ См.: Семенов Ю.И. Форма общественной воли в доклассовом обществе. Табуитет, мораль, право // Этнографическое обозрение. 1997. №3.

² См.: Чеснов Я.В. Лекции по исторической этнологии. М., 1998.

³ См. там же.

⁴ См. Чеснов Я.В. Телесность человека: философско-антропологическое понимание. Раздел «Гостевание, шаманизм и долголетие на Кавказе». М., 2007. С. 131 – 146.

⁵ Мотив изначального бессмертия характерен для кетов (см.: Алексеев Е.А. Кеты // Мифы и религии мира. М., 2004. С. 257).

⁶ См.: Моисеев В.И. Логика добра как логика всеединства. М., 2004.

⁷ Там же.

ПИФЕРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ДОЛГОЖИТЕЛЬНОСТИ*

Г.П. ЮРЬЕВ

Введение

Вопросы осознанного долгожительства достаточно актуальны для многих людей. Давно известно, что не только человек, но и животные знают о приближении смерти и по-разному реализуют свой финальный аккорд. Также давно известно о том, что каждый человек сам себе определяет продолжительность жизни. Речь, конечно же, идет о естественной смерти от старости и ни в коем случае не относится к смерти от природных и техногенных катастроф, аварий, разбойных нападений и т.п. Традиционно люди связывают предполагаемую длительность своей жизни с числом прожитых лет своих предков, чаще всего родителей. Известно также, что судьба личности проходит через сложные психологические периоды достижения возраста смерти своей матери и своего отца, а сам человек не задумывается при этом о своей телесной и социальной непохожести с ними, и о том, что каждый из нас может жить и живет только по своему уникальному сценарию. Об этих известных фактах, но несколько по-иному воспринимаемых с теоретических позиций виртуалистики, пойдет речь в статье.

Тему обсуждения можно сформулировать так: происхождение и способы функционирования тех внутренних структур человека, которые составляют программу долгожительства, и реализуют этот жизненный сценарий.

Пикто-феромонное поведение человека

В одном из номеров журнала «Философские науки»¹ автор предложил вниманию читателя теоретическое обоснование и три описания практического использования концепции *трилемматических миров*² в парадигме виртуалистики. Виртуал – это образ, обладающий собственной час-

* Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ «Лабораторное социально-психофизиологическое и антропологическое исследование личности в контактной социальной группе (к разработке объективных методов гуманитарной экспертизы)», № 07-06-12029-офи РФФИ.

тью общей телесности. *Триалектика* объясняет структурную однотипность виртуальных каркасов как уникальных «кристаллов» индивидуальной и общественной жизни людей, определяющих их ролевое поведение, которое одновременно объединяет и дифференцирует социум в соответствии с философскими категориями общего и частного.

Обратимся к содержанию и поведению микроструктур в этом общем с филогенетических позиций. Для объяснения скрытых закономерностей человеческого бытия можно воспользоваться аналогией из области естественных наук. Это феромонное поведение насекомых и модное коммерческое направление в производстве обонятельных аттрактантов. Явная польза от рекламных акций специфических духов проявилась в том, что современные люди вне зависимости от пола и образования хорошо воспринимают теорию *пиктоферомонного* поведения и долгожительства человека³.

Объяснение нового подхода начну с начального этапа практического обучения самосценированию долгожительства. В процессе диагностики с помощью авторского фло-мастерного теста испытуемому предлагается придумать, нарисовать и назвать несуществующее животное и его антипода. Сам тест известен давно, но трилемматическое и философское наполнение его является оригинальной методикой. При кажущейся экстравагантности предложения испытуемые всегда что-то рисуют на листе белой бумаги, а затем придумывают своим виртуальным агентам имена. Далее аналитик обращает внимание тестируемого человека на то, что только что состоялся акт рождения, на свет появилось нечто, имеющее размерность и образ-форму в цвете, т.е. собственную телесность, а также собственное имя и ролевую функцию в соответствии со своим смыслом и предназначением. Появилось документальное свидетельство чего-то, проживающего внутри виртуального человека и неожиданно для него самого появившегося на белый свет. При всей как бы абстрактности «новорожденных» всегда имеется четкая смысловая связь символических «микровиртуалов» с реальными событиями в жизни испытуемого.

Микроструктурная единица индивидуума получила название *пифер*, сокращенное имя из двух слагаемых: пик-

то (писанный красками, рисованный) и феромон (аттрактор). Наполним имя содержанием. Индивидуум всегда что-то и кого-то «рисует» внутри себя с использованием индивидуального спектра цвето-ассоциативной палитры, и это автоматическое творчество носит либо привлекательный, либо отталкивающий, либо нейтральный характер бытия. Так мы все устроены: внутри каждого из нас проживают тысячи и тысячи образов (микровиртуалов) живых и умерших людей, пейзажи и события, абстрактные формулы, буквы, слова, фразы и т.п. и т.д. В отличие от формальных (техногенных, неживых) виртуальных агентов — внешних материальных порождений профессиональной деятельности людей, например, компьютерных структур, — пиферы функционируют как живые виртуальные агенты внутренней жизни человека, как интегральные «сгустки» компонентов смысло-эмоциональных, информационных, биологических и физико-химических процессов индивида. При множественной ролевой специализации все пиферы обладают одним объединяющим их свойством: они **однородны** («одного рода и племени»), т.е. порождены из одного начала внутри уникального индивидуума. Это исключительно его родные «дети», которые взаимодействуют между собой на правах «законнорожденных» отпрысков по правилам феромонного поведения — *интрафору*ма, *пиферных коммуникаций*, — рассмотрим их.

Вначале кратко напомним о феромонах и обосную допустимость переноса принципов феромонного поведения на формирование поведения человека в социуме. В культуре всех народов существуют устойчивые мифы о тождественности поведения человека и некоторых представителей фауны. Этологи, главным образом занимающиеся генетически обусловленными (наследственными) компонентами поведения животных, птиц, насекомых и эволюцией их поведения, — дают основания для серьезного сопоставления способов устойчивой организации некоторых поведенческих отношений между людьми с аналогичными устойчивыми коммуникациями в самоорганизованных сообществах насекомых, в частности пчел и муравьев.

Выяснилось, что принцип инстинктивности поведения объясняет лишь небольшую часть устойчивых поведенчес-

ких паттернов у этих насекомых. Деятельность муравьиной семьи поражает целенаправленностью. При изучении муравьев бросается в глаза явное несоответствие между высоким «интеллектуальным уровнем» функционирования муравейника в целом и микроскопическими размерами нервной системы индивида. Муравьи живут на Земле более 200 миллионов лет, но не утратили приспособительной динамики и быстро, и прочно вживаются в принципиально новые условия обитания. Основатель современной американской мирмекологии Уилер (W.M. Wheeler, 1865 – 1937) утверждал, что муравейник является единым организмом, и его надо рассматривать как целостный субъект естественного отбора. Он находил глубокую аналогию между специализацией муравьев в муравейнике и специализацией клеток многоклеточного организма. В каждом муравейнике живет от ста тысяч до миллиона насекомых, которые составляют одну семью. Муравьиная семья имеет строгую внутреннюю структуру с четко установленными ролями каждого муравья, которые могут меняться с его возрастом, а могут быть постоянными. Организационная структура муравейника позволяет гибко реагировать на любое возмущение и выполнять все требующиеся работы, оперативно привлекая для их выполнения необходимые трудовые ресурсы.

Установлено, что чудо регуляции поведения муравьев и пчел вполне объяснимо с позиций теории феромонного поведения насекомых как принципа регуляции динамически изменяющихся, взаимосвязанных и **однородных** сущностей. Феромоны, что переводится с древнегреческого как переносчики возбуждения, – это эволюционно сложившиеся природные физико-химические композиции веществ, влияющие на гормональную систему всех членов семьи, их физиологическое состояние и поведение. Последнее особенно важно: поведение насекомых – это система необычайно гибких инстинктов, генетически, тем не менее, жестко закрепленных.

Исследования показали, что появление муравьиных тропинок обусловлено выделением особых пахучих веществ-сигнализаторов – феромонов. Помечая этим веществом свои пути, муравьи дают знать сородичам по муравейнику об уже проложенных маршрутах. В экспериментах

выяснилось, что муравьи выбирают короткий путь к пище не в результате каких-либо навигационных способностей, а просто потому, что по короткому пути шли к пище и возвращались обратно гораздо больше муравьев, чем по длинному. Большее количество означает большую концентрацию феромона, большую привлекательность именно этого пути, и это конкретный переход количества в качество.

Также установлено, что одни феромоны запускают определенную поведенческую реакцию, в том числе и сексуальную, другие меняют физиологическое состояние особи, третьи оповещают об опасности, четвертые — о кратчайшем пути к пище. Более того, используя феромонную мимикрию, насекомое может выдавать себя не за того, кем оно является на самом деле, т.е. способно «лгать». Такие ложные феромонные сигналы получили название «вещества пропаганды», а феромонный миметизм широко используется некоторыми видами насекомых, в частности, социальными паразитами⁴. Следует отметить особое условие для феромонного поведения коммуникативных агентов — это их **однородность**, ключевое положение теории и основание для понимания принципа пикто-феромонных коммуникаций внутри человека. Например, муравьи одного муравейника относятся к муравьям из другого муравейника как к чужим особям, которых можно прогнать, а можно и принять в свою семью после совершения определенной процедуры знакомства.

В настоящее время принципы феромонной регуляции виртуальных (интеллектуальных, педагогических, интерфейсных и т.п.) агентов используют для построения телекоммуникационных, экспертных, обучающих и других электронных самоорганизующихся систем, а сами сигналы, остающиеся в цифровой среде ЭВМ после контакта коммуникативных элементов получили название виртуальных феромонов⁵. На этом принципе основана заявка на метод предсказания будущего. В патентной заявке описывается «метод прогнозирования поведения программных агентов в моделируемых условиях», каковой «включает моделирование множества программных агентов, олицетворяющих объекты, подлежащие анализу, в том числе, возможно, человеческих существ».

Используя совокупность параметров, определяющих поведение формальных виртуальных агентов, математически определяется внутреннее состояние как минимум одного из таких агентов на основе его поведения в моделируемой ситуации. Тем самым прогнозируется наиболее вероятное поведение символического агента на основе целиком и исключительно его внутреннего состояния. «В наиболее предпочтительной форме моделируемая среда основывается на цифровой феромонной структуре», – указывается в заявке. Моделируемая среда изначально включает в себя информацию о зонах опасности, когнитивный анализ верований, желаний и намерений виртуального агента, модель его эмоционального состояния и наклонностей, и динамику его взаимоотношений с окружающим миром. Исходя из того, как будет действовать агент в этой среде, по мнению разработчиков, можно определить его внутреннее состояние, и предсказать будущие шаги⁶. У этого диагностического метода, возможно, будет хорошая судьба.

Одновременно следует отметить, что люди прекратили использовать феромоны по их прямому назначению из-за развития цветового зрения. Ученые-генетики полагают, что развитие цветового зрения привело к тому, что приматы, обитавшие в восточном полушарии, и появившиеся затем вследствие их развития люди утратили способность распознавать феромоны. Сигнальная система, основанная на зрении, имеет преимущества по сравнению с системой, основанной на феромонах, поскольку цвета можно видеть на расстоянии, в то время как феромоны могут быть распознаны только на близкой дистанции, говорят исследователи⁷.

Это второе ключевое положение для теории пикто-феромонного поведения человека: замена молекулярных агентов (феромонов) на их образные корреляты (пиферы) увеличила коммуникативные и связанные с ними возможности интеллектуального развития высших приматов и людей.

На основании литературных источников можно сделать следующие выводы:

- теория феромонного поведения адекватно объясняет сложное поведение динамически изменяющихся, взаимосвязанных и **однородных** индивидов (агентов)

- в биосоциальных системах, управляемых виртуальным разумом этого сообщества;
- эффективность технических информационных систем, построенных на основе феромонного поведения, достоверно выше, чем управляемых централизованно;
 - разные формы ролевого поведения формальных виртуальных агентов в мультиагентной среде используются в самых разных областях человеческой деятельности;
 - ученые предлагают использовать поведение формальных виртуальных агентов в цифровой феромонной среде для моделирования и предсказания поведения человека в реальной жизни;
 - цветовое зрение привело к эволюционной замене природных феромонов и феромонных коммуникаций на более эффективный по скорости решения актуальных задач способ цвето-ассоциативной классификации. Ранжирование внешних живых и неживых агентов осуществляется по принципу внутреннего феромоноподобного взаимодействия их виртуальных пикто-аналогов.

Общий вывод таков: **однородные** агенты могут организовывать свое поведение, используя весь арсенал способов регуляции отношений внутри и вне конкретного сообщества. С филогенетических позиций вполне обосновано то, что принципы феромонного поведения позволяют создать адекватное теоретическое описание поведения человека. Попробуем развить этот тезис применительно к понятию живых виртуальных агентов человека, получивших имя «пикто-феромон», или «пифер». По аналогии с распространенной терминологией внутренний агент получил и другое название: «интроспективный агент», или *интрагент*.

Интрагент – это конкретный образ кого-то или чего-то, т.е. образ какой-то самопорожденной части внутри индивидуальной картины мира. Точнее – субстанциональное отражение порождения, получившее статус интрагента.

Метафорически интрагент как бы подобен муравью и компьютерному виртуальному агенту по следующим принципиальным критериям:

- все они являются **однородными** агентами общей системы;
- все они относительно автономны внутри этой же системы;
- все они образуют специализированные сообщества — кланы, которые делегируют им свои функции;
- все они могут самостоятельно контактировать с другими интрагентами внутри этой же системы.

Рассмотрим некоторые свойства интрагентов (пиферов).

Интрагент обладает ограниченной телесностью и специфическими признаками, по которым его можно отнести к определенному клану по виду деятельности. Интрагент имеет свойства живого существа, в частности, границы свой телесности и внутри индивидуальную автономность, которая позволяет ему осуществлять межклановые и внутри клановые коммуникации. Интрагент обладает и оперирует набором психофизиологических модальностей: он видит, слышит, обоняет, осязает, чувствует, действует. Он говорит — это внутренняя речь индивидуума. Он социален и способен к этической оценке себя и других интрагентов. Он действует, и это модели как фантастических, так и вполне реальных действий. В отличие от своего родителя (самого человека) интрагент обладает рядом несомненных преимуществ, например, он может говорить и делать все то, что считает нужным, даже то, что недостижимо и неуместно в привычной социальной жизни человека.

Интрагенты могут иметь свойства другого автономного индивидуума или предмета с разной степенью достоверности — его некое подобие соответствия или полное соответствие. Например, абстрактная формула химического соединения или математического действия является полным равным пифером внутри своего клана «точное знание».

Интрагенты имеют ведущую модальность, осуществляют межпиферные коммуникации, классифицируются по принадлежности к ролевой деятельности, по активности, по ведущей модальности, по стратегической и тактической значимости, по внешним коммуникациям, по роли в интрафоруме и т.д. и т.п.

Межпиферные «браки» порождают новых «детей», это образы фантазий, целей, убеждений и предубеждений, аген-

тов «дня» и «ночи», и т.п., словом, весь бесконечный калейдоскоп человеческой жизни и, конечно же, *пиферов долгожительства и смерти*.

Самое главное, пожалуй, состоит в том, что в результате взаимодействий между интрагентами образуются «виртуальные тропы» разной степени «утоптанности» — это устойчивые и случайные образно-смысловые ассоциации. Психологи и психофизиологи установили: чем больше ассоциаций имеется у человека, тем более развит у него интеллект. Принцип образно-ассоциативного мышления по своей сути является способом феромоноподобной организации интуитивного и рационального поведения человека. Этот же принцип служит основанием для объективной диагностики структурных и функциональных связей между кланами разнопорядковых интрагентов с помощью фломастерного теста Юрьева и эгоскопии с возможностью экстраполяции полученных результатов на внешнюю деятельность и долголетие человека⁸.

Соединение фломастерного теста с эгоскопией позволяет вплотную приблизиться к детальной диагностике интрагентов человека и, соответственно, к пониманию его будущих поступков как аналогов феромоноподобных действий по моделям виртуальных цвето-ассоциативных «троп». В результате цветоэгоскопии можно, во-первых, достаточно подробно и достоверно диагностировать виртуальные компоненты феромоноподобной регуляции поведения и, во-вторых, проводить целенаправленную коррекцию долгожительства человека.

Пикто-феромонная причинность долгожительства человека

Перейдем ко второй части статьи — долгожительству виртуальному и реальному.

Многие ученые занимались и занимаются проблемой долгожительства. Появились сообщения о том, что с обнаружением гена, отвечающего за долголетие клетки, проблема физического бессмертия человека почти что решена. С позиций системного подхода к развитию виртуального человека физическая смерть наступает после практической реализации социальным человеком своих основных и не

всегда осознаваемых целей. В движении к долголетию многими учеными значимое место отводится медитации, творческой и физической активности при максимальном сокращении разрушающих факторов, таких, как гиподинамия, переедание, алкоголь, табакокурение и т.п. Проводились исследования людей, длительно и регулярно занимающихся медитацией — их биологический возраст на 5 — 12 лет отставал от паспортного. То есть они были значительно моложе своих сверстников и дольше их жили. Известное долгожительство японцев связывается с их особым мировоззрением и образом жизни, наполненным философией и практикой дзэна.

Это то, что на поверхности. В глубине же действуют пиферы, которые на интуитивном уровне определяют друг с другом, сколько и как они будут жить. Это знание они берут из внешней жизни, в которой столько противоречивой и спекулятивной информации, что трудно бывает определиться с тем, что полезно и нужно, а что вредно и ненужно. Выбор более чем огромен: существует ровно столько рецептов, теорий, советов и рекомендаций на темы здоровья и долголетия, сколько специализированных пиферов действует у людей, которые проживают в данный момент на планете Земля. Вывод из этой естественно-безрадостной ситуации прост: стань родителем для себя, подружись с собой и своими пиферами, и управляй ими как малолетними и малограмотными детьми.

В теме долгожительства есть еще один пласт и как бы идеал устремления — телесное и социальное бессмертие. Первое мы упускаем ввиду явной непрактичности, а второе рассмотрим подробнее. Тема виртуального бессмертия человека издревле и постоянно присутствует в интеллектуальной, культурной и духовной жизни общества, потому что сопряжена со смыслом жизни, с таинствами рождения и смерти, с феноменами непрерывности символической жизни героев и выдающихся людей на фоне безликости народных масс.

Вначале разведем понятия «жизнь» и «бессмертие»: первое включает в себя рождение и смерть тела, а второе — рождение и смерть имени. Любой человек, как участник исторического процесса живет столько, сколько имя и дела

его проживают в памяти потомков. Например, два бессмертных имени: Архимед и Герострат виртуально проживают в памяти поколений как социальные символы, порождающие индивидуальные пиферы полезных или разрушительных свершений.

Мотив социального бессмертия — чисто человеческое порождение общебиологического принципа выживания, — постепенно превратился в инструмент управления, в виртуальную реальность, приватизированную духовными и светскими лидерами, начиная с самых ранних цивилизаций. Неотъемлемое право каждого человека на историческое долгожительство стало привилегией для тех, кто возвысился над сородичами. Стремление приобщить себя к вечности, часто скрываемое под масками добродетелей, стало мощным стимулом для развития цивилизации.

Например, известны родовые корни, ветви и дела многих правителей, что-то создавших и разрушивших, кого-то победивших или кому-то проигравших. Герои исторических событий как немеркнущие символы архетипического сознания памяти поколений определяют содержание обучения и воспитания в качестве примеров для поощрения или наказания. А народ? — он безмолвствует.

Обратимся к любой существующей религии и обнаружим, что всегда известны ее отец и/или мать основатели, адепты и противники, святые и мученики за веру. Их имена и деяния бережно сохраняются в различных материальных носителях духовного бессмертия. Порой даже не просто имена, а деяния, связанные с их телесностью (мощами) и образующие общезначимые виртуалы. Имена же паствы безлики и безмолвны, потому что их — тьма, которой предложен, говоря современным юридическим языком, договор присоединения: живи по нашему уставу, плати положенное, и память о тебе пребудет в вечности.

Виртуальное бессмертие порождается пиферами, которые передаются другим поколениям на каких-то материальных носителях — формальных виртуальных агентах бессмертия. Последние являются предметом изучения *виртуальной генеалогии* — как системы такой высшей формы смысло-генетических связей поколений, в которой генетическая при-

надлежность (кто кого породил и степень родства) переплетается с выраженной принадлежностью к образам и делам значимых людей, не родственников по крови.

Виртуальное бессмертие можно рассматривать как высшую смысловую реальность жизни, основным признаком которой является бессрочное проживание индивидуальных пиферов в исторической памяти поколений. Это интеллектуальное, духовное, этическое, художественное и другое многогранное участие личности в трилемматических мирах потомков после завершения своего телесного пути.

Уникальность пиферов можно сохранить в форме цифрового портфолио. Фактически, это проявленные интрагенты, своеобразные «микромощи» личности, обладающие статусом достоверности. Современные информационные технологии позволяют воплотить в реальность мечты о справедливом виртуальном бессмертии «человека из народа». Для этого создана система некоммерческого партнерства индивидуальных и корпоративных владельцев интеллектуальной собственности для технологической и юридической организации публикаций, бессрочного хранения и конструирования виртуальных миров памяти поколений (www.trilemma.ru).

Выяснилось, что как только человек начинает предпринимать реальные действия для формирования пиферов своего виртуального бессмертия, у него резко снижается тревога относительно повседневных событий, улучшается психосоматическое здоровье и, что следует полагать, увеличивается реальная длительность жизни. Этот феномен отмечен многими специалистами, работающими в разных направлениях традиционной (альтернативной) медицины.

Практический опыт обучения самосценированию долгожительства позволяет обратить внимание на два аспекта возраста. Первый и самый болезненный вопрос связан со старостью: многие хотят жить долго, но мало кто хочет быть старым и немощным. Уместно напомнить, что у одних старость бывает красивой, у других — безобразной, и человек сам выбирает тот или иной вариант заключительных лет жизни. Вторая особенность связана с максимально длительной задержкой в каком-то одном или нескольких возраст-

ных периодах. Существует выражение: ... и годы не берут. Поэтому человеку предлагается определить наиболее продуктивный для себя возраст и включить его в свою программу. Идея долгожительства может быть обозначена в двух главных, основополагающих посылах, которые вы, уважаемый читатель, можете послать сами себе:

– Сколько лет я должен прожить.

– Какую память о себе я должен оставить другим.

Следует обязательно знать, что программа долгожительства создается с помощью другого человека – специалиста, практикующего в этой сфере. Сам человек, к сожалению, редко способен изменить себя сам, потому что логика «родных» пиферов заставляет человека жить так, как он жил при их рождении: они маленькие жесткие эгоисты. Так мы все устроены. Дерзайте!

Примечания

¹ Юрьев Г.П. Трилемматические миры // Философские науки. 2007. № 8.

² Курсивом помечены авторские термины и дефиниции (Авт.)

³ Автор статьи сформулировал основные положения теории пиктоферомонного поведения человека в конце 2007 г. и с этого времени озвучивает их в публичных выступлениях и при индивидуальной работе методом «Трилемматическая аретей» (Авт.)

⁴ Цит. по: http://www.beekeeping.org.ru/Arhiv/a2000/n500_24.htm/

⁵ Цит. по: а) http://www.portalus.ru/modules/computers/special/compdocs/cd15/off-line/pr/15/article_2.php.htm/ б) http://www.znanie-sila.ru/online/issue_874.html; <http://eup.ru/Documents/2002-08-05/F166.asp/> с) <http://www.ito.su/2002/II/4/II-4-275.html/>

⁶ Цит. по: United States Patent Application, 20070162405, Parunak H. Van Dyke; et al. July 12, 2007. Characterizing and predicting agents via multi-agent evolution.

⁷ Цит. по: <http://www.medlinks.ru/article.php?sid=9749/>

⁸ См.: Юрьев Г.П. Трилемматические миры // Философские науки. 2007. № 8.

ВЛИЯНИЕ ДУХОВНОГО СОСТОЯНИЯ НАСЕЛЕНИЯ НА ДИНАМИКУ СМЕРТНОСТИ В РОССИИ

И.А. ГУНДАРОВ

Мировая профилактическая медицина, достигшая больших успехов в борьбе с преждевременной смертностью, оказалась накануне XX века в глубоком кризисе. Об этом свидетельствует неспособность предсказать резкое ухудшение здоровья населения в странах Восточной Европы при проведении социально-экономических реформ и низкая эффективность традиционных профилактических технологий в попытках улучшить ситуацию.

В России уровень общей смертности поднялся за 1986 – 1994 гг. в 1,5 раза, оставаясь высоким по настоящее время. Этот подъем назвали «сверхсмертностью», т.е. превышающей фоновый уровень в силу действия какого-то необычного фактора. Величина демографических потерь оказалась настолько неожиданной, что ее определили в западной литературе как наиболее удивительное событие здравоохранения конца XX века.

Тем не менее, за последние 16 лет не было проведено ни одной научной конференции, ни одной сессии РАН и РАМН, посвященных анализу причин и механизмов демографического кризиса на постсоветском пространстве и выработке реальных путей его преодоления. В политическом руководстве страны сложилось мнение, что основные причины вымирания населения хорошо известны, и они носят экономический характер. Поэтому разработкой программы демографического развития и национального проекта «Здоровье» занимались в основном финансисты, организаторы здравоохранения, политики. Результат – за последние 16 лет Россия потеряла избыточно умершими 10,6 миллионов человек: за первое восьмилетие – 4,7 млн. человек, за второе восьмилетие – 5,9 млн. человек.

Для преодоления сверхсмертности необходимо знать основные причины ухудшения здоровья населения. Всесторонний анализ популяционных исследований и материалов официальной статистики показал, что традиционные меди-

цинские факторы риска не играли в этом существенной роли. Распространенность артериальной гипертензии, курения, ожирения, высокого холестерина крови оставались без существенных изменений. Потребление алкоголя не превышало показателей начала 80-х годов. Экологическая ситуация улучшилась за счет двукратного сокращения промышленного производства. Система здравоохранения сохраняла достаточную дееспособность. Ухудшение экономического положения не достигло такого уровня, когда бедность становится прямой причиной роста смертности. Что касается стресса от экономических перемен, то аналогичная депрессия 30-х годов в США и Западной Европе не привела к существенным демографическим нарушениям. К тому же последние восемь лет в России стрессогенность жизни значительно уменьшилась: материальное благосостояние улучшилось, стабилизировалась политическая ситуация, почти исчезли забастовки. Однако вымирание населения продолжается.

Перечисленное приводит к выводу — резкое ухудшение здоровья населения России 90-х годов вызвано действием **фактора «X»**, не идентифицированного современной наукой. Обнаружены его следующие свойства: 1) большая скорость распространения по огромному пространству, в результате чего смертность увеличилась за короткий срок на преобладающей части Восточной Европы и бывшего СССР; 2) синхронность действий на территориях, отдаленных друг от друга тысячами километров; 3) наибольшее воздействие на лиц молодого и среднего возраст; 4) преимущественное поражение мужчин по сравнению с женщинами; 5) наличие негативного и позитивного эффектов во влиянии на здоровье; 6) быстрота смены вектор на противоположный; 7) способность влиять на большинство неинфекционных и инфекционных заболеваний.

Перечисленные черты типичны для эпидемического процесса. Ни один из известных науке материальных агентов не имеет указанных свойств, чтобы быть его причиной. Такими характеристиками способны обладать нематериальные факторы: информационные воздействия, нравственная атмосфера, эмоциональное состояние. Здесь в роли «зараз-

ного» агента выступает притягательная для людей информация, которая с помощью СМИ может мгновенно переноситься на любые расстояния, «заражая» воспринимающих их людей. Они становятся ретрансляторами, формируя лавинообразный поток психических нарушений.

Гипотезу о влиянии нематериальной реальности на материальные процессы в организме подкрепляет еще один факт. Смертность от инфекционных заболеваний выросла с начала 90-х годов в такой же степени, как неинфекционных. Хотя бактериальный фон при обследовании водоемов, почвы, воздуха в 1988 – 1993 гг. оставался без существенных изменений. Даже отмечалось уменьшение числа проб, не отвечавших гигиеническим нормативам по бактериологическим показателям. Значит, дело не в инфекционных агентах. Если бы произошло снижение иммунитета под действием космических или экологических факторов, дети пострадали бы сильнее. Их защитная система менее устойчива к негативным воздействиям среды и бактериальной агрессии. В действительности все случилось наоборот. У взрослого населения инфекционная смертность выросла за 1990 – 2000 гг. на 171% , а у детей до года снизилась на 60%, среди детей до пяти лет снижение составило 32%. Первый подскок смертности произошел в возрастной группе 15 – 19 лет.

Получается, что у взрослых действовал какой-то фактор, отсутствовавший у детей. В чем дети существенно отличаются от взрослых? В том, что у них слабо развита высшая психическая функция, а у младенцев она отсутствует совсем. Осознание себя как личности появляется примерно после 15 лет. Соответственно до этого возраста дети не способны воспринимать в полной мере драматизм происходящих в обществе духовных процессов.

Последнее десятилетие в эпидемиологии появились работы по изучению влияния духовных факторов на демографическую динамику. Под духовностью в светском смысле понимается деятельность сознания, направленная на поиск смысла жизни и своего места в ней, на определение критериев добра и зла для оценки событий, людей и руководства к действию. Духовность может быть со знаком плюс

(позитивная) и со знаком минус (негативная). Позитивными видами духовности служат альтруизм, взаимопомощь, сострадание, целомудрие, социальный оптимизм, наличие высокого смысла жизни и т.п. К негативным видам духовности относятся эгоизм, алчность, половая распущенность, тоска, безысходность и др.

На уровне индивидов и групп в длительных исследованиях показано, что депрессия, безысходность, бессмысленность жизни, тревожность, агрессивность способствуют угнетению защитных систем организма и увеличению риска развития сердечно-сосудистых, онкологических, инфекционных и других заболеваний. Озлобленность, враждебность, цинизм, гневливость ведут к значительному сокращению продолжительности жизни. Страх потерять работу и неуверенность в завтрашнем дне увеличивают заболеваемость и смертность. Наоборот, оптимизм, наличие смысла жизни, способность контролировать ситуацию, доверие к другим и положительное отношение к себе, удовлетворенность жизнью оказывают благоприятное влияние на резерв здоровья, снижая риск опасных заболеваний. Оздоровительным эффектом обладают социальная поддержка, ощущение общественной значимости, наличие планов на будущее.

На уровне популяций для изучения духовных процессов используется метод «экологических исследований» (ecological studies). В этом случае предметом оценки служат целые регионы (города, страны), где изучаемыми признаками выступают параметры официальной статистики. Такие исследования называют еще «исследованиями совокупного риска» (aggregative risk studies), поскольку в них исследуемый признак определяется в среднем по группе.

Маркерами духовных состояний служат поступки людей, через которые эти состояния проявляются. По делам можно судить о происходящем в человеческой душе. Крайняя степень агрессивности выражается убийствами, крайняя степень безысходности — самоубийствами, несправедливое распределение собственности проявляется в кражах, грабежах и разбоях; дисбаланс семейных отношений выражается разводами и т.д. Суммарным показателем духовного неблагополучия может служить общая преступность. Ис-

пользование перечисленных индикаторов для измерения духовных процессов закладывается в основу нового научного направления — эпидемиологии духовности.

Динамика духовных процессов в России после Второй мировой войны характеризовалась чередой позитивных и негативных периодов. До середины 60-х годов преступность снижалась, что говорит об улучшении нравственного климата в стране. После окончания «оттепели» преступность стала нарастать, указывая на ухудшение духовного состояния населения. Выросли убийства, самоубийства, разводы. С началом «перестройки» преступность резко снизилась, а после запуска либеральных реформ драматически выросла. Затем она пошла на спад, а вслед за дефолтом 1998 г. выросла в 1,5 раза, оставаясь высокой по настоящее время.

Для изучения закономерных связей между колебаниями духовного состояния россиян и смертностью были использованы статистические фильтры, позволяющие «нащупывать» причинные ситуации. Рассмотрена зависимость между динамикой преступности и смертности в России за длительный период — 20 лет. Рассчитывался коэффициент детерминации между преступностью в один год и смертностью на следующий год. Сила связи между такими сдвинутыми на год явлениями составила по коэффициенту детерминации 90%. Наоборот, если преступность предшествовала на год смертности, коэффициент детерминации уменьшался. В указанной связке ни один из параметров не являлся причиной изменений другого. Значит, существовал третий фактор, «серый кардинал», который диктовал поведение обоим. Такой скрытой причиной выступало духовное состояние населения, ухудшение которого приводило к росту преступности, а через полгода-год проявлялось ростом смертности. Наоборот, улучшение психического состояния общества сопровождалось уменьшением преступности, а затем и смертности.

Латентный период в полгода-год соответствует медицинским знаниям о причинно-следственных взаимодействиях. Он также свидетельствует о наличии в населении сверхбыстрых психо-демографических реакций. Описанные зависимости способны приобрести статус закона, если вы-

явится их устойчивая воспроизводимость при аналогичных обстоятельствах в других странах. С этой целью изучены материалы государственной статистики стран СНГ. Среди республик СССР (СНГ) в 1986-1994 гг. отмечалось веерное расхождение траекторий смертности – снижение у одних и повышение у других. Логично предположить, что такое же веерное расхождение должна иметь и динамика преступности. Действительно, в тех странах, где преступность повысилась, – Россия, Белоруссия, Украина, Литва, Латвия, Эстония, – там выросла и смертность. Зато в республиках со снижением преступности: Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Азербайджан, – произошло уменьшение смертности.

Длительное 18-летнее наблюдение над сцепленностью преступности и смертности проведено по материалам Украины, Белоруссии и Таджикистана. Везде коэффициенты детерминации между сдвинутыми на год рядами были высокими: 72 – 87%. Сила связи всегда была сильнее, если сначала учитывалась преступность, а через год – смертность.

Для вычленения самостоятельного вклада в динамику смертности отдельных социально-экономических факторов провели статистический анализ с помощью пошаговой линейной регрессии на материале 12 стран СНГ. Динамика уровня жизни за 1992 – 1996 гг. оценивалась по 14 показателям: промышленное производство, производство товаров легкой промышленности, сельскохозяйственное производство, розничный товарооборот, потребление мяса, молока, яиц, хлеба, белков, алкоголя, животных жиров, суточная калорийность пищи, ввод в эксплуатацию жилья, загрязнение воздушной среды, загрязнение сточных вод. Дополнительно определялось духовное состояние по динамике агрессивности (маркер – убийства) и безысходности (маркер – самоубийства). Регрессионный анализ показал, что динамика смертности по странам СНГ определялась на 73% динамикой агрессивности, на 11% динамикой безысходности, на 16% остальными условиями. На этом основании сформулировано представление об агрессивно-депрессивном синдроме как ведущей непосредственной причине сверхсмертности на постсоветском пространстве.

Учитывая высокую воспроизводимость психо-демографических связей в других странах, логично констатировать их закономерный характер. Более того, правомерно говорить о законе «духовно-демографической детерминации», по которому ухудшение (улучшение) нравственно-эмоционального состояния населения сопровождается, при прочих равных условиях, ростом (снижением) смертности. Все это дает основание для формирования нового научного направления – психодемографии.

Обнаружение психо-демографической зависимости подтверждает правоту религиозных мыслителей, сформировавших учение о «смертных грехах». Это такие психические состояния человека и общества, которые ведут к душевной смерти – гордыня, гнев, тоска, сребролюбие, блуд и др. Жизнь показала, что «смертные грехи» вызывают также физическую гибель, являясь, по сути, факторами риска общей смерти.

Через какие механизмы нематериальная «энергия» духовных процессов вызывает материальные изменения в организме человека? Такой вопрос задал в 1947 г. К.М. Курцин, выдающийся советский физиолог, ученик И.П. Павлова. Он писал: «А между тем с глубокой древности известна зависимость тела от «духа» ... Клиника в настоящее время склонна признать, что перекидывается мост между двумя как бы несоединимыми мирами: психикой и соматикой. Вскрытие природы явлений, которые кажутся и до настоящего времени загадочными, а именно, каким образом то субъективное, что мы называем душевным состоянием, может влиять на деятельность органов, обеспечивающих основные жизненные функции, требует разрешения вопроса о взаимосвязи между анимальными и вегетативными процессами». Фактически в этой фразе речь идет о механизмах материализации духа, поскольку нематериальная реальность переходит в материальную.

Перечисленные психо-соматические процессы не являются механизмами стресса. Стресс есть реакция организма, ограниченная временем действия стрессора. С его исчезновением устраняется и стресс. В нашем случае речь идет об устойчивой программе психического функционирования человека. Это его базовый нравственно-эмоциональный

фон, внутреннее состояние души, обозначаемые термином «настроение» (mood). Влияние такой нематериальной энергии на материальные процессы в организме изучается в рамках психосоматической медицины: психоэндокринологии, психоиммунологии, психофизиологии и т.д.

С позиций психофизиологии обнаруживается, что негативные психические состояния ведут к снижению основного обмена, уменьшению выброса крови сердцем и уменьшению тканевого кровообращения, росту напряжения артерий и увеличению периферического сосудистого сопротивления, уменьшению концентрации гемоглобина в крови, нарастанию скорости оседания эритроцитов, развитию дисфункции эндотелия артерий. Происходит угнетение защитных возможностей организма, способствуя развитию сердечно-сосудистых, онкологических и других неинфекционных заболеваний. Пациенты из семей с выраженной внутрисемейной тревогой и социальной усталостью имели сниженные уровни сердечного индекса и мозгового кровообращения, повышенные показатели периферического сосудистого сопротивления и тонуса мозговых артерий.

В биохимическом аспекте негативное действие психической энергии реализуется через гормоны гипоталамуса, гипофиза, надпочечников. Позитивное влияние психических факторов осуществляется через опиоидные и другие нейропептиды, мет-энкефалин, бета-эндорфин, нейротензин, пролактин, субстанцию «Р».

С позиций психодемографии становятся объяснимыми описанные ранее демографические парадоксы. Начало «перестройки» характеризовалось выраженным нравственно-эмоциональным подъемом, вызванным надеждой на новую, более справедливую жизнь. Аналогичные духовные процессы происходили и в странах Восточной Европы. Через психосоматические механизмы они приводили в организме к повышению обмена веществ, увеличению притока крови к органам, уменьшению периферического сосудистого сопротивления, снижению тонического напряжения артерий. Перечисленные процессы способствовали увеличению неспецифических резервов здоровья и снижению риска смерти.

Начало шоковых реформ, наоборот, вызвало рост духовного неблагополучия, проявившегося эпидемией агрессивного-депрессивного синдрома. Это привело к уменьшению интенсивности обмена веществ, уменьшению кровотока в тканях, росту жесткости артерий, увеличению сосудистого сопротивления. В результате произошло уменьшение резервов здоровья и повышение риска смерти.

В 1995 – 1998 гг. общество оправилось от первоначального шока, что сопровождалось улучшением психологической атмосферы. На это указывают результаты социологических опросов, а также снижение убийств, самоубийств, общей преступности. В результате адаптивные резервы выросли, и это обеспечило снижение смертности.

Стресс от дефолта в 1998 г. вызвал резкое ухудшение психического состояния людей, снижение объема адаптации и рост смертности. В течение последующих 1999 – 2006 гг. социальное настроение продолжало быть неблагоприятным, о чем свидетельствует рост преступности в 1,5 раза. Из-за этого резерв здоровья остается низким, создавая патофизиологические условия высокой смертности.

Зависимость инфекционной смертности от духовно-эмоционального состояния проверена путем «экологическое исследования» по статистическим материалам России, Белоруссии, Украины и Таджикистана. Везде обнаружены сдвинутые на год прямые связи между преступностью и инфекционной смертностью, достигавшие по коэффициенту детерминации 50 – 70%.

Психосоматические закономерности могли проявить себя и в сфере токсикогенных процессов. На статистическом материале России регрессионный анализ показал, что в 1980– 2001 гг. алкогольные отравления имели наиболее сильные прямые связи с потреблением алкоголя и уровнем агрессивного-депрессивного синдрома, измеренным по величине убийств и самоубийств. Можно полагать, что в 1991 – 1994 гг. нравственно-эмоциональное неблагополучие населения сопровождалось настолько сильным угнетением антитоксических функций организма, что алкогольные психозы и смертельные отравления стали наступать при значительно более низких концентрациях спирта в крови,

подтверждая тем существование неалкогольных механизмов алкогольных отравлений.

Для ликвидации любой эпидемии (инфекционной и неинфекционной) недостаточно выявить возбудителя и механизмы передачи. Требуется также нахождение источника, поставляющего «заразного» агента во внешнюю среду. Что является источником духовного разложения России? Откуда дует ветер нравственно-эмоционального разложения, ведущий общество к смерти? Почему начало демографической трагедии стало зарождаться с 1989 года? Ответ на перечисленные вопросы требует выхода в сферу политики и экономики, что является предметом самостоятельного исследования.

Таким образом, представленные факты указывают на возможность управления здоровьем огромных масс населения (вплоть до инфекционных эпидемий), через духовно-эмоциональные рычаги. Важно, что для этого не потребуются огромные финансовые вложения и материальные затраты. К тому же наличие сверхбыстрых демографических реакций дает реальную надежду нормализовать демографическую обстановку в России за короткий срок.

**ЛИЧНОЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ДОЛГОЛЕТИЕ:
КАНОН ТИБЕТСКОЙ МЕДИЦИНЫ «ЧЖУД-ШИ»
И ВИРТУАЛИСТИКА***

М.А. ПРОНИН

Личное и профессиональное долголетие – тема неисчерпаемая как сама жизнь. Посему интересно было бы сравнить значимые и/или самобытные (оригинальные) философские и теоретические представления нашего времени и глубокого прошлого по данному вопросу.

Конкретный предмет исследования позволяет сфокусировать сопоставление: в качестве материала анализа взят канон средневековой тибетской медицины «Чжуд-ши»¹ и виртуалистика.

Почему сделан такой выбор?

Полагаем, что сравнение парадигматической системы традиционной тибетской медицины – на материале канона «Чжуд-ши», – и современной медицинской виртуалистики (МВ) с целью описания и сопоставительного осмысления теоретической структуры, лежащей в основе биорациональности древности и нашего времени, имеет важное философское, теоретическое и прикладное значение.

Концептуально статья направлена на обсуждение и решение проблем «постнеклассической рациональности» (термин В.С. Степина²) в биомедицинской этике – в этике медицины, психологии и биологии. Такой тип рациональности Л.П. Киященко и В.И. Моисеев предлагают обозначить термином «биорациональность».

Наконец, некоторые результаты сопоставления парадигматических подходов современной медицины и традиционной тибетской (канона «Чжуд-ши»), опубликованные нами в 2003 г.³, позволили предположить, что не менее важными для обсуждения проблем постнеклассической биорациональности смогут стать результаты сопоставления двух биомедикоэтических подходов: виртуального – подхода, рожденного в конце XX в., – и средневековой тибетской ме-

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ «Трансдисциплинарные измерения биорациональности», № 07-03-00169а.

дицины, сохранившей и в наши дни свое практическое, теоретическое, культурное и социальное значение.

В статье дано краткое введение в виртуальный подход — в виртуалистику: описаны ключевые идеи МВ и виртуальной психологии, имеющие отношение заявленной тематике. Затем изложены особенности нашего комментария на текст канона «Чжуд-ши» о понимании природы здоровья и болезни. Рассмотрена онтология страдания — болезни, — в каноне, и онтология виртуала в понимании виртуалистики. Прокомментированы основания деонтологии в каноне, рассмотрено профессиональное и личное становление тибетского врача.

В завершение перечислены некоторые пролегомены философии долгожительства.

И, наконец, еще два момента. Некоторые материалы из канона приводятся без комментария. Это сделано специально, чтобы комментарий возник у самого читателя и чтобы была порождена целостность: отобранный материал говорит сам за себя. Наш комментарий также будет дан, но в своем месте.

Далее. Виртуалистика, выстраиваясь на материале психологии и медицины, формировала и одновременно экспериментально подтверждала онтологические основания внутреннего пространства человека. Канон тибетской медицины также выстраивается опираясь/отталкиваясь не столько на телесность человека (как современная психология и медицина), сколько на внутреннее пространство человека. Этот момент сопоставления наиболее интересен в философском, теоретическом и практическом планах.

Медицинская виртуалистика сегодня

Виртуалистика — современный парадигматический подход, развивающийся в рамках постнеклассической картины мира, основанный на идеях полионтизма и полионтологичности (т.е. множественности) любой реальности. Относительно психики виртуальный подход был оригинально воплощен Н.А. Носовым — родоначальником данного направления и создателем Центра виртуалистики Института человека РАН (ЦВ ИЧ РАН), — в концепции виртуальной психо-

логии⁴, которая оказалась одним из оснований психологии постнеклассической науки и практической философии⁵.

Виртуальность в виртуалистике противопоставляется не субстанциональности, как в схоластике, а константностью. *Константность-виртуальность* являются категориальными оппозициями. Эти отношения относительные, так как виртуальная реальность может стать константной для виртуальной реальности следующего иерархического уровня. Ограничений на количество порождений и свертываний реальностей нет.

Феноменология проблем практики в силу своей природы характеризуется полионтологичностью, что затрудняет ее концептуализацию в рамках моноонтической науки. Как следствие, по поводу одного и того же объекта (феномена) создается масса частных теорий, пытающихся свести полионтологичный мир к какой-либо одной реальности. Меж- и постдисциплинарная проблематика жизнедеятельности актуализирует методологические и теоретические разработки комплексного, междисциплинарного подхода, в том числе применительно к человеку.

Как известно, общепризнанное решение проблемы комплексности на теоретическом и парадигматическом уровнях до сих пор не найдено: успешные решения проблемы комплексности в основном связаны с прикладным уровнем и ограниченными, хотя и сложными, задачами. Тем не менее, полагаем, что виртуалистика позволяет существенно продвинуться в данном направлении, предлагая прежде всего парадигматические, теоретические и вытекающие из подхода – методологические и принципиально новые практические результаты.

В частности, виртуалистика направлена на сопряжение антропоцентрической и космоцентрической перспектив при решении теоретических проблем постнеклассической антропологии – проблем понимания онтологии теоретической структуры внутреннего пространства человека (как бы мы его ни называли): психологическим, духовным, субъектным, антропологическим и т.д.

Виртуалистика, опираясь на одну из своих теоретических моделей – концепт *виртуального человека*, полагает, что

любой объект внешней реальности должен быть представлен в реальностях сознания, телесности, личности и воли *внутреннего* человека. Только тогда объект может не просто отражаться человеком, но переживаться человеком актуально, т.е. порождать у него виртуальные реальности, в которых человек может реализовать себя как целостная личность — реализовывать свой человеческий потенциал⁶ во *внешнем* человеке.

Подчеркнем: реальности сознания, телесности, личности и воли также характеризуются многомерностью. Кроме того, следует различать их *состояния*, *события* в их пространстве и *действия* (сознания, тела, личности, волевые и т.д., и т.п.). Иными словами, виртуальный человек характеризуется *гиперкомплексностью* своей структуры. В силу указанных особенностей адекватное моделирование онтологического, событийно-процессуального и деятельностного планов виртуального человека (его внутреннего пространства) требует одновременного решения трех ортогональных, но взаимоувязанных, задач:

1) определения размерности базового пространства признаков и параметров, относительно которого могут быть получены описания всех остальных (интересующих исследователя) параметров и признаков: онтологический аспект моделирования;

2) решения задачи инвариантности (универсальности): методологический аспект моделирования;

3) подобия (аналогии) — теоретический аспект моделирования. Следует добавить, что понимание различий в языках описания проблемы, в языке(ах) ее решения, в языке(ах) процедуры решения и языках общих (принципиальных) решений — стало уже общим местом: например, в искусственном интеллекте. Обсуждение особенностей моделирования виртуальных объектов, их *быстрого прототипирования* в частности, выходит за рамки настоящей статьи.

Сегодня в виртуальном подходе — МВ и виртуальной психологии, — общепринято, что здоровье и болезнь, как состояния человека, обладают всеми объективными атрибутами (признаками) *виртуальной реальности*, описанными в 1986 г. Н. Носовым и О. Генисаретским⁷, а именно:

порожденностью, автономностью, интерактивностью и актуальностью. Виртуальная реальность может быть любой природы: не только психологической или компьютерной⁸. Типичные эпистемологические проблемы классической и неклассической науки, возникающие при концептуализации понятия виртуальной реальности нами также подробно рассмотрены⁹.

Подчеркнем, виртуальная психологическая реальность рассматривается виртуалистикой не как потенциальная, надуманная, а как *актуально* существующая и переживаемая человеком. Исходя из факта ее существования, онтологичности, в порожденной реальности действуют свои собственные законы (т.е. она характеризуется *автономностью*) и человек способен (в случае обладания волей) действовать в данной реальности адекватно, т.е. согласно ее законам. Более того, он может *интерактивно* изменять и порожденную реальность – виртуальную, – и константную (порождающую) реальность, и даже *модифицировать* самого себя: иногда модификация самого себя облегчается – она гратуальна, в других случаях, наоборот, – затруднена: она ингратуальна.

Что это за характеристики?

В виртуальной психологии выделяется два типа виртуальных психологических состояний: *гратуалы* и *ингратуалы*, которые порождаются из обыденной (*консуетальной*) реальности человека. Гратуальные состояния («*гратус*» в переводе с лат. означает приятный; грациозная <женщина>, харизматичный <мужчина> – однокоренные слова) переживаются как необычные, в которых человеку удается все с легкостью, практически без усилий. Ингратуальные состояния связаны с развалом текущей деятельности и переживаются как утрата возможности что-либо сделать для коррекции наступившего состояния. Соответственно, здоровье и болезнь можно рассматривать как видовые проявления гратуальных и ингратуальных состояний человека, обладающих известной устойчивостью, в отличие от других, более скоротечных, состояний, таких, как утомление или вдохновение.

Для понимания природы виртуальной психологической реальности важно понятие самообраза.

«*Самообраз* — динамический образ, в котором отражается процесс актуализации образа. Самообраз, в отличие от образа (и близких ему понятий, таких, как: план, функциональный орган, когнитивная карта, паттерн, энграмма и т.д.) отражает в психике ее же текущие, актуальные состояния. В самообразе, в отличие от образа самого себя, представлено не все содержание психики (мировоззрение, самооценка и т.д.), а только выполняемый акт деятельности, независимо от того, является ли этот акт внешним или чисто психическим. Самообраз — это табло, на котором отражено текущее, актуальное состояние разворачивающегося образа. Если «образ» и близкие ему понятия вводились в психологический оборот для описания свойств психического отражения внешнего мира, то понятие самообраза важно прежде всего с точки зрения идеи отражения в психике состояний психических же образований. Ощущения характера протекания, актуализации психических процессов в самообразе и есть виртуальные переживания, и эти переживания образуют виртуальную реальность»¹⁰.

Заметим, что раз виртуальное состояние есть состояние, отражающее в самообразе процесс актуализации образа конкретного акта деятельности (совокупности актов) — образа, регулирующего протекание деятельности, а тем самым есть показатель качества протекания и самого процесса деятельности. Поэтому, кстати, эти состояния и были названы *индикативными*.

Итак, виртуальный человек в качестве онтологической структуры представлен реальностью сознания, реальностью телесности, реальностью личности и реальностью воли. Каждая из реальностей в свою очередь также полионтологична (полионтична), автономна, порождается другими реальностями, находясь с ними в актуальных, интерактивных — *динамических*, — отношениях.

Поэтому здоровье и болезнь — это виртуальные состояния (виртуалы), которые порождаются непрерывным динамичным взаимодействием реальностей сознания, телесности, воли и личности человека, в ответ на изменение внешней среды (внешних виртуальных реальностей: напомним — виртуальная реальность в виртуалистике может быть любой природы).

И, наконец, напомним, что виртуалистику: ВМ и виртуальную психологию — наиболее развитые ее направления, можно отнести к одному из направлений постнеклассической науки в классификации В.С. Степина¹¹.

Особенности нашего комментария на текст канона «Чжуд-ши»

Оговоримся, что согласны с мнением С.М. Николаева — редактора издания первого полного перевода «Чжуд-ши» (см. статью от редактора¹²), — что «путь к адекватному пониманию феномена тибетской медицины лежит через введение в научный оборот источников на основе кропотливого, максимально полного определения и идентификации всех понятий и реалий и последующее их комплексное изучение. В то же время *попытки теоретизирования и построения различных, порой весьма привлекательных концепций относительно тибетской медицины без достаточного источниковедческого фундамента не только малопродуктивны, но зачастую могут приносить вред, приписывая объекту не свойственные ему качества* (Курс. мой. — М.П.)».

Тем не менее, С.М. Николаев указывает там же, что «исследование тибетской медицинской литературы обнаруживает в ней значительное число жанров, в большей или меньшей степени связанных со структурой и содержанием канонического трактата «Чжуд-ши». Это обширная литература, сложившаяся *как комментарий на весь текст канона* (Курс. мой. — М.П.) или на отдельные разделы и главы, свидетельствует о тенденциях распада некогда единого свода теоретических и практических знаний, которым не протяжении многих столетий был «Чжуд-ши», на ряд специализированных дисциплин».

Собственно, позволяя себе некоторый комментарий на канонический текст, мы не считаем, что тем самым реализуем «тенденцию распада» единого знания тибетской медицины: скорее работаем в уже сложившемся жанре комментария, пытаясь осмыслить научное, культурное и историческое значение канона.

Более того, наша теоретизация и концепции МВ были выстроены вне корпуса тибетской медицины, иными словами, МВ отнюдь не очередная, «весьма привлекательная концепция» тибетской медицины. Речь идет о сопоставлении двух самостоятельных отраслей медицинского знания — о сопоставлении постфактум.

Признаемся, работа эта не простая: наше первое прочтение 1988 г. (понимание), как легко догадаться, связанное с первым сокращенным изданием канона, и современное — значительно

разнятся. И дело не только и не столько в том, что мы получили в распоряжение первый полный перевод канона, сколько в том, что за эти годы развился наш парадигматический аппарат — был создан виртуальный подход и разработаны его приложения в психологии и медицине.

Можно добавить к сказанному: первое прочтение, при опоре на парадигматику медицинского образования 90-х годов, которая не во многом изменилась, и позицию врача-практика, было очень нелегким и трудным — как интеллектуально, так и по временным затратам, причем при минимуме практического выхода. Вряд ли сегодняшний врач будет читать канон с меньшими трудностями и с большим энтузиазмом. В связи со сложностями восприятия текста канона полагаем, что полезно сформулировать некоторые резоны-мотиваторы и дать установки, облегчающие восприятие канона современными специалистами — врачами, психологами, биологами, фармакологами, философами и т.д.

Коллеги из Сибирского отделения РАН, ведущие многолетний проект по переводу канона, в качестве приоритетных к введению в научный, медицинский, культурный и исторический оборот называют источники по лекарствоведению, объясняя это тем, что *содержащийся в них материал характеризуется наибольшей доступностью для идентификации и экспериментального апробирования* (Курс. мой. — М.П.).

Поэтому полагаю приоритетным и целесообразным в данной краткой работе-комментарии — при сопоставлении, — привести наши соображения, подтверждения и данные по *наименее* доступным, на наш взгляд, «для идентификации и экспериментального апробирования» положениям канона. Особенно по таким, что имеют расхождение с преобладающей точкой зрения в современной классической и неклассической медицине. Из последних выберем также не все, но лишь имеющие отношение к фундаментальным — философским основаниям биорациональности.

Речь пойдет, прежде всего, о сопоставлении религиозно-мировоззренческих: философских и парадигматических установок, предопределяющих биорациональность канона — фундаментальных теоретических построений тибетской медицины, — и современного понимания природы болезни и здоровья, разрабатываемого в рамках виртуалистики — ВМ и виртуальной психологии — как одного из языков новой — постнеклассической биорациональности.

Так, при сопоставлении двух типов биорациональности — виртуальной и средневековой тибетской в каноне, — просматриваются некоторые парадигматические аналогии и параллели. Как, впрочем, и с некоторыми установками современной медицины.

Близкий к виртуальной парадигме тип соотношения здоровья и болезни постулируется в «Чжуд-ши» (далее цитаты даны по изданию 1988 г.¹³). Например: «наивысший (лекарь. — М.П.) — это тот, кто лечит болезни, являющиеся *плодами* (Курс. мой. — М.П.) трех ядов», где три яда — страсть, гнев и невежество, которые называются также «болезнями души» и «болезнями причины». Производными от этих «трех ядов» считаются «пороки» в телесной природе человека в виде ветра, желчи и слизи. Последние называются «болезнями тела», или «болезнями следствий».

Этико-соматическая рассогласованность — давний объект исследований ЦВ ИЧ РАН, а после присоединения Института человека к Институту философии РАН (ИФ РАН) — исследовательской группы «Виртуалистика»: как на философском, теоретическом, так и на методологическом и прикладном — практическом, технологическом, — уровнях работы¹⁴. Сегодня уже возможно измерение — объективизация, — таких рассогласований с помощью эгоскопии¹⁵ — инновационного инструмента эгосоматической медицины¹⁶, Идеолог разработки — Г.П. Юрьев.

В каноне «Чжуд-ши» «цветками» (виртуальными — порожденными реальностями) медицины являются «здоровье» и «долголетие», которые в свою очередь сами могут рассматриваться как константные (порождающие) реальности для трех «плодов» (преуспеваний в жизни): Дхармы, богатства и счастья (виртуальных реальностей следующего иерархического уровня).

Сегодня общеизвестно, что Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), давая определение здоровья, вполне закономерно пытается выйти за пределы оппозиции — определение такового через отсутствие болезней или физических дефектов, — и включает в определение здоровья состояние полного физического, психического, социального и нравственного благополучия человека. В последних несложно узнать Дхарму, богатство и счастье: согласитесь, интересные параллели «в сюжетах», а разница всего-то в каких-то пять-семь веков.

По сути, определение здоровья, даваемое ВОЗ, полионтологично, что вызывает вполне закономерную критику современной медицины: на неопределенность (неопрационализированность определения) для практикующего врача, деятельность которого сведена преимущественно к реальности телесности и, отчасти, к реальности сознания больного; на декларативность — идеалистический статус такого определения, неподкрепленного соответствующим инструментарием; на «выход» определения здоровья за рамки социально признанной ответственности медицины (духовное и социальное благополучие лежит вне реальности воли медицинского сообщества).

Данный факт отражает редуцированность мировоззрения современной медицины. По классификации лекарей в «Чжуд-ши» это всего лишь «лекари обычные» — «друзьями живых существ являются те, которые следуют традиции сострадания и имеют в этом опыт, а враги жизни те, которые ради наживы приобрели какие-то (знания)». К слову, классификация лекарей в «Чжуд-ши» полионтологична: «вообще лекари делятся на хороших и плохих», — не тривиальна по своим основаниям (смотри ниже).

Онтология страдания в каноне «Чжуд-ши»

Кроме объективных признаков виртуальной реальности, имеются восемь субъективных¹⁷, переживаемых человеком, попавшим в виртуальную психологическую реальность. Это так называемые *субъективные свойства виртуала*: его непривыкаемость, спонтанность, фрагментарность, объективированность, а также измененность статуса телесности, статуса сознания, статуса воли и статуса личности попавшего в него человека.

Статус личности больного человека согласно канону характеризуется «плачем, стенаниями и бессилием больного», т.е. измененными статусами телесности (плач), сознания (стенания) и воли (бессилие). Данная феноменология вроде бы подтверждается и современной медициной, использующей для описания клинической картины заболевания жалобы больного и изменения нормальных характеристик течения психофизиологических процессов в организме.

Тем не менее, парадигма современной массовой медицины полагает существующей преимущественно патоморфологическую картину болезни (вспомним известную медицинскую шутку «патологоанатом — лучший диагност»), т.е. статусом существования (онтологией) обладает только реальность телесности, в которой формируются и болезнь, и здоровье обследуемого, и к которой пытаются свести все заболевания, в том числе и психиатрические. Надо отдать должное: современная медицина достигла больших результатов в определении морфологического субстрата болезней. Конечно, тело — на первый взгляд, и то лишь на первый, — наиболее константное образование в человеке.

Сознание больного все еще рассматривается в основном как вспомогательная реальность для диагностики (жа-

лобы больного), оценки степени тяжести неотложных состояний, связанных с нарушениями сознания, и проведения некоторых медицинских процедур (психотерапии, например). Здесь-то и возникает многообразная казуистика современной медицины, связанная, например, с теорией нормы, когда нормирование здоровья (как полионтологичного объекта) пытаются провести по одному онтологическому основанию, пытаясь разрешить данное качественное противоречие статистическими методами за счет закона (феномена) перехода количества наблюдений в новое качество – выявление общей закономерности.

В отличие от современной медицины, тибетские врачи, имея в основе полионтологичную парадигму медицинского знания, считали возможным постановку диагноза через оценку состояния родственника больного. То есть, по оценке статуса телесности родственника (по его пульсу), в котором отражался семейный виртуал болезни, они могли поставить диагноз больному. Наши исследования это подтверждают.

Метафорически можно утверждать, что соматическое заболевание – это член семьи больного. Вокруг этого «невидимого» члена семьи все и «пляшут». Болезнь для них – это реальность, обладающая статусом существования, которую они актуально переживают. Как только болезнь рождается – меняется семейная виртуальная реальность, которая интерактивно меняет статусы телесности, сознания, воли, личности всех близких больного. Поэтому через членов семьи страдающего тем или иным соматическим заболеванием можно вести большинство возможных направлений медицинской и психологической работы.

Что более очевидно или менее спорно, так это то, что некоторые психосоматические расстройства требуют семейной психотерапии: данный факт стал уже общим местом и в современной медицине.

Пока вызывает недоумение или вопросы вот что: почему одно возможно рассматривать как объективную проблему, а другие феномены, на наш взгляд, – той же природы, следует трактовать или как архаичные, или как заблуждения средневековых врачей – и тибетских в частности?

Вот некоторые вполне ожидаемые и, напротив, очень неожиданные примеры из пульсовой диагностики из канона.

«Семь удивительных пульсов, которые о домашних делах, гостях, врагах, прибыли и демонах дают предсказания, по ним же гадают, меняя места Огня и Воды, и гадают о ребенке в утробе.

О первом <гадание о домашних делах>.

Уходит в глубь и слабеет — таков пульс скверны.

Словно туманом закрыт и доносится слабо — предвещает горе.

Пульс, как горчичное зерно*, — от страдания не избавиться.

Пульс как бурлящий горячий источник, — к сплетням и пересудам.

Пульс, как рвущиеся языки пламени, — к убытку.

Если пульсы наблюдаются на сосуде самого, то эти предсказания относятся к тому, на чьей руке гадают.

При появлении их на сосуде матери предсказание относится к его матери или дяде,

На сосуде сына — к сыну и внуку, на сосуде друга — к имуществу, врага — к врагу.

О гостях гадают по руке того, кому дорог этот гость.

Сильно бьется пульс печени, легких, селезенки, почек — значит, гость совершенно еще не тронулся в путь, близко подъехал, скоро прибудет или же в гости едет враг — так это толкуется.

Или же бьется сильно пульс самого или матери — гость не тронулся с места, бьется пульс сына — выехал, врага — гость сейчас подъедет».

«Гадание об исполнении задуманного дела.

Если усилены пульсы сердца, печени, почек, то (соответственно) будет помеха, исполнится дело, вернется с пустыми руками.

Если усилен пульс врага — дело не сбудется, друга — сбудется».

«Гадание о прибыли по пульсу владельца имущества.

Бьется сильно пульс печени — к прибыли, убытка не будет. Ослаблен пульс сердца и почек — ожидается убыток.

Очень хорошо, когда при гадании о прибыли бьется пульс друга;

Если бьется пульс матери — это посредственно;

Если пульс сына — прибыли нет; врага — прибыль присвоит враг.

Изменение места Воды и Огня <метод гадания по пульсу клиента о судьбе его близких>.

Болеет отец — гадают по руке сына.

Если полон пульс печени — выздоровеет, не полон — умрет.

Усилен пульс матери — выздоровеет, ослаблен — умрет.

Если болеет сын — гадают по руке отца.

* «Горчичное зерно» — пульс как будто остренько покалывает палец лекаря.

*Полон пульс сердца – выздоровеет, не полон – умрет.
Усилен пульс сына – выздоровеет, ослаблен – умрет.
Точно так же гадают по рукам матери и дочери.
При болезни мужа – смотрят пульс жены.
Не полон пульс печени – умрет, полон – выздоровеет.
Жена заболела – смотрят пульс мужа.
Не полон пульс печени – умрет, полон – выздоровеет.
Или же о муже гадают по пульсу друга, о жене – врага.
Если они усилены – выздоровеет, ослаблены – умрет».*

И т.д.

В большинстве вышепредставленных случаев речь идет о семейном, групповом пространстве, на языке виртуалистики, – о виртуале. О его измерениях. В каноне – с помощью пульсовой диагностики по пульсу – либо самого человека, либо по пульсу его родственника.

С одной стороны, данные измерения выглядят несколько «чудесно», с другой – этико-соматические проявления у участников социального, семейного, и даже внутриличностного конфликта – общеизвестны. Так же, как общеизвестно сегодня использование частоты сердечных сокращений или показателей гемодинамики в современных детекторах лжи.

Не менее интересны и показательны признаки, по которым можно сделать прогноз в отношении конкретного больного – будет ли его лечение легким.

«Больные, которые легко излечиваются.

Если больной – человек молодого возраста, смирный, сильный духом и телом, способный перенести лекарства, богатый, может понять все вопросы лекаря, точно описывает признаки болезни, он будет объектом легкого излечения».

Нетрудно вновь заметить, что современное определение здоровья ВОЗ – о физическом, психологическом, нравственном и социальном благополучии, – перекликается со средневековыми критериями, положенными в основания прогноза исхода лечения больного. Ну, что тут можно сказать? Неисповедимы пути формирования постнеклассической биорациональности.

Онтология виртуала

К сожалению, современная медицина виртуальные феномены либо не фиксирует, либо с ними не работает, либо не

может объяснить их природу. В этом отношении мировоззрение современной медицины, по сути своей, ущербно.

Как показывают наши работы, впрочем, уверен, что ко многим нижеприведенным примерам опытные коллеги к нам присоединятся: виртуал (иначе – виртуальная реальность) болезни может быть развернут из реальности телесности – в результате дисфункции любого из органов человеческого организма (что блестяще демонстрирует современная медицина). Из реальности сознания – всем известны ятрогении (болезни, вызванные неквалифицированным обращением медицинского персонала). Из реальности личности – можно взять наблюдения из сферы определения профессиональной пригодности человека. Достаточно типичны факты в военно-морской медицине, когда моряк признается военно-врачебной комиссией годным к службе на подводных лодках, но не годным к обучению на очном факультете военной академии: вся оставшаяся личная жизнь – сплошное отражение болезни. А личность – это уже и социальный контекст (реальность), поэтому можно сказать, что хрестоматиен случай, относящийся к 20-м годам XX в., который произошел в результате события в статусе личности летчика: первый председатель первой врачебно-летной комиссии в СССР был застрелен летчиком, который был признан комиссией негодным к летной работе (до появления комиссии он спокойно себе летал).

Так вот, теоретическая виртуалистика полагает, что любой объект любой из реальностей может вызвать (породить) заболевание. Поэтому при разработке новых методов лечения алкоголизма¹⁸ Н.А. Носов задался отнюдь не риторическим вопросом: «Если любой объект, теоретически, может вызвать алкогольный виртуал, то может ли, ну, например, камень, породить приступ (запой) при алкоголизме?» Как говорят, «не прошло и трех дней», Ю.Т. Яценко, с которой они делали первые шаги в направлении виртуальной медицины и психологии, описала случай течения алкоголизма, когда у больного императивный позыв к употреблению алкоголя вызывал вид бюста Ленина, т.е. камень. Данный факт был связан с тем, что пациент в начале течения болезни частенько распивал алкогольные напитки со своими товарищами после работы рядом с памятником Ленину.

Не менее важным считаем возможность решения обратной задачи: лечение многих заболеваний возможно из любой реальности человека. Установлено, что у человека имеется собственная партитура болезни (и здоровья), которая может быть страдающим изменена с помощью аретевта. *Аретейя* – это новый тип практики, в основе которой лежит виртуальная парадигма, рассматривающая здоровье и болезнь как порожденные виртуальные состояния, не сводимые к одной из реальностей человека. Так, достаточно эффективным показали себя методы аретеи бронхиальной астмы. Устранение болезни, ее девиртуализация, может быть проведена, например, из реальности сознания больного. *Аретевт* – человек, проводящий аретею, может помочь аретенту (страдающему) изменить собственный статус воли, который позволяет страдающему устранить свое заболевание или купировать приступ, неподдающиеся лечению (купированию) современными медикаментозными средствами (например, бронхиальной астмы¹⁹).

Мы использовали слово страдание вместо «заболевание», так как болезнь – нозология, – отражает нозологический подход, сужающий виртуальную картину течения тех или иных расстройств у человека до клинического течения болезни, имеющей патоморфологическое основание. Клиницисты тут, конечно, отметят, что современная медицина уже выделяет донозологические состояния или предболезнь. Это, несомненно, шаг вперед, но, как мы теперь понимаем, исключительно в феноменологическую сторону... Приборы становятся точнее, методы обследования изощреннее, все это дает мощный феноменологический пласт, фиксируемый в статусе телесности человека, от которого современная медицина отмахнуться уже не в силах, но объяснить данные научные факты еще не в состоянии, ограничиваясь концепцией ничего не объясняющей «психосоматики».

Основания деонтологии в «Чжуд-ши»

Весьма интересны этические основания биорациональности, деонтологии – отношений врач-пациент, – в тибетской медицине.

Например, можно рассмотреть причины отказа больному в оказании медицинской помощи.

«Отказаться от больных можно в двух случаях:

Когда есть средства лечения и когда их нет.

О первом случае: не братья за больных, которые ненавидят Будду, монахов и живых существ, неблагодарных, не отвечающих на заботу лекаря, торопливых, бедных, непослушных, исчерпавших срок жизни, подавленных духом и врагов религии, ибо можно испортить свои отношения с другими.

Есть средства или нет — от таких лучше отказаться.

Отказываются, ссылаясь на отсутствие средств, от запущенных больных, от тех, у кого уже появились признаки смерти, от больных, охваченных девятью болезнями, обрывающими жизнь».

Если тезис, резон, с отказом в оказании *лечебной* помощи умирающим больным в общем-то, понятен, то отказ от оказания помощи по биоэтическим: социально-психолого-религиозным основаниям — представляется очень интересным и требует прицельного рассмотрения и обсуждения.

Прагматичны и вполне современны психологические стратегии взаимодействия врач-больной в каноне: лечение и само проявление врача может (и должно быть!) подобающим образом «обставлено», преподнесено. Феномен плацебо, значение «театральности» в современном клиническом гипнозе и методах кодирования при различных аддикциях — общеизвестно.

Вот иллюстрация по данному вопросу из канона.

«Уловки и хитрости, применяемые при обследовании, включают:

«определение проявлений болезней», «выяснение того, что случилось», «тянуть время», «обследовать последствия», «заставить говорить», «рот заткнуть», «ясность вносить», «попал в тупик».

Лекарю, знающему проявления общих и частных болезней, достаточно сказать: «Здесь болит» — и он сразу же поймет, в чем дело.

Но для этого необходимы навыки и опыт.

Ведь умение разбираться в качестве драгоценностей зависит не только от книг, хотя без них не обойтись.

«Выяснение того, что случилось». *Лекарь может опросить гонца, что болит у больного, как болит, чем лечили, кто лечил, сколько дней прошло и т.д., чтобы потом сделать вид, что ему и без слов все ясно.*

«Тянуть время». *Не торопясь, побыть около больного, словами и действиями выяснить в беседе все, что ему нужно.*

«Обследование последствий». Выявив, как действуют на больного кровопускания, прижигания и лекарства, назначенные ранее, можно определить жар у больного или холод.

«Заставить». Больной не хочет разговаривать. И если лекарь не может болезнь определить, то во избежание дурной славы пусть не делает больному еще хуже, а совершит обряд против демонов и пробормочет, что «ему могли бы помочь такие-то лекарства».

Тут больной не выдержит и скажет: «Здесь болит», «Как лечить?».

«Рот заткнуть». Если, принимая некоторых больных, лекарь сразу определяет болезнь, он может прервать больного словами: «Что и где болит — лекарю виднее, можете не продолжать» — и ясно описать его болезни — все будут восхищены.

«Вносить ясность». Лекарь может сказать: «При обследовании другие лекари используют много разных методов сразу, смотрят пульс, мочу, спрашивают «Где болит?», не то что я — я определяю болезнь только по одному методу».

Такой лекарь прославится как лекарь, который с одного только взгляда определит болезнь или же как чрезвычайно искусный в тонких методах обследования».

Рекомендации ясны, понятны и просты. Во многом — не устарели до сих пор. Современность их, на наш взгляд, связана с их «психофизиологичностью» — антропологической глубиной, неизбывной — адекватной, — и современному человеку.

Можно высказать гипотезу, что преобладающей реальностью — константной на языке виртулистики, — к которой сводились или на которую опиралось теоретическое ядро тибетской медицины, естественно, в сравнении с современной, — была реальность внутреннего человека, а не столько и не только реальность телесности — морфологическая картина болезни. Морфологическая глубина современной медицины — заслуга науки нового времени.

На этом фоне, на наш взгляд, вскрытие парадигматической системы древнетибетской медицины с использованием виртуального подхода может стать важным фактором развития постнеклассической биорациональности и философии современной медицины. Фактором, задающим понимание генеза и истории развития биорациональности. В том числе логики и точек ее дивергенции, предопределяющих пути ее развития и, как следствие, формирующийся тип преобладающей биорациональности.

Профессиональное и личное становление, и долголетие тибетского врача

Следует обратить внимание, что сама структура канона тибетской медицины построена по полионтологичному принципу и в виртуальной логике. Канон (дословный перевод «чжуд-ши» — четыре тантры) состоит из трех основных разделов (тантр): «Тантры основ» (статус телесности врача, т.е. мировоззрение), «Тантры объяснений» (статус сознания врача), «Тантры наставлений» (статус воли врача); и одной «Дополнительной Тантры» (личность врача), что в совокупности должно ввести молодого специалиста в виртуальную реальность врачевания, т.е. породить его новую добродетель (*virtus* — лат.). Ритмический (поэтический) характер самого текста канона, также способствует порождению виртуальных событий (состояний) у будущих врачей, помогает им входить в подобающее рабочее состояние — в состояние врачующего.

Какие же основы канон полагает базовыми в личности лекаря? Основы, предопределяющие профессиональное и личное долголетие?

«Основы (лекаря. — М.П.): ум, «белая душа», умение хранить обеты, приветливость, прилежание, мудрость в людских законах.

Что значит «умный»?

Это значит — обладающий умом с тремя (качествами): широтой, крепостью и познавательной способностью, кто усвоил про- странные сутры по лечению, кого не поставит в тупик никакое ру- ководство, кто образован, обладает логикой и интуицией. Послед- нья считается наивысшим видом знания».

(Здесь, скорее, на мой взгляд, под интуицией понимается способность «читать» виртуал болезни — синтетический по своей природе.)

«Белая душа» — это значит «обладающий душой бодхи».

(Отдельная тема для обсуждения. Общеизвестен феномен обращения в философы — в человека с определенной психофизиологией: вполне допустимо говорить, по-види- мому, и об обращении во врача).

«Прилежание.

Прилежание в друге: обращайся (к учителю), спрашивай, усва- ивай и размышляй не ленься.

Ибо лень — это враг, создающий помехи. Пока не завершил обу- чение, смотри, слушай, вбирай в себя, отбросив сомнения.

Мудрость.

Мудростью великой он устраняет противоречия, вытекающие из буквального смысла (тантр)».

Из освоенности человеком — врачом, — данных пространств, реальностей — проистекает каким он стал лекарем: их типология (в начале статьи мы уже об этом говорили).

«Различия лекарей.

Бхайшаджья-гуру — лекарь наивысший, исключительно хорошие и простые — итого три (вида) лекарей.

Наивысший — это тот, кто лечит болезни, являющиеся плодами трех ядов.*

Современная медицина уже начинает размышлять над тем, что эмоции являются «морфологическим субстратом»(!) аддикций. Интересно, что это за субстрат и как он выглядит морфологически?

Исключительные — те, кто имеет истинное знание и в других науках — милосердные риши.

Обычные — друзьями живых существ являются те, которые следуют традиции сострадания и имеют в этом опыт, а враги жизни те, которые ради наживы приобрели какие-то (знания).

Вообще лекари делятся на хороших и плохих».

Хороший и плохой лекарь.

Тот, кто имеет хорошее происхождение, умен, чтит обеты, мудр в содержании источников, знает устные наставления, имеет опыт, живет по дхарме, бесстрастен, бескорыстен, укрощен, мягок в общении, сострадателен, не делает ошибок, о чужих делах заботится как о своих, во всех делах лечения просветлен, — это хороший лекарь.

Он единственный спаситель тех, кто болеет, он сын, продолжающий род риши — держателей наук, его называют перерожденцем исцелителя — царя лекарей.

Лекарь, у которого нет родословной, похож на лису, занявшую царский престол, он не достоин, чтобы люди подняли его на свои головы.

Лекарь, не знающий содержания источников, похож на слепого, которому показывают предметы, он не может различить род болезни, методы ее лечения.

* Три яда — страсть, гнев и невежество, которые называются также «болезнями души» и «болезнями причины». Производными от этих «трех ядов» считаются «пороки» в телесной природе человека в виде ветра, желчи и слизи. Последние называются «болезнями тела» или «болезнями следствий» (здесь и далее комментарии к терминам — переводчиков канона).

Лекарь который не видел, не размышлял, похож на вышедшего в путь без подготовки, у него не будет уверенности в опознании болезней и средствах лечения...

Перечень состоит из 12-ти признаков, определяющих (апофатически) плохого врача. (Извините, — лекаря: геоцентрическое пространство, в отличие от врачебного — космоцентрического. Но это — гипотеза.)

...И в итоге.

«Плохой лекарь не умеет разбираться в «тяжести» и «легкости», лечение его идет неверным путем. Он похож на демона в обличье врача, который взяв аркан Ямы , хочет вырвать посох жизни. С ним не связывайся. Он погубит доверившихся».*

Каковы же деяния хорошего лекаря?

«Деяния лекаря.

В деяниях лекаря есть общие и специальные.

Общие — это деяния тела, языка и души.

Телом он собирает лекарства и инструменты и заботится о делах больных.

Деяния языка — говорить искусно.

Советы конкретны, потому как ситуативны, а сами ситуации вполне узнаваемы и сегодня. Рекомендую прочитать их в каноне: объем их, отнюдь, не малый.

В светских делах поступай согласно мирским законам.

Кроме реальности внешнего человека задан императив и внутренний, если рассматривать в узком смысле, — психотехнологический.

Деяния души — безошибочность, усердие и размышление.

В частности же, воззрения, созерцание и деяния.

*Воззрения — дхармы все рассматривай через мадхьямику**.*

Недостаточное, излишнее и неверное воспринимай через совершенную мадхьямику — это лучшее из воззрений.

* Яма — властелин царства мертвых (здесь и далее комментарии к терминам — переводчиков канона).

** Мадхьямика — одна из школ махаянского направления буддизма, получившая распространение в Тибете. Мадхьямика отрицает реальность внутреннего и внешнего мира, содержание которых считается условным, относительным. Высшей, абсолютной реальностью в этой школе принимается пустота — шунья.

*Созерцания – пребывай в духе «четырёх безмерных»***, не ска-
тываясь на позиции «четырёх ошибок»****.*

(Случай аретеи бронхиальной астмы²⁰ мною описан в 2002 г., в том числе и то, к чему приводит выход из состоя-
ния «безмерной уравновешенности»).

*Из деяний, которые нужно принять или отвергнуть, отвергай
греховные.*

Не совершай безумств, распутства, болтовни и злобства.

Твори подаяния, храни обеты, будь терпелив и усерден.

Раз высокое звание лекаря благоприобретаемо как ста-
тус виртуоза – человека, преодолевшего технические слож-
ности овладения профессией. Человека, научившегося,
прежде всего, жить в профессиональном пространстве най-
денного личного предназначения, тогда у него есть возмож-
ность достичь долголетия как одного из плодов человечес-
кой и профессиональной жизни.

Плоды, пожинаемые лекарем.

Плоды, пожинаемые лекарем, бывают преходящими и вечными.

*Преходящие – это счастье в этой жизни, влияние, богатство,
радость, покой.*

То, что дает все это, является лекарством.

(Согласитесь, интересное понимание лекарства!)

*Знания и качества свои проявляй на людях, даже к злобствующим
на тебя, относись, как к братьям.*

*Этим ты достигнешь добродетелей и славы. Получишь желе-
емую пищу и богатство большое.*

*В тоже время не будь беспечным к себе – проси пищу и вещи,
когда нуждаются в тебе, а то пройдет много времени – забудут
твою помощь.*

*** «Четыре безмерных» – безмерная благожелательность, безмерная
милость, безмерная радость и безмерная уравновешенность, выра-
батываемые в состоянии медитации.

**** «Четыре ошибки» – трактуются как состояния, противополож-
ные «четырем безмерным». Применительно к этике врача своеобраз-
ное толкование имеют третья и четвертая «ошибки»: для врача недо-
пустимо радоваться, когда умирают пациенты другого врача, и терять
равновесие духа по случаю смерти или выздоровления своих пациен-
тов. (Речь идет, в мой взгляд, о недопустимости выхода из «рабочего
состояния» исцеляющего человека – в ссылке на аретею бронхиаль-
ной астмы об этом же говорится. – М.П.)

Вечные — те, кто, не зная корысти, хитрости и жадности, занимались лечением больных, попадут в страну высшего Будды — так сказал Исцелитель — Царь лекарей».

Вот так описывается пространство возможных состояний лекаря и траектории становления в данном пространстве.

Исключительна в таковом роль наставника — учителя.

«Учитель.

Об учителе: его качества, методы опоры, необходимость опоры.

О качествах: следует опираться на того, чья мудрость обширна и глубока, на того, кто имеет наставления, терпелив, честен, вызывает любовь и уважение.

Методы опоры: надо без сомнений довериться такому, не уклоняться от порученных дел, не совершать поступков, которые он не одобрит, и долго хранить чувство благодарности к нему.

Необходимость опоры: быстро обучишься и станешь мудрым».

Внутреннее пространство состоявшегося человека — главный ресурс для обучения.

Наставление говорит само за себя: антропоцентризм тибетской медицины очевиден.

Вместо заключения

Вот в заключении одна из профессиональных мировоззренческих установок для начинающего врача, касающаяся как канона, так и профессии в целом. Если хотите, — рецепт.

«Эти слова не следует записывать, а надо усвоить их смысл (реальность сознания: статус сознания — здесь и далее в скобках примеч. мои. — М.П.).

И смысл этот бережно хранить в сердце (реальность телесности — стать / быть врачом в психофизиологическом плане).

Наставления не делай упражнением для языка, а усваивай их суть (дается характеристика результата — эффекта, — обучения: события во внутреннем пространстве обучающегося человека).

Не удовлетворяйся знанием только лекарств и процедур, а занимайся глубочайшим изучением (теории) (многие увидят параллели с современными принципами проблемного обучения, недопустимостью «фельдшерского» подхода в подготовке врачей и т.д.).

Никогда не считай себя старым для постижения истины» (реальность личности — можно сказать установка на эпистемологическое — профессиональное, — долголетие).

Итак, в статье было три линии в рассмотрении заявленного вопроса.

Два взгляда на личное и профессиональное долголетие: виртуальный и канона тибетской медицины. Первый — парадигматический, второй — феноменологический. Преимущественно так выстраивался материал, хотя, скорее речь идет об акцентах: феноменология и парадигматика здесь во многом взаимоподтверждающие — взаимодополняющие.

Третьей линией — пространством, — выступало пространство биорациональности: порождаемое нашим сравнением и феноменологии, и подходов. Одновременно, пространство биорациональности включало отсылки к современной медицине.

Методический прицел фиксирует расхождение современной медицинской и тибетской медицинской парадигм в выборе константной (базовой) реальности, предопределяющей точку (скорее плоскость: более точная классификация требует отдельных усилий) их дивергенции и, как следствие, преобладающий тип биорациональности: телесно-детерминированный (телесный) — для современной медицины, — и вне-телесный — духовный, психологический, субъективный и т.д., и т.п. — для тибетской медицины. Как это пространство будет названо в постнеклассической биорациональности сегодня — большой вопрос.

Виртуалистика для работы в данном пространстве разработала свою собственную философию, теоретические модели, эксперимент, практику — артефакты, — и инструменты. И это ее большой процептивный (термин О.И. Генисаретского) задел. Поэтому можно утверждать, что виртуалистика — один из возможных языков постнеклассической биорациональности. Почему один из языков? Ведь язык квантовой физики не заменяет же другие языки физики.

Из приведенных иллюстраций и теоретических выкладок можно увидеть, что особенности организации виртуального человека — как совокупность всех виртуальных реальностей человека (подробнее структуру теоретического концепта можно посмотреть в «Словаре виртуалистики» на сай-

те www.virtualistika.ru), — его добродетель (*virtus* — лат.: особое состояние силы, доблести и мужества у воина в бою) является константной реальностью для порождения виртуальной реальности следующего уровня — **феномена долгожительства**.

Ввиду того, что долгожительство — результат реализации жизненного пространства виртуоза, его витальной доблести: личной, человеческой, профессиональной, встает вопрос не только о биорациональности внешней, объектно ориентированной и социально детерминированной, но и внутренней: о личной жизненной философии профессионального долгожителя и долгожителя как обычного человека (хотя так про долгожителя, конечно, говорить несправедливо): долгожителя как человека бытийствующего.

Возможно, и здесь виртуалистика сможет стать основной практической философии — философии жизни. Для этого и в этом ей сможет послужить хорошей опорой канон тибетской медицины «Чжуд-ши», как, впрочем, и любого из нас в реализации личной доблести долгожителя.

Примечания

¹ См.: Атлас тибетской медицины. Свод иллюстраций к медицинскому трактату XVII века. Альбом. М., 1998; «Чжуд-ши» — памятник средневековой тибетской культуры / Пер. с тиб. Предисл. Д.Б. Дашиева, С.М. Николаева. Новосибирск, 1988; «Чжуд-ши» — памятник средневековой тибетской культуры / Пер. с тибетского, предисл., примеч., указатели Д.Б. Дашиева. М., 2001.

² См.: *Степин В.С.* Теоретическое знание. М., 2000.

³ См.: *Пронин М.А.* Здоровье как онтологическая проблема // Здоровье человека: социогуманитарные и медико-биологические аспекты. М., 2003; *Пронин М.А.* Здоровье как онтологическая проблема // Устойчивое развитие. Вып. 4 — 5. Постнеклассическая наука: проблема человека. Материалы межрегионального философского семинара (8 — 9 окт. 2002 г.). Улан-Удэ, 2003.

⁴ См.: *Носов Н.А.* Виртуальная психология. М., 2000. (Тр. лаб. виртуалистики. Вып. 6).

⁵ См.: *Пронин М.А.* Виртуалистика сегодня: история, пространство, иллюстрации, перспективы // Философские науки. 2007. № 8.

⁶ См.: Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода / Под ред. И.Т. Фролова. М., 1999.

⁷ См.: *Носов Н.А., Генисаретский О.И.* Виртуальные состояния в деятельности человека-оператора // Труды ГосНИИГА. Авиационная эргономика и подготовка летного состава. Вып. 253. М., 1986.

- ⁸ См.: *Пронин М.А.* Виртуалистика сегодня: история, пространство, иллюстрации, перспективы.
- ⁹ См.: *Пронин М.А.* Эпистемологические проблемы исследования виртуальной реальности // Новое в искусственном интеллекте. Методические и теоретические вопросы. М., 2005.
- ¹⁰ См.: *Носов Н.А.* Словарь виртуальных терминов. М., 2000 (Тр. лаб. виртуалистики. Вып. 7). *Примечание:* весь словарь можно найти на сайте: www.virtualistika.ru.
- ¹¹ См.: *Степин В.С.* Теоретическое знание. М., 2000.
- ¹² См.: «Чжуд-ши» — памятник средневековой тибетской культуры. М., 2001.
- ¹³ См.: «Чжуд-ши» — памятник средневековой тибетской культуры. М., 1988.
- ¹⁴ См.: *Юрьев Г.П.* Виртуальный человек в экстремальных условиях (Тр. лаб. виртуалистики. Вып. 9). М., 2000; *Юрьев Г.П., Юрьева Н.А.* Виртуальная медицина: теория и практика триалектической аретеи (Тр. лаб. виртуалистики. Вып. 16). М., 2001; *Г.П. Юрьев, Н.А. Юрьева, Е.И. Лебедь.* Виртуальная этика здоровья и страданий человека (Тр. Центра виртуалистики. Вып. 25). М., 2004.
- ¹⁵ См.: *Юрьев Г.П., Скоморохов А.А., Чеховский Л.В., Тищенко А.А., Буйнов А.А., Лебедь Е.И., Харламова Н.И.* Эгоскопия: смысло-физиологическая диагностика человека // Переход на новую модель здравоохранения: мед. и др. технологии: к 60-летию Поликлиники № 1 РАН. М., 2006.
- ¹⁶ См.: *Юрьев Г.П.* Эгосоматическая медицина // Там же.
- ¹⁷ См.: *Носова Т.В.* Психологические признаки виртуального состояния в деятельности пилота // Авиамедицинские и эргономические исследования человеческого фактора в гражданской авиации. Тр. ГосНИИГА. Вып. 294. М., 1990.
- ¹⁸ См.: *Носов Н.А., Яценко Ю.Т.* Параллельные миры. Виртуальная психология алкоголизма (Тр. лаб. виртуалистики. Вып. 2). М., 1996.
- ¹⁹ См.: *Пронин М.А.* Случай Фаины // *Носов Н.А.* Виртуальный конфликт: виртуальная социология медицины. М., 2002.
- ²⁰ См. там же.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Обзоры, объявления,
сообщения

**ЖУРНАЛУ «ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ»
60 лет!**

В.А. ЛЕКТОРСКИЙ

«Вопросам философии» исполнилось в июле 2007 г. 60 лет. Журнал возник после известной дискуссии 1947 г., посвященной обсуждению книги Г.Ф. Александрова об истории западноевропейской философии. Обстановка, в которой существовала философия в советские годы, была тяжелой. Был жесткий идеологический диктат, невозможность обсуждать серьезные проблемы социальной философии, официально навязываемая (особенно в 40-е, 50-е годы) трактовка философии в качестве набора тривиальностей и бессмысленностей, запреты определенных публикаций, преподавание философии в течение длительного времени по таким учебникам, которые могли только вызвать стойкое отвращение ко всякой философии, и многое другое.

Однако были и другого рода факты. Начиная с 60-х гг., с времен хрущевской «оттепели» в нашей стране появился целый ряд философов, которые серьезно попытались дать научную и гуманистическую интерпретацию ряда мыслей К. Маркса и сумели создать оригинальные философские школы – со своей проблематикой, публикациями, дискуссиями. Роль «Вопросов философии» в развитии этого философского движения была поистине уникальной. Появление новых имен в нашей философии в 60-е гг. во многом связано именно с журналом (первые публикации Э.В. Ильенкова, А.А. Зиновьева, М.К. Мамардашвили, Г.П. Щедровицкого и др.). Можно утверждать, что нет ни одного действительно интересного философа в нашей стране, начиная с 60-х гг., который не был бы поддержан журналом и не публиковался на его страницах.

В конце 60-х и в 70-е гг. журнал стал как бы своеобразным центром притяжения для многих наших интеллектуалов, при этом не только философов. У «Вопросов философии» установились тесные отношения с крупнейшими естествоиспытателями.

телями, такими, например, как П.Л. Капица, М.А. Марков, В.А. Энгельгардт, Д.К. Беляев и др., которые не только регулярно печатались в журнале, но принимали активное участие в многочисленных обсуждениях, круглых столах. При этом в журнале обсуждались не только вопросы, касавшиеся философского осмысления новых естественнонаучных идей, но и широкий круг проблем культуры, образования, истории и т.д., связанных с главными мировоззренческими исканиями того времени.

Новая ситуация возникла в нашей философии начиная с 90-х гг. В современной ситуации «Вопросы философии» играют исключительную роль в нашей культуре в целом.

Сегодня у нас успешно издается ряд философских журналов: «Философские науки», «Человек», «Эпистемология и философия науки», «Логос».

«Вопросы философии» отличаются от других философских журналов в ряде отношений. Назову некоторые из этих отличий.

Во-первых, наш журнал не посвящен какой-то специальной проблематике (логике, истории философии, социальной философии, эпистемологии и т.д.), а публикует статьи по широкому спектру центральных философских тем, в разработке которых получены новые результаты и которые привлекают сегодня особое внимание.

Во-вторых, «Вопросы философии» не придерживаются какой-то одной философской позиции (аналитическая философия, феноменология, постмодернизм, неомарксизм и т.д.), а публикуют статьи, авторы которых защищают разные точки зрения. Мы видим одну из своих задач в том, чтобы организовывать дискуссии между представителями разных концепций. Главное условие публикации – высокий профессиональный уровень и оригинальность выдвигаемых идей.

В-третьих, мы регулярно обсуждаем круг вопросов, связанных с пониманием современной социально-культурной ситуации в России в ее отношении, с одной стороны, к прошлому русской культуры, а с другой, к ситуации в современном мире. Мы из номера в номер публикуем статьи и систематически проводим круглые столы, которые можно было бы объединить названием «Мысли о России». Мы исходим из того, что наиболее глубоко эту тематику, не просто теоретическую, но жизненно важную, особенно в тот драматический момент, который мы переживаем сегодня, можно понять только на философском уровне.

В-четвертых, мы стараемся делать журнал, который интересен не только узкому кругу специалистов, а всем тем, кто размышляет о мировоззренческих, методологических и аксиологических проблемах современной науки, культуры и современного общества. Мы исходим из необходимости сильного взаимодействия философии с разными сферами культуры. Поэтому мы публикуем интересные философские статьи математиков, физиков, биологов, психологов, историков, искусствоведов, писателей, политиков, религиозных деятелей (они же участвуют и в наших круглых столах). Среди подписчиков журнала велик процент читателей, не являющихся профессиональными философами.

Наш журнал в самом деле можно рассматривать как не просто философский и даже не просто общегуманитарный, а как общекультурный российский журнал (в соответствии с ролью философии как самосознания культуры), как своеобразное собрание «мыслящей России». Об этом говорит, в том числе, и тематика наших круглых столов. Назову только некоторые из проблем наших обсуждений на круглых столах за последние годы.

- Философия в современной культуре: новые перспективы.
- Философия и интеграция социально-гуманитарного знания.
- Феномен псевдонауки в современной культуре.
- Новые информационные технологии и судьбы рациональности.
- Марксизм и утопизм (в связи с книгой Т.И.Ойзермана).
- Терроризм в междисциплинарной перспективе.
- Современные проблемы философии науки.
- Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке.

«Вопросы философии» занимают одно из первых мест по тиражу из всех 250 журналов, издаваемых академическим издательством «Наука». Я знаю, что не только российские, но и зарубежные авторы считают для себя честью публикацию в нашем журнале.

У журнала много творческих планов. Нет недостатка в интересных статьях. Если российская культура имеет будущее, она не может обойтись без оригинальной философии, ибо последняя — осознание глубинных оснований культуры. Без философской критической рефлексии современная культура не может динамически развиваться. Мы верим в будущее российской культуры, а значит, и в будущее российской философии. И в будущее нашего журнала.

**ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ:
ФИЛОСОФИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ИННОВАЦИИ**
Санкт-Петербург, 15 – 17 ноября 2007 г.

Н.В. МАЛЬЧУКОВА,

А.Ю. НЕСТЕРОВ

Вторая международная молодежная конференция «Искусственный интеллект: философия, методология, инновации» была проведена по инициативе Научного совета РАН по методологии искусственного интеллекта (НСМИИ РАН) на базе Санкт-Петербургского государственного университета в рамках Дней Петербургской философии. Конференция стала продолжением Первой всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Искусственный интеллект: философия, методология, инновации» (6 – 8 апреля 2006 г., г. Москва, МИРЭА).

Вторая конференция носила распределенный формат: заседания проводились в Санкт-Петербургском Доме ученых им. М. Горького РАН, на факультете философии и политологии СПбГУ, а также в Санкт-Петербургском государственном университете аэрокосмического приборостроения и Санкт-Петербургском филиале истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН.

В конференции приняли участие около 140 человек, представлявшие Российскую Федерацию (Дальний Восток, Восточную Сибирь (Иркутск) и Западную (Омск, Томск и т.д.), Урал, Москву и Московскую область, Санкт-Петербург, Самару, Пермь, Вологду, Башкортостан, Мордовию, Краснодарский край, и т.д.), а также ближнее и дальнее зарубежье (Беларусь, Украина, Киргизия, Вьетнам, Ангола).

Обсуждение проблем искусственного интеллекта проводилось в рамках пленарного заседания и шести секций: «Сознание, мозг, искусственный интеллект», «Человек в информационном обществе», «Когнитивные, эпистемологические, логические и методологические аспекты дизайна систем искусственного интеллекта», «Интеллектуальные технологии в политике, управлении и социальных науках», «Концептуальные проблемы исследования виртуальной реальности», «Искусственный интеллект в задачах управления и проектирования: теория, методология, практика».

В работе конференции принимали участие философы, лингвисты, математики, логики, экономисты, психологи, социологи и др., т.е. шел междисциплинарный диалог, реализация которого является одной из центральных задач Научного совета РАН по методологии искусственного интеллекта, созданного в марте 2005 г. (председатель Совета – академик В.Л. Макаров, сопредседатели – проф. Д.И. Дуб-

ровский и академик. РАН В.А. Лекторский.). Именно такой диалог способен содействовать ускоренному развитию интеллектуальных информационных технологий в нашей стране, формированию прорывных направлений в этой области, осмыслению и решению проблем, которые ставит перед человеком и человечеством информационное общество.

Конференция дала возможность обменяться опытом не только начинающим специалистам в области искусственного интеллекта, но и пообщаться с ведущими специалистами в данной области: д. филос. н., проф. *Д.И. Дубровским* (Москва), д.б.н., проф. *Т.В. Черниговской* (Санкт-Петербург), д.т.н., проф. *О.П. Кузнецовым* (Москва), д.т.н., проф. *М.Б. Игнатьевым* (Санкт-Петербург), д. филос. н., проф. *М.В. Лебедевым* (Москва) и др., которые также являются членами Научного совета РАН по методологии искусственного интеллекта.

В пленарных докладах был определен и терминологически зафиксирован ряд ключевых подходов к постановке проблемы искусственного интеллекта.

«Проблема “Мозг и сознание” и перспективы развития искусственного интеллекта» — так назывался доклад проф. *Д.И. Дубровского*. Он подчеркнул качественное различие способов переработки информации в мозгу и компьютере, отметил проблематичность использования понятия интеллекта для лишенной субъективной реальности компьютерной абстракции субъекта, определив проблему понимания как вопрос расшифровки кодов. Проф. *Т.В. Черниговская* в докладе *«Когнитивная наука и искусственный интеллект»* проанализировала понятие интеллекта с позиции когнитивных наук, предложив рассматривать понимание как возможность успешного прогноза. Проф. *О.П. Кузнецов* (*«Почему мозг не компьютер?»*) рассмотрел понятие интеллекта через механизм алгоритмизации, показав ключевые барьеры, трудно преодолимые с позиции символично-логической обработки знаний, и предложил решать проблему понимания в виде вопроса о работе с системой образов в контексте абстракции сознания как голограммы. Проф. *Т.А. Гаврилова* (*«Инженерия знаний и основные проблемы разработки интеллектуальных систем»*) изложила представление об искусственном интеллекте, сформированное при разработке прикладных информационных продуктов, упрекнув современную философию в отсутствии внятных результатов в данной области. О способах применимости математического моделирования к ряду областей практической жизни и научной деятельности человека говорил проф. *М.Б. Игнатьев* в докладе *«Кибернетическая картина мира»*.

На секционных заседаниях обсуждалось понятие интеллекта и возможности его моделирования в контекстах информатики, семиотики, логики и биологии. Отметим в этом плане такие доклады, как

«Принципы аутопоэза в проектировании систем искусственного интеллекта» (Р.Ю. Агафонов, Московская обл.); «Моделирование познавательных способностей человека в науках об искусственном» (Н.А. Загоскина, Вологда); «Осознанное изменение убеждения при наличии противоречивых данных в интеррогативных моделях» (В.Г. Денисов, Санкт-Петербург), и др., обсуждались способы работы с понятиями кода, понимания и информации — «Проблема понимания в контексте ИИ» (А.Ю. Нестеров, Самара); «Понятие кода в моделировании языковой функции» (Н.В. Мальчукова, Иркутск) и др..

Отметим поставленный проф. О.П. Кузнецовым на секции «**Сознание, мозг, искусственный интеллект**» вопрос о метаязыке рассуждения об искусственном интеллекте: является ли он языком информатики или семиотики? Построение онтологии искусственного интеллекта, выработка общего языка является чрезвычайно важной задачей, без решения которой эффективный диалог между представителями естественнонаучной и гуманитарной мысли, так необходимый в данном случае, вряд ли будет осуществим.

Ряд докладов был посвящен прагматике взаимодействия человека и современной кибернетической среды, вопросам трансформации сознания человека в эпоху информационной революции, когда возникновение такого явления, как Интернет-аддикция (А.Н. Кочубей, Стерлитамак), ставит под сомнение саму возможность самоидентификации личности, погруженной в компьютерную виртуальную реальность и др.)

В рамках конференции было проведено заседание молодежной секции НСММИ РАН (утвержденной 26 апреля 2006 г. по рекомендации Первой всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых). На заседании присутствовали представители шести региональных отделений Совета (Пермского, Санкт-Петербургского, Самарского, Вологодского, Иркутского, Башкирского).

Работа конференции завершилась награждением дипломами и грамотами выступавших, чьи доклады в результате оценки экспертов были признаны лучшими.

Было принято решение о проведении Третьей международной молодежной конференции «Искусственный интеллект: философия, методология, инновации» на базе Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова в конце 2008 г. или начале 2009 г.

Неизвестное прошлое

VII ВСЕМИРНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ КОНГРЕСС (Оксфорд, 1930 г.) В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

С.Н. КОРСАКОВ

Всемирные философские конгрессы, созываемые с 1900 г., давно стали значимым фактором отечественной философской жизни¹. В особенности знаменательным был XIX Конгресс, прошедший в 1993 г. впервые в России, в Москве, по инициативе академика И.Т. Фролова. Тогда заседания этого форума смогли посетить не только зарегистрированные участники, но и философская молодежь, студенты, и это оставило воспоминания на всю жизнь. Каждый «конгрессный» год проходит у нас под знаком подготовки к всемирной встрече философов, научные обсуждения так или иначе сориентированы на тему предстоящего Конгресса. Большинство наших заметных философов принимали участие в одном или нескольких Всемирных философских конгрессах. Но что мы знаем об истории участия представителей нашей страны во Всемирных философских конгрессах прошлых десятилетий? Информация об этом уходит как вода в песок, оставляя в памяти отечественного философского сообщества только «зону ближайшего осмотра» – на пять-десять лет назад.

«Мы ленивы и нелюбопытны», говорил Пушкин о нашем отношении к исторической памяти, к сохранению сведений о жизни тех, кто составил славу нашей страны. К сожалению, наряду с этой чертой, у нашей культуры есть еще одна, но уже «активная» несчастливая особенность: вычеркивать память о недавнем прошлом, чтобы начать историю «с себя», с чистого листа, отбросив опыт предшественников, с их надеждами, исканиями, сомнениями и обретениями.

Проблема эта актуальна и для отечественной философии. В начале 1920-х гг. она пережила насильственное отсечение целых направлений мысли вследствие репрессивных акций, подобных «философскому пароходу». Причем многие из оставшихся в России философов приветствовали эти акции². История повторилась в начале 1990-х гг. В академических изданиях, выполненных в Институте философии в это время можно было прочитать о том, что диалектический материализм испустил «последний вздох», что его кончина была бесславной и незаметной, что от него отвернулись с пренебрежением, без особых споров и упреков, что это «передовое учение» рассыпалось как изветшавший и безжизненный дом³. Авторам не приходило в голову, что идеи, философские учения не погибают только от того, что к ним изменила свое отношение власть.

Результатом повторяющихся с пугающей регулярностью в истории нашей философии «зряшных отрицаний» становится срезание культурного слоя, для наращивания которого опять нужны десятилетия. В истории философии и науки образуются лакуны, «провалы в памяти», и эти пустоты затем воспроизводятся даже *в справочной литературе*.

Сказанное имеет прямое отношение к освещению участия представителей нашей страны во Всемирных философских конгрессах. Из статьи о Конгрессах в третьем издании Большой советской энциклопедии⁴ можно узнать о том, что в первых Конгрессах участвовали такие русские философы, как А.В. Васильев, Н.А. Васильев, В.Н. Ивановский, Б.Н. Чичерин и др. Кстати, здесь допущена неточность. Утверждается, что вице-президентом I Всемирного философского конгресса являлся Н.А. Васильев, который в 1900 г. был двадцатилетним студентом. Очевидно, что речь должна идти о его отце — А.В. Васильеве, который активно занимался подготовкой I Всемирного философского конгресса и выступал на нем с докладом. После революции А.В. Васильев был лишен возможности выезда за границу, но направил текст своего доклада на VI Конгресс в американский Кембридж и был заочно избран председателем Конгресса⁵. Его сын, Н.А. Васильев, не только участвовал в Конгрессах вместе с отцом. В 1908 г. он опубликовал брошюру о III Конгрессе в Гейдельберге, благодаря которой с обзором дискуссий на Конгрессе смог познакомиться русский читатель, а его последней публикацией стал доклад о воображаемой (неаристотелевской) логике для V Конгресса в Неаполе, в работе которого он уже не имел возможности участвовать лично⁶.

В упомянутой статье в Большой советской энциклопедии бегло перечисляются последующие Конгрессы — с IV по XI, так что создается впечатление, что русские философы не принимали участия ни в одном из них. И далее, в качестве «крупнейшей вехи в истории международных философских конгрессов» обозначен XII Конгресс в Венеции 1958 г. Сделано это на том основании, что здесь «впервые присутствовала делегация СССР». Действительно, после смерти Сталина «железный занавес» был приподнят, и было принято решение ЦК о целесообразности участия советских ученых в подобных международных форумах. Тогда, после длительного перерыва, это было определенным событием, заслонившим собой тот факт, что в Венеции советская делегация присутствовала не в первый, а во *второй* раз в истории Всемирных философских конгрессов. О том же, что в Конгрессах участвовали русские философы-эмигранты Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский, Б.В. Яковенко и др. вообще не было указано. Столь же неопределенное представление об истории участия отечественных философов в Конгрессах дает статья «Всемирные философские конгрессы» в словаре «Современная западная философия»⁷.

Из истории полностью выпал, таким образом, факт участия советской делегации в VII Всемирном философском конгрессе в Ок-

сфорде в 1930 г. Сообщение об этом участии производит теперь впечатление историко-философского открытия, а к архивным документам, отражающим перипетии подготовки поездки советских делегатов на Конгресс, никто никогда не обращался за истекшие 78 лет⁸. Все это отнюдь не случайно имеет свои отдаленные и более близкие причины.

Международная деятельность первого состава Института философии

Вторая половина 1920-х гг. была временем расцвета марксистской философской мысли в СССР. Это стало результатом теоретической и научно-организационной работы основателя философской секции Коммунистической академии (1926), а затем и Института философии (1929) академика А.М. Деборина и его учеников и сотрудников Я.Э. Стэна, Н.А. Карева, И.К. Луппола, Б.М. Гессена, Г.К. Баммеля и др. Эти молодые таланты были возвращены А.М. Дебориным в философском отделении Института красной профессуры, которое он возглавлял с 1921 г. При наборе в десяток человек он сумел собрать со всей страны способных людей, оказавшихся в состоянии вскоре же начать самостоятельную и продуктивную работу в различных областях философского знания⁹. Все формы, в которых осуществляется ныне философская работа: Институт философии, «Философская энциклопедия», Философское общество – были впервые опробованы именно тогда по инициативе А.М. Деборина и его соратников. Разработка ими материалистической диалектики как метода велась с глубоким пониманием как специфики философского знания, так и самостоятельности частных наук. Причем исследование диалектики проводилось ими через разработку проблем диалектики в «Капитале» Маркса.

А.М. Деборин активно занимался налаживанием международных контактов в области философии и науки. В 1927 г. Юбилейным комитетом по чествованию 250-летия со дня смерти Спинозы (Гаага) ему, единственному из русских философов, было предложено написать статью для пятого, юбилейного тома «Chronicon Spinozianum». Его сочинения переводились в Германии, Австрии, Японии, США, Греции. Когда 19 февраля 1927 г. на заседании Президиума Коммунистической академии принималось решение об организации философской секции, из которой потом вырос Институт философии, А.М. Деборин настойчиво требовал выписывать для секции литературу, прежде всего сочинения классиков и периодику, вообще текущую философскую литературу на всех языках и зарубежные книжные новинки. Но на это нужны были бы значительные средства. Поэтому было решено выписывать не все зарубежные философские журналы, а только известные в научном мире, номенклатуру их ограничить английскими, французскими, американскими и немецкими журналами, предварительно выяснить, сколько в среднем выходит книг по филосо-

фии, и не заказывать дорогие первые издания¹⁰. Ведущие сотрудники философской секции, а затем – Института философии (Н.А. Карев, И.К. Луппол и др.) в период директорства А.М. Деборина выписывали для работы иностранную литературу¹¹.

Дело было поставлено так, что ученики и сотрудники А.М. Деборина по Институту философии регулярно выезжали в научные командировки и на стажировку за границу. Это было тем более полезно, что все они знали по несколько языков, а Г.С. Тымянский вообще был полиглотом, владевшим древнееврейским, латинским, итальянским, голландским, английским, немецким, французским, украинским, белорусским и польским языками.

Частыми были командировки специалистов по истории философии. Одной из главных задач, которая ставилась перед ними помимо изучения современной философской литературы, был перевод классических философских произведений с целью издания в основанных А.М. Дебориным сериях «Библиотека материализма» и «Библиотека атеизма».

Г.С. Тымянский сразу же по окончании философского отделения ИКП в ноябре 1924 г. был направлен в научную командировку в Германию, где занимался в Прусской государственной библиотеке, а затем выехал в Англию, где до декабря 1925 г. работал в библиотеке Британского музея¹². На основе этих исследований в переводе Г.С. Тымянского и с его вступительными статьями вышли «Рассуждение о методе» Декарта (1925), «Принципы философии Декарта» Спинозы (1926), «Краткий трактат» Спинозы (1929).

Точно также после окончания философского отделения ИКП в научную командировку за границу был направлен М.Л. Ширвиндт. С октября 1924 г. по октябрь 1925 г. он находился в Англии и Германии, где изучал философию Нового времени и немецкую классическую философию. М.Л. Ширвиндт был одним из немногих, кто смог в те годы дать взвешенную оценку психоанализу. Рукописи его книги о новейшей философии и докторской диссертации о Шеллинге (с главой о русском шеллингианстве) погибли при аресте в 1935 г.¹³

В сентябре – декабре 1927 г. в командировке в Берлине находился специалист по философской библиографии Я.С. Розанов, который занимался здесь изучением новейшей литературы о Гегеле¹⁴.

Н.А. Карев в 1928 г. в течение четырех месяцев находился в научной командировке в Германии¹⁵. И.К. Луппол в июле – сентябре 1927 г. находился в научной командировке в Германии (Берлин) и Франции (Париж, Пуатье), в июле 1928 г. – в Берлине, в июле 1930 г. – сентябре 1931 г. в Германии, а затем – в Париже, где работал с первоисточниками по современной западной философии, а также по французской философии XVIII в. (Дидро, Дешан, Робине)¹⁶. Результатом этих исследований стал целый ряд статей и монография «Дени Дидро», в 1936 г. переведенная на французский язык и изданная в

Париже. Она была вообще первой публикацией во Франции труда философа из СССР.

Д.Ю. Квитко находился в июле — августе 1929 г. в научной командировке в Берлине, где занимался в Прусской государственной библиотеке и других библиотеках, имеющих англо-американскую философскую литературу, которой не было в московских библиотеках¹⁷. Им была написана монография «Очерки современной англо-американской философии» — первая у нас специальная работа, в которой был дан подробный критический анализ таких философских течений, как абсолютный идеализм, прагматизм, неореализм и критический реализм.

За границей стажировались специалисты по философским проблемам биологии. И.И. Агол с сентября 1930 г. по октябрь 1931 г. стажировался в Техасском университете, а с октября 1931 г. по февраль 1932 г. находился в научной командировке в Берлине, где работал в Биологическом институте кайзера Вильгельма¹⁸. С.Г. Левит в 1925 г. был в течение четырех месяцев в научной командировке в Германии. В конце 1930 г. он получил Рокфеллеровскую стипендию и выехал на годовую стажировку в США, откуда вернулся в начале 1932 г.¹⁹

Важнейшим событием II Международного конгресса по истории науки и техники в Лондоне 1931 г. стал новаторский доклад специалиста по философским проблемам физики Б.М. Гессена «Социально-экономические корни механики Ньютона», в котором возникновение классической механики было представлено в социально-экономическом контексте эпохи, но без вульгаризаций, к которым приводит проведение прямых зависимостей духовных процессов от процессов производственных. Многие зарубежные исследователи отмечали длительное влияние идей Б.М. Гессена на последующее развитие науковедения²⁰. В литературе указывается, что доклад Б.М. Гессена придал импульс разработке вопросов такого нового для того времени направления исследований, как социология науки (в частности, работам Р. Мертона)²¹.

Деборинское философское руководство следило и за Всемирными философскими конгрессами. В 1927 г. в журнале «Под знаменем марксизма», редактировавшемся А.М. Дебориным, был помещен обзор дискуссий на прошедшем в 1926 г. в американском Кембридже VI Конгрессе²². Вполне естественно, что А.М. Деборин и его сотрудники по Институту философии не могли пройти мимо намеченного на сентябрь 1930 г. VII Всемирного философского конгресса в Оксфорде. Но к тому времени, когда нужно было принимать решения о составе советской делегации и проводить их через директивные инстанции, кардинально изменилась ситуация в советской философии.

Философия под ударом сталинизации

К концу 1929 г. Сталин окончательно разгромил оппозиционные течения в партии; началось утверждение его монополии, насаждение культа его личности во всех сферах духовной жизни. Понятно, что в числе первых жертв сталинизации оказалась философия, провозглашенная одной из составных частей марксистской идеологии. В помещении Сталина на философский пьедестал и был основным смысл разгрома деборинской школы и Института философии в том виде, в каком он был создан А.М. Дебориным. Трагедия деборинцев была предопределена непреклонным стремлением Сталина быть признанным в качестве гениального теоретика и мыслителя. Мог ли Сталин терпеть положение, при котором об А.М. Деборине в официальном документе АН СССР писали, что он «является в наши дни крупнейшим представителем философской школы диалектического материализма, не только в СССР, но и во всем мире» и «разрабатывает проблематику и содержание этой философии в строго последовательном, ортодоксальном духе»²³.

Группа молодых выпускников Института красной профессуры во главе с М.Б. Митиным не только поняла это раньше других, но и публично в печати провозгласила Сталина крупнейшим теоретиком. Митин сотоварищи²⁴ начали наступление против деборинского философского руководства, борьбу за контроль над Институтом философии и другими философскими структурами. В апреле и мае 1930 г. на собраниях в Институте философии и философском отделении Института красной профессуры борцы «за большевизацию на философском фронте» дали первый бой деборинцам, закончившийся временной победой последних. Тогда М.Б. Митин и его сторонники развернули наступление на деборинцев в печати, заручившись поддержкой в ЦК ВКП(б).

7 июня 1930 г. в «Правде» была опубликована знаменитая «статья трех» — М.Б. Митина, В.Н. Ральцевича и П.Ф. Юдина — в которой выдвигались политические обвинения в адрес деборинцев, делались упреки в «отставании» философии «от задач социалистического строительства». Все лето 1930 г. против деборинцев велось наступление со страниц газеты «Правда» и журнала «Большевик». К августу 1930 г. на основе решения ЦК ВКП(б) была закончена реорганизация философского отделения ИКП в самостоятельный Институт красной профессуры философии и естествознания, и группа М.Б. Митина поставила под свой контроль партийное бюро ИКПФие.

Сторонники Деборина постепенно выдавливались и из Института философии. Переписка руководства Института философии с директивными инстанциями в 1930 г. почти полностью состоит из отчаянных просьб об отмене очередного решения Агитпропа ЦК об отправке «на пропагандистскую работу в провинцию» того или другого сотрудника Института. Бесполезными были и настойчивые хо-

датайства об оставлении на работе в Институте наиболее талантливых выпускников философского отделения ИКП, «занимавшихся в семинаре А.М. Деборина». Их вместо Института философии ждала та же участь отправки в провинцию, где невозможно было заниматься теоретической работой по философии²⁵. Деборин и его сторонники чувствовали себя как бы в вакууме, при этом совершенно не понимая, в чем они провинились. Травля деборинцев в партийной печати усиливалась с каждым месяцем. От переживаний, вызванных незаслуженными и жестокими ударами, А.М. Деборин летом 1930 г. тяжело заболел и временно перестал появляться на Волхонке, 14²⁶. С 19 июня по 19 августа 1930 г. А.М. Деборин официально находился в отпуске²⁷. Обязанности директора Института философии стал временно исполнять Н.А. Карев.

Именно в эти летние месяцы 1930 г. и предстояло решать вопрос об объеме и характере советского участия в VII Всемирном философском конгрессе в Оксфорде. За пять лет, прошедших с образования философской секции Комакадемии, ученики А.М. Деборина выросли в оригинальных и глубоких мыслителей. Они непременно составили бы костяк советской делегации и смогли бы на равных полемизировать на Конгрессе с ведущими философами мира. Успешное участие в Конгрессе значительно бы подняло престиж марксистской философской мысли, представленной в СССР прежде всего деборинской школой. Митин и компания, как и их высокие покровители в ЦК ВКП(б), не могли допустить такого торжества для своих врагов. Вместе с тем, они не могли без ущерба для репутации страны отказаться от приглашения на Конгресс. Кроме того, в ЦК ВКП(б) понимали, что составить делегацию из таких «мыслителей», как Митин или Юдин — еще хуже, чем не послать никого, значит просто опозориться. Тем более, что эти борцы «за большевизацию на философском фронте» были не в состоянии прочитать свой доклад на каком-нибудь из официальных языков Конгресса по простой причине незнания иностранных языков. Этим комплексом противоречивых мотивов объясняется вся печальная одиссея вопроса о советском участии в Конгрессе.

Ключом к событиям может служить оценка, данная И.И. Яхотом: «Летом 1930 г. ЦК вообще действовал так, будто Деборина и его помощников не существовало»²⁸. Она абсолютно точно отражает ситуацию. Руководство Института философии усиленно пытается достучаться до ЦК, чтобы получить разрешение на участие в Конгрессе. ЦК, притворяясь непонимающим и «глухим», постоянно оттягивает решение вопроса до того момента, когда уже становится поздно посылать заявку на доклады: их просто невозможно включить в сформированную и отпечатанную Программу Конгресса. Но при этом ЦК не отклоняет самой желательности нашего участия в Конгрессе, и, вынеся, наконец, решение, ставит им руководство Института перед

фактом. Здесь применен прием, известный в практике управления: дать неугодному исполнителю заведомо невыполнимое поручение или же создать невозможные условия для его выполнения, а затем обвинить его в нежелании добросовестно работать, а если взбунтуется — в неподчинении, с соответствующими оргвыводами.

Борьба деборинского философского руководства за участие в Оксфордском конгрессе

Вопрос об участии советской делегации в Оксфордском конгрессе был поднят руководством Института философии в Культурно-пропагандистском отделе ЦК ВКП(б) 17 апреля 1930 г. Философы доказывали работникам ЦК, что это — спешный вопрос, так как в случае решения участвовать в работе Конгресса, необходимо иметь два-три месяца для подготовки к нему. В Культпропе лишь сказали о том, что желательно принять меры для получения приглашения на Конгресс.

25 мая 1930 г. была составлена и 30 мая ушла в Комитет по научным и учебным заведениям при ЦИК СССР на имя А.В. Луначарского бумага за подписями заместителя председателя Президиума Комакадемии В.П. Милютина и ученого секретаря Комакадемии К.В. Островитянова, в которой сообщалось, что Президиум Комакадемии признал целесообразным участие в Оксфордском конгрессе представителей Комакадемии. Поскольку приглашение участвовать в Конгрессе было Оргкомитетом Конгресса направлено только в АН СССР, Президиум Комакадемии просил Комитет предпринять необходимые шаги для получения такого же приглашения и для Комакадемии²⁹. Просьба эта была разумной и необходимой. В АН СССР не имелось никаких философских учреждений, и, соответственно, приглашение для участия в Конгрессе теряло свой смысл. В Комакадемии же уже больше года существовал Институт философии, организованный А.М. Дебориным.

Необходимые шаги были предприняты через Всесоюзное общество культурных связей с заграницей, и приглашение для Комакадемии от Оргкомитета Конгресса было получено. Был подготовлен проект состава делегации и тем докладов. Но требовалось решение ЦК ВКП(б) на отправку советской делегации в Оксфорд. Между тем, такого решения все не было. ЦК в это самое время был занят тем, что выпестовывал группу Митина, как замену действующему составу Института философии. 14 июня 1930 г. дирекция Института философии обратилась в Культпроп ЦК с просьбой сообщить окончательное решение об участии делегации СССР в Оксфордском конгрессе, напоминая, что «в случае дальнейшей затяжки, даже при положительном решении этого вопроса, невозможно будет организовать подготовку к Конгрессу»³⁰. Об этом в ЦК прекрасно знали и именно потому и затягивали с решением об участии в Конгрессе.

9 июля 1930 г. Н.А. Карев направил заведующему Культпропом ЦК А.И. Стецкому новое обращение, в котором писал, что состав делегации и темы докладов до сих пор не рассмотрены в ЦК, в то время как сами доклады в письменном виде должны быть представлены в Оргкомитет Конгресса к 1 августа. «Времени остается **три недели**, — настаивал Н.А. Карев, — Институт философии просит Культпроп **срочно** решить этот вопрос. Дальнейшее замедление решения вопроса хотя бы на несколько дней вызовет неизбежный автоматический отказ от участия в Конгрессе». Н.А. Карев пытается соблазнить ЦК ускорить решение, выдвигая такие резоны, как то, что приглашение на Конгресс — первое, полученное Комакадемией приглашение с заграничного научного съезда, что это было бы первое публичное выступление советских философов за рубежом, что отказ от приглашения, инициированного советской же стороной, может иметь политическое значение, наконец тем, что в Конгрессе будут участвовать представители эмигрантской философии (Н.О. Лосский и др.), которые останутся единственными представителями России и не получают «отпора» со стороны советской делегации. Н.А. Карев сообщил также в ЦК, что А.М. Деборин болен и по решению консилиума врачей ехать в Оксфорд не может³¹.

Видя невозможность пробить партийную «броню», Н.А. Карев решил заручиться постановлением бюро Президиума Комакадемии, чтоб хотя бы этим воздействовать на ЦК. 11 июля 1930 г. по докладу Н.А. Карева бюро Президиума Комакадемии приняло резолюцию, в которой участие делегации Комакадемии в Оксфордском конгрессе признавалось необходимым, и было зафиксировано, что этот вопрос должен быть согласован «в директивных инстанциях» в срочном порядке, не позднее 15 — 16 июля. Одновременно был утвержден состав делегации (А.М. Деборин, И.К. Луппол, Н.А. Карев, Г.С. Тымянский, А.В. Луначарский, Б.М. Гессен, М.Л. Левин, В.А. Юринец, С.Я. Вольфсон), и темы докладов, сформулированные в соответствии с темами, предложенными Оргкомитетом Конгресса для секционных заседаний. Планировались следующие доклады: Б.М. Гессен — «Кризис современной физики в свете диалектического материализма», С.Я. Вольфсон — «Исторический материализм как методология истории», М.Л. Левин — «Механицизм, витализм и диалектический материализм в современной биологии», Г.С. Тымянский — «Метафизика и религия в свете диалектического материализма», А.М. Деборин — «Кризис современного мировоззрения и диалектический материализм», Н.А. Карев — «Материалистическая диалектика и современная логика», И.К. Луппол — «Марксизм-ленинизм как методология политического действия», А.В. Луначарский — «Новейшие веяния в теории искусств и марксизм», В.А. Юринец — «История философии в свете диалектического материализма»³².

Список был передан в Культпроп ЦК, но вместо того чтобы на-

конец решить вопрос об отправке делегации, заместитель заведующего Культпропом Б.М. Таль предложил Н.А. Кареву... наметить еще несколько кандидатов для поездки в Оксфорд. В записке на имя Б.М. Талья от 25 июля 1930 г. Н.А. Карев предложил кандидатуры Я.Э. Стэна, В.В. Рудаши, А.К. Столярова и А.Т. Лукачевского. Из представителей оппонировавшего деборинцам «механистического» направления он назвал С.Ю. Семковского, добавив, что его вряд ли следует посылать «как беспартийного»³³. Выбившись из сил в неравной борьбе и видя полную бесперспективность решить вопрос об участии в Конгрессе так, как это было бы необходимо для дела, Н.А. Карев завершил записку словами: «Я, лично, очень рад был бы не ехать на Конгресс, так как я до сих пор не имел отпуска, крайне переутомлен и вряд ли успею подготовиться»³⁴.

29 июля 1930 г. Н.А. Карев направил «прощальную» записку в Президиум Комакадемии: «Перед отъездом в отпуск (с 1 августа), считаю необходимым обратить внимание Президиума Комакадемии на то, что вопрос об участии в Философском конгрессе в Оксфорде до сих пор не решен. Между тем, согласно решению Президиума, он должен быть решен не позже 15 июля, дабы была возможна необходимая к нему подготовка. Очевидно, что участие в Конгрессе теперь уже исключено. Остается только месяц до его начала. **Необходимо, однако, дать какой-либо ответ Организационному комитету, согласованный с директивными инстанциями.** Сделать это необходимо очень срочно. Институт философии просит срочно рассмотреть этот вопрос. С 1 августа всеми вопросами, касающимися Конгресса, в Институте философии будет заниматься т. Гессен Б.М.»³⁵

Одновременно с затягиванием решения вопроса об участии в Оксфордском конгрессе блокировались и другие возможности для международных научных контактов сотрудников Института философии — представителей деборинской школы. 8 августа 1930 г. Комитет по научным и учебным заведениям при ЦИК СССР вынес отрицательное решение по поводу предложения Президиума Комакадемии направить И.И. Агола, М.Л. Левина и С.Г. Левита на Международный конгресс биологов в Монтевидео. 24 августа 1930 г. такой же ответ последовал на просьбу Президиума Комакадемии поддержать ходатайство Б.М. Гессена командировать его для участия в работе VI Германского съезда физиков в Кенигсберг³⁶.

31 августа 1930 г. состоялось решение Секретариата ЦК ВКП(б) о направлении в Оксфорд делегации в составе всего двух человек: А.М. Деборина и И.К. Луппола. Это решение было, по сути, издевательством над деборинским философским руководством. Формально просьба о поездке была удовлетворена, а фактически были утверждены всего лишь две кандидатуры, и только кандидатуры тех, кому ехать было затруднительно. А.М. Деборин по болезни ехать не мог, да и не хотел, считая себя оскорбленным пренебрежительным отноше-

нием со стороны ЦК, а И.К. Луппол находился в научной командировке во Франции, и с ним еще никто не связывался по этому вопросу.

4 августа 1930 г. Б.М. Гессен доложил о решении Секретариата ЦК на заседании бюро Президиума Комакадемии. Он отметил как безусловную обязательность этого решения, так и его фактическую невыполнимость. А.М. Деборин сообщил телеграфным способом свой отказ от поездки в Оксфорд. Даже если начать переговоры с А.М. Дебориным и И.К. Лупполом, они не успеют подготовить доклады. В связи с плохим состоянием здоровья А.М. Деборина возникает вопрос о целесообразности участия в Конгрессе от СССР одного И.К. Луппола. Но ответ на приглашение Оргкомитету Конгресса нужно дать немедленно.

Председатель Президиума Комакадемии М.Н. Покровский согласился, что момент для обеспечения публикации тезисов наших философов в общем сборнике уже упущен. Не зная наверняка планов ЦК ВКП(б) в отношении будущего Института философии и истинных причин волокиты с вопросом о поездке в Оксфорд, М.Н. Покровский и члены Президиума Комакадемии пребывали в полном недоумении и растерянности. «Я думаю, нужно спросить ЦК, как, в сущности, мыслится эта делегация», — проговорил М.Н. Покровский. «Комакадемия не была уведомена об этом», — ответил Б.М. Гессен. Что касается И.К. Луппола, то М.Н. Покровский предложил послать ему телеграмму с решением о его участии в Конгрессе, и, поскольку его доклад уже не может быть включен в Программу Конгресса и нет времени на подготовку, разрешить ему использовать для выступления любую из его уже опубликованных работ. Член Президиума Комакадемии Е.Б. Пашуканис несколько наивно предложил послать к А.М. Деборину с нарочным просьбу принять участие в Конгрессе. Вскоре переключились на обсуждение вопроса о том, кем можно было бы заменить А.М. Деборина, и сошлись на кандидатуре В.А. Юринца. Однако подобное самоуправство означало бы, что Комакадемия за ЦК берется решать, кого посылать в Оксфорд. Поэтому чей-то ироничный голос напомнил М.Н. Покровскому: «Было бы лучше, если бы Вы с Секретариатом ЦК поговорили по этому вопросу». «Я постараюсь это сделать», — ответил М.Н. Покровский³⁷. Но, очевидно, не желая подставлять себя под удар, М.Н. Покровский не взялся за это. И в итоге решением бюро Президиума Комакадемии проведение этого вопроса в ЦК было поручено помощнику заведующего Агитационно-пропагандистским отделом ЦК ВКП(б) Э.Я. Кольману. А чтобы сотрудник ЦК Э.Я. Кольман имел для этого полномочия от Комакадемии, тем же решением бюро Президиума Комакадемии просило «директивные органы о командировании т. Кольмана на постоянную работу в Комакадемию в качестве заместителя председателя Ассоциации естествознания»³⁸.

Назначение Э.Я. Кольмана было знаковым, предвещавшим скорый конец деборинского философского руководства. Один из глав-

ных борцов «за большевизацию на философском фронте», Э.Я. Кольман не был намерен усиливать делегацию в Оксфорд за счет В.А. Юринца или кого-либо другого из дебординцев. Поэтому решением Секретариата ЦК делегация СССР на Конгресс в Оксфорде была утверждена в составе И.К. Луппола и А.В. Луначарского. Это означало, что в работе большинства секций Конгресса советские представители участия не примут, как то предусматривалось первоначальным списком докладов, выработанным в Институте философии. Кроме того, доклады И.К. Луппола и А.В. Луначарского уже не могли быть включены в Программу Конгресса, и они, вместо того, чтобы формулировать тему доклада самостоятельно, вынуждены были ориентироваться на секционную тему, заявленную Оргкомитетом для прений. Так, И.К. Луппол, вместо подготовки доклада по уже намеченной для него в июльском плане Института темы, был вынужден выбрать для себя одну из секционных тем, ту, к выступлению по которой ему быстрее можно было подготовиться. В результате, он избрал для себя секцию, для которой, первоначально, планировался доклад С.Я. Вольфсона. А.В. Луначарский также выступал в Оксфорде в прениях по заявленной секционной теме.

Решение Секретариата ЦК нужно было срочно выполнять. Но подготовить доклад, который достойно представлял бы советскую философию в свободной дискуссии с философами всего мира в Москве было невозможно из-за отсутствия новейшей зарубежной философской литературы. Было решено, что И.К. Луппол и А.В. Луначарский будут готовить доклады в библиотеках Германии. И.К. Луппол выехал из Парижа в Мюнхен и уже к 12 августа его доклад был написан.

А.В. Луначарский выехал в Берлин, где очень интенсивно работал над своим докладом с тем, чтобы он соответствовал уровню современной эстетической мысли. Первостепенное внимание он уделил работам по истории искусств и эстетике, вышедшим в берлинских издательствах в том же 1930 г. (монографии Э. Эрматингера, В. Пассарге, В. Пиндера и др.), чтобы представить в докладе срез современных представлений в области философии искусства. Берлинская публичная библиотека любезно предоставила А.В. Луначарскому возможность брать книги на дом. А.В. Луначарский писал доклад в живописном и уютном пригороде Берлина Ванзее, где он остановился вместе со своей женой, актрисой Н.А. Розенель в расположенном на берегу озера санатории «Таннэк». Здесь А.В. Луначарский встретился со своим старым знакомым, известным немецким актером А. Моисси, побывавшем в СССР в 1924 и 1925 гг. По приглашению А. Моисси А.В. Луначарский посетил спектакль «Идиот» в Берлинском театре, где А. Моисси был занят в главной роли. В большом кинотеатре на Курфюрстендам А.В. Луначарский посмотрел фильм «Дрейфус» с участием Ф. Кортнера. Пребывание А.В. Луначарского вызывало большой интерес в Берлине. В берлинском «Романишес

кафе» к нему подходили с приветствиями завсегдатаи, среди которых были экс-чемпион мира по шахматам Э. Ласкер, ежевечернее игравший здесь в покер, художник Л. Михельсон и др.³⁹

На философском Конгрессе в Оксфорде

Конгресс в Оксфорде открылся вечером 1 сентября 1930 г. На первом заседании заслушивались приветственные речи хозяев Конгресса и ответные выступления руководителей иностранных делегаций. Вечером 4 сентября 1930 г. было проведено деловое заседание по выборам нового состава Комитета Международных философских конгрессов.

Каждый из дней заседаний — 2, 3, 4 и 5 сентября, был посвящен последовательно одному из разделов Конгресса. Конгресс имел четыре раздела. Раздел А — «Метафизика», раздел В — «Логика и гносеология», раздел С — «Этика, политика и эстетика», раздел D — «История философии». В свою очередь каждый из разделов подразделялся на четыре секции. В день, посвященный соответствующему разделу, в первой половине дня участники заседали по секциям, во второй половине дня проводилось общее заседание по разделу. Оргкомитетом были сформулированы темы для общего заседания каждого раздела и для трех из четырех секционных заседаний. Четвертая секция отводилась для свободной дискуссии в виде открытого заседания. По мнению И.К. Луппола такая организация работы Конгресса обеспечивала большую сосредоточенность мысли, но, вместе с тем, участники Конгресса оказывались связанными и ограниченными в выборе тем.

Вот темы разделов и секций Оксфордского конгресса:

Раздел А, общее заседание: «Имеют ли значение для метафизики новейшие достижения физики».

Секция 1: «Согласуется ли философия истории с фактами истории?».

Секция 2: «Должны ли биологические процессы быть либо телеологическими, либо механическими?».

Секция 3: «Взаимоотношения между метафизикой и религией».

Секция 4: открытое заседание.

Раздел В, общее заседание: а) «Значение новейших работ по логике», б) «Феноменология».

Секция 1: «Природа восприятия объекта».

Секция 2: «Природа и источники тех факторов нашего мышления, которые не относятся к способности восприятия».

Секция 3: «Отношение научного мышления к идеалу познания».

Секция 4: открытое заседание.

Раздел С, общее заседание: «Значение этической и политической философии как руководства в практической жизни».

Секция 1: «Имеет ли окончательное значение различие между моральной правотой и неправотой?».

Секция 2: Всегда ли одинаково основание политического обязательства?».

Секция 3: «Новейшие влияния в теории изящных искусств».

Секция 4: открытое заседание.

Раздел D был организован несколько иначе. В нем не было 4-й секции, а только три тематические секции. Тема общего заседания: «В каких отношениях имеет место прогресс в философии?».

Секция 1 раздела D была поделена на три подсекции. Тема подсекции а), посвященной античной философии: «Что является живым, и что является мертвым в философии классической древности?». Тема подсекции б), посвященной средневековой философии: «Философские проблемы, являвшиеся предметом споров в XIII и XIV столетиях». Тема подсекции с), посвященной восточной философии: «Какие вклады в философию сделаны восточными философами (включая евреев и западных арабов)?».

Секция 2 была посвящена философии XVII и XVIII столетий. Ее тема: «Можно ли считать, что введением своего трансцендентального метода Кант сделал ненужным изучение своих предшественников?».

Секция 3 была посвящена философии XIX и XX столетий. Ее тема специально не была сформулирована, и секция выполняла в разделе D роль секции, предназначенной для открытого заседания.

Среди мыслителей первой величины, принимавших участие в организации Конгресса можно назвать председателя *секции 2 раздела A* Дж.С. Холдейна, председателя *секции 3 раздела A* Б. Кроче, председателя *секции 2 раздела B* Дж.Э. Мура.

В Программе Конгресса для каждой секции и для общего заседания раздела было заявлено по четыре приглашенных докладчика. Среди них были Н. Гартман (*раздел A, секция 1*), М. Шлик (*раздел A, секция 4*), Г. Дриш (*раздел B, общее заседание, подраздел б*), Э. Кассирер (*раздел D, секция 4*) и др. После четырех заявленных докладов начались выступления в прениях.

В Конгрессе принимали участие русские философы-эмигранты. Доклад Н.О. Лосского был включен в программу Конгресса в *секции 4 раздела B*. Постоянным членом Комитета Международных философских конгрессов был избран в Оксфорде Б.В. Яковенко. Обзор хода дискуссий на Конгрессе Б.В. Яковенко опубликовал в основном им международном журнале по вопросам русской философии и культуры «Der russische Gedanke»⁴⁰.

Время для докладов на общих заседаниях было отведено по 20 минут, на секционных — по 15 минут. После зачитания докладов велась свободная дискуссия; время на выступление в прениях — 10 минут. Тексты докладов должны были быть представлены в Оргкомитет до 1 августа — для общих заседаний объемом 3000 слов, для секционных — 2000 слов.

Официальными языками Конгресса были английский, французский, немецкий и итальянский.

Участников Конгресса было свыше 500 человек. Организационный взнос для участников Конгресса был определен в размере 1 фунта стерлингов, для сопровождающих их членов семей в 10 шиллингов. Участникам предоставлялось право льготного проезда из любой точки Англии до Оксфорда. В Оксфорде помещения для делегатов были выделены в колледжах Кристи, Хертфорд, св. Хильды, Магдалэн, Мертон, Ориэль и Нью. Цена проживания — 12 шиллингов 6 пенсов в день. Заседания Конгресса проходили в экзаменационных школах⁴¹.

И.К. Луппол выступал в *секции 1 раздела А* по заявленной для дискуссии теме «*Согласуется ли философия истории с фактами истории?*». Большинство секционных тем показались ему неудачно сформулированными: либо положительный или отрицательный ответ напрашивался сам собой, либо же постановка вопроса была настолько абстрактна, что определенного ответа вообще не могло быть дано, и следовало бы начать с критики самой постановки. Явно нелепым был вопрос о возможной бессмысленности изучения предшественников Канта. Вместе с тем, мнение И.К. Луппола о том, что многие из тем были далеки от актуальных проблем современной мысли, не было справедливым. В особенности это относится к таким темам, как «Имеют ли значение для метафизики новейшие достижения физики», «Должны ли биологические процессы быть либо телеологическими, либо механическими?».

В своей секции выступления двух приглашенных докладчиков — М. Коэна и Р.Ф. Хоэрнлэ — показались И.К. Лупполу неинтересными, не заключавшими в себе оригинальной постановки проблемы. Сильное впечатление на него произвел доклад Н. Гартмана, поставившего вопрос об основных категориях философии истории. По словам И.К. Луппола, «доклад Гартмана блистал диалектикой объективного духа, гегельянской идеалистической диалектикой!!»⁴². Несогласие И.К. Луппола вызвал доклад Ж. Шевалье, который из того обстоятельства, что в истории действует статистическая причинность, делал неправомерный вывод об отсутствии законов истории.

Свой доклад И.К. Луппол прочитал на немецком языке. В докладе он критически оценил как классическую философию истории XVIII — XIX вв., так и современную теоретическую социологию. Основным недостаток классической философии истории он усмотрел в том, что творцы философско-исторических схем основывали их на субъективных абстракциях, когда одна область действительности принималась за всю действительность, единичное и особенное — за всеобщее, часть — за целое. Мысль И.К. Луппола справедлива: достаточно вспомнить «разум» Кондорсе, «гуманность» Гердера, «науку, искусство и промышленность» Сен-Симона, «дух» Гегеля. В результате безудержный полет метафизической фантазии со-

четался в философии истории с узким эмпиризмом, заблуждающимся среди отдельных фактов, философско-историческая концепция представляла как всеобъясняющая схема, а наличная стадия общества рассматривается как предел, его же не перейдешь. В философии истории не была решена проблема идеала собственно исторического объяснения, вследствие чего в качестве эталона заимствовались методы и категории других наук, доминирующих в соответствующий период в научной картине мира (механики — у Гоббса, физики — у Конта, биологии — у Спенсера). Ныне, отмечает И.К. Луппол, на нормотворческую роль в истории претендуют коллективная рефлексология и психоанализ. Не будучи адекватными исторической форме движения действительности, эти модели остаются внешними для истории. Современная теоретическая социология, взяв в качестве объекта «общество вообще», не в силах дать его в его конкретности, категории ее — «пустые всеобщности». Социология изолирует скрещенные друг с другом моменты общественной действительности, и последняя под аналитическим скальпелем социолога трансформируется из живого тела в мертвый скелет. Созерцательный подход к своему объекту превращает социологию в метафизическую науку в гегелевском смысле этого слова. Предметы описываются статистически, в лучшем случае — стадияльно. Как марксист, И.К. Луппол обратил внимание на фактор социальной позиции исследователя, отметив не только связанные с ним трудности в обеспечении объективности познания, но и содержащиеся в нем эвристические возможности. Подход к истории общества с позиций прогрессивного класса обеспечивает такое условие объективности познания, как способность выйти за пределы изучаемого объекта, посмотреть на него со стороны и увидеть не только наличное состояние, но и тенденции его развития. К истории, утверждал И.К. Луппол, следует применять конкретные абстракции, категории диалектической логики, с тем, чтобы представить общество как сложную развивающуюся органичную целостность, а историю — как процесс самодвижения внутренне опосредованного предмета, имеющий определенные тенденции. Историческое действие, превращение теории в материальную силу И.К. Луппол рассматривает как момент самого процесса исторического познания, который завершает исследовательский процесс, определяя своими результатами его новую, следующую стадию.

А.В. Луначарский выступал в *секции 3 раздела С* с докладом «*Новые течения в теории искусства и марксизм*». Он использовал в докладе некоторые выводы современных западных авторов, но в основном для того, чтобы, ссылаясь на их собственные оценки, продемонстрировать разброд и взаимное непонимание концепций, школ, направлений, присущие немарксистской эстетике. А.В. Луначарский кратко обозрел этапы истории эстетической мысли: немецкую классику (Кант, Шеллинг, Гегель), позитивизм (Тэн), формалисти-

ческую школу (Вельфлин и др.), подчеркнув, что новый этап связан с возобладанием иррационализма, волюнтаризма, тяги к средневековью, призванных блокировать импульсы социального творчества. А.В. Луначарский рассказал о достижениях марксистской эстетики в лице Г.В. Плеханова и В.М. Фриче, продемонстрировавших возможность выявлять с помощью социологии искусства сложные опосредования, которыми сопровождается влияние социально-экономической сферы на сферу искусства. Основная мысль доклада состояла в том, что каждая из западных эстетических концепций педалирует какую-то одну из сторон изучаемого ими объекта — искусства, выстраивая на этой основе общую концепцию, оказывающуюся заведомо неадекватной. Споря между собой, эти учения дополняют друг друга, но увидеть это и соединить все аспекты сложного целого можно лишь с позиций главного, ориентирующего принципа, введя его в теорию, подобно магниту. Этим магнитом для А.В. Луначарского является марксистский принцип зависимости искусства от условий жизни общества.

Поражение деборинцев и свертывание международного философского сотрудничества

Итоги участия советской делегации в Оксфордском конгрессе в Москве мало кого интересовали. В Архиве РАН мне не удалось найти документов, в которых бы говорилось о каком-то обсуждении результатов поездки в Институте философии или на Президиуме Комакадемии, о выступлении с отчетом, или же — с докладом перед философской общественностью и пр. Президиум Комакадемии и Институт философии были заняты другим — подготовкой к состоявшемуся во второй половине октября 1930 г. заседанию Президиума Комакадемии, посвященному положению «на философском фронте» и разоблачению деборинского «формалистического уклона» в философии.

Не появилось и какой-либо специальной статьи или брошюры с обзором хода дискуссий на Конгрессе. 16 ноября 1930 г. бюро Президиума Комакадемии приняло решение напечатать в № 40 «Вестника Коммунистической академии» доклады, сделанные на Конгрессе И.К. Лупполом и А.В. Луначарским, «в сокращенном виде»⁴³. Но в двоянном № 40 — 41 был опубликован лишь доклад И.К. Луппола. Доклад А.В. Луначарского был помещен в № 2 — 3 «Вестника» за 1931 г., поскольку почти весь № 1 был заполнен стенограммой заседания Президиума Комакадемии, на котором деборинское философское руководство, включая и И.К. Луппола, подверглось полному разгрому⁴⁴. Положение И.К. Луппола не как философа, но как представителя советской философии в Оксфорде вообще было двусмысленным. За несколько дней до его выступления на Конгрессе, 26 августа 1930 г., «Правда» поместила большую рецензию В.Н. Раль-

цевича на книгу И.К. Луппола «Ленин и философия», в которой книга была названа «антиленинской», а сам выход ее расценен как «одно из наиболее ярких свидетельств неблагополучия на философской вышке в нашей стране»⁴⁵. Легко представить, какие противоречивые чувства владели Лупполом в Оксфорде: он должен был там защищать философскую систему, от приверженности которой его только что публично отлучили.

А.В. Луначарский, не скованный обстоятельствами философской борьбы, мог позволить себе свободно выступать перед широкой советской аудиторией на тему прошедшего Конгресса. О выступлении А.В. Луначарского с рассказом об Оксфордском конгрессе сохранились интересные воспоминания Т.А. Аксаковой-Сиверс: «В связи с приездом в Ленинград А.В. Луначарского, был объявлен его доклад о международном философском конгрессе в Оксфорде, с которого он незадолго до того возвратился. Мы заблаговременно явились в Юсуповский дом, где должен был состояться доклад, и уселись в первом ряду. Зал был переполнен, но время шло, а лектор не появлялся. Наконец, кто-то с эстрады объявил, что Анатолий Васильевич задержался по весьма срочному и важному делу в Академии, но все же обещает, хотя и с опозданием, прибыть. Никто не стал расходиться. Наконец, около 11 часов появился явно взволнованный Луначарский и сказал: “Прошу меня извинить. Я задержался на экстренном заседании совета Академии Наук. На нас пала тяжелая обязанность лишить звания академиков Платонова, Лихачева, Любавского и Тарле”. В потрясенном зале воцарилось молчание». Речь шла о так называемом «Академическом деле» по которому были арестованы сотни представителей «старой» дореволюционной интеллигенции. К октябрю 1930 г. почти все они уже сидели в московских и ленинградских тюрьмах, ожидая приговоров. 2 февраля 1931 г. состоялось позорное решение АН СССР о лишении нескольких выдающихся русских историков их академических званий.

«Овладев собой, — продолжает Т.А. Аксакова-Сиверс, — Луначарский перешел к докладу. Излагая свои впечатления о поездке в Оксфорд, он ни на минуту не присаживался и нервно ходил из конца в конец эстрады, изредка взглядывая на молчаливого человека с черными пронизывающими глазами, сидящего тут же за небольшим столиком в качестве секретаря. Не знаю, насколько это так, но я слышала, что по причине того, что Анатолий Васильевич в ходе своих речей был способен увлекаться и говорить лишнее, к нему был приставлен в качестве сдерживающего начала этот “секретарь” с черными глазами.

Из всего сказанного на этом докладе я поняла, что съезд в Оксфорде был очень интересным, и что на Западе появились новые философские течения, из которых одно (сущность его не была изложена) легко может вступить в борьбу с материализмом (тут взгляд на

“секретаря” и оговорка: “кроме диалектического, конечно!”»⁴⁶. Воспроизведенная мемуаристкой ситуация во всех своих аспектах настолько была характерна для переживаемого страной исторического момента, что не требует особых комментариев.

Поражение деборинцев и сталинизация советского марксизма привели к полному свертыванию международных философских контактов, к изоляционизму советской философии, затянувшемуся на четверть века. «Железный занавес» над философией опустился в СССР значительно раньше, чем над другими сферами науки и искусства.

Когда вопрос о возможном участии в очередном Международном философском конгрессе возник снова – спустя почти двадцать лет, реакция ЦК ВКП(б) была сразу однозначно отрицательной. В 1949 г. АН СССР получила приглашение участвовать в философском Конгрессе во Франции, созываемом Международным институтом философии. В частности, организаторы Конгресса хотели видеть среди его участников академиков А.Н. Колмогорова и С.Н. Бернштейна. Вопросом об участии в Конгрессе пришлось заняться Агитпропу ЦК ВКП(б). Как сообщал в записке на имя М.А. Суслова руководитель Агитпропа Д.Т. Шепилов, Конгресс «будет состоять, главным образом, из представителей буржуазной идеалистической философии. Участие советских ученых могло бы иметь смысл только в том случае, если бы они могли выступить с изложением принципиальных позиций марксистской философии». Ожидать этого от Колмогорова и Бернштейна не приходилось, а среди «наших философов», как верно заметил Шепилов, «нет лиц, достаточно подготовленных», чтобы профессионально выступить на Конгрессе⁴⁷.

Об участии советских философов в VII Всемирном философском конгрессе в Оксфорде впоследствии не принято было вспоминать потому, что само это участие оказалось из-за непреодолимых политических препятствий весьма ограниченным, но главное – потому, что оно было связано с именами Деборина и его учеников, обвиненных в «меньшевистствующем идеализме», а затем почти поголовно уничтоженных. С течением времени факт нашего участия в Оксфордском конгрессе забылся. Когда в середине 1950-х гг. советские философы вновь стали ездить на Всемирные философские конгрессы, это право монополизировали те, кто был повинен в гибели деборинцев и выслужил себе этим академические регалии. Они уж никак не хотели вспоминать о своих предшественниках. В последние десятилетия о деятельности деборинцев, включая их участие в Оксфордском конгрессе, не вспоминали по другим причинам. Когда в 1980 – 1990-е гг. началась волна общественной реабилитации философов – жертв сталинизма, она не коснулась Деборина и его учеников, потому что они были убежденными марксистами, и развивали это учение ярко и талантливо. Общепринятой стала пренебрежительная оценка этих философов, согласно которой их идеи

были весьма далеки от реальных философских проблем и актуальных вопросов методологии науки, и были только средством решения политических споров, а потому сегодня представляют лишь историографический интерес. Любая другая оценка оказывалась несовместимой с идеологической догмой о том, что в «подавлении философии в СССР» виновата марксистская философия. Заложницей такого подхода к отечественной философии стала правда истории.

Примечания

- ¹ Мы применяем ставшее привычным наименование «Всемирные» для всех Конгрессов, которые фактически всемирными стали с 1973 г., когда в них начали участвовать философы со всех частей света.
- ² См.: *Коган Л.А.* Выслать за границу безжалостно // Вопросы философии. 1993. № 11.
- ³ См.: Русская философия: Малый энциклопедический словарь. М., 1995. С. 165.
- ⁴ См.: Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1977. Т. 27. С. 421 – 422.
- ⁵ См.: *Бажанов В.А.* История логики в России и СССР. М., 2007. С. 177 – 178, 211.
- ⁶ См. там же. С. 233, 241, 243.
- ⁷ Современная западная философия. М., 1991. С. 64 – 65.
- ⁸ Мне пришлось первому расписываться в листах использования при получении на руки соответствующих архивных дел.
- ⁹ См.: *Коган Л.А.* На подступах к советской философии // Вопросы философии. 2002. № 5. С. 112 – 140.
- ¹⁰ См.: Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 91.
- ¹¹ См. там же. Ф. 350. Оп. 3. Д. 217, 233.
- ¹² См.: Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 100. Д. 137961.
- ¹³ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 589. Оп. 3. Д. 456.
- ¹⁴ См.: Архив РАН. Ф. 355. Оп. 1а. Д. 7.
- ¹⁵ См.: Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 589. Оп. 3. Д. 9217.
- ¹⁶ См. там же. Ф. 17. Оп. 100. Д. 152611.
- ¹⁷ См.: Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 384. Л. 1.
- ¹⁸ См.: Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 100. Д. 54629.
- ¹⁹ См. там же. Ф. 17. Оп. 100. Д. 142477.
- ²⁰ См.: *Делокаров К.Х.* Б.М. Гессен и философские проблемы естествознания // Вестник АН СССР. 1978. № 12. С. 76.
- ²¹ См.: *Ярошевский М.Г.* Академик Н.И. Бухарин – исследователь науки // Бухарин Н.И. Избранные труды. Л., 1988. С. 484.
- ²² См.: *М.Д.* VI Международный философский конгресс // Под знаменем марксизма. 1927. № 2 – 3. С. 200 – 210.
- ²³ Записки об ученых трудах действительных членов АН СССР по отделению гуманитарных наук, избранных 12 января и 13 февраля 1929 г. Л., 1930. С. 33.

- ²⁴ Придет время, и целый ряд из них также будут репрессированы, а в печати их будут обвинять в контрреволюции и вредительстве бывшие собратья, взбирающиеся по трупам на академический Олимп.
- ²⁵ См.: Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 384.
- ²⁶ Согласно заключению врачей Лечебно-санитарного управления Кремля А.М. Деборин страдал в этот период тяжелой неврастенией, психастенией, миастенией сердца и нуждался в длительном отпуске для лечения (см.: Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 338. Л. 144).
- ²⁷ См.: Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 313. Л. 90.
- ²⁸ См.: Вопросы философии. 1991. № 10. С. 82.
- ²⁹ См.: Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 384. Л. 70.
- ³⁰ Там же. Ф. 355. Оп. 1а. Д. 59. Л. 9.
- ³¹ См. там же. Ф. 355. Оп. 1а. Д. 59. Л. 16.
- ³² Там же. Ф. 350. Оп. 1. Д. 313. Л. 49.
- ³³ С.Ю. Семковский, двоюродный брат Л.Д. Троцкого, был до судебного запрета в 1920 г. членом ЦК меньшевиков.
- ³⁴ Архив РАН. Ф. 355. Оп. 1а. Д. 59. Л. 19.
- ³⁵ Там же. Ф. 355. Оп. 1а. Д. 59. Л. 20.
- ³⁶ См. там же. Ф. 350. Оп. 1. Д. 384. Л. 90.
- ³⁷ Там же. Ф. 350. Оп. 1. Д. 339. Л. 3-4.
- ³⁸ Там же. Ф. 350. Оп. 1. Д. 338. Л. 27.
- ³⁹ См.: *Луначарская-Розенель Н.А.* Память сердца. М., 1987. С. 161 – 171.
- ⁴⁰ См. комментарии А.А. Ермичева и А.М. Шитова // *Яковенко Б.В.* Жизнь и философия Иоганна Готлиба Фихте. СПб., 2004. С. 424, 451 – 452.
- ⁴¹ См.: Программа и Второй циркуляр Оргкомитета VII Международного философского конгресса // Архив РАН. Ф. 355. Оп. 1а. Д. 59. Л. 22-27-об.
- ⁴² Вестник Коммунистической академии. 1930. Кн. 40 – 41. С. 272.
- ⁴³ См.: Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 338. Л. 113.
- ⁴⁴ См.: Вестник Коммунистической академии. 1930. Кн. 40 – 41. С. 270 – 279; 1931. № 2 – 3. С. 117 – 126, см. также: *Луначарский А.В.* Собр. соч. М., 1967. Т. 8. С. 210 – 221.
- ⁴⁵ *Ральцевич В.Н.* Рецензия на книгу: *Лунпол И.К.* Ленин и философия. М. – Л., 1930 // Правда. 1930. 26 августа.
- ⁴⁶ *Аксакова-Сиверс Т.А.* Семейная хроника. Кн. 2. Париж. 1988.
- ⁴⁷ Сталин и космополитизм. Документы Агитпропа ЦК КПСС. 1945 – 1953. М., 2005. С. 439 – 440.

Наши авторы

Гундаров Игорь Алексеевич – доктор медицинских наук, кандидат философских наук, профессор, действительный член Российской академии естественных наук, руководитель лаборатории функций и методов управления здравоохранением НИИ общественного здоровья и управления здравоохранением ММА им. И.М. Сеченова.

Корсаков Сергей Николаевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения человека Института философии РАН, доцент кафедры философии Тверского государственного университета.

Мальчукова Нина Васильевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Иркутского государственного университета, член бюро молодежной секции НСММИ РАН.

Нестеров Александр Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры философии Самарского государственного аэрокосмического университета, член бюро молодежной секции НСММИ РАН.

Пронин Михаил Анатольевич – кандидат медицинских наук, руководитель исследовательской группы «Виртуалистика», заместитель заведующего отделом комплексных проблем изучения человека Института философии РАН.

Розов Михаил Александрович – доктор философских наук, профессор кафедры государственной и муниципальной службы ГУ-ВШЭ.

Труфанова Елена Олеговна – кандидат философских наук, научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН.

Фарман Инна Петровна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН.

Черткова Елена Леонидовна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН.

Чеснов Ян Вениаминович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН.

Швырев Владимир Сергеевич – доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН.

Юрьев Георгий Петрович – доктор медицинских наук, кандидат психологических наук, главный научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН.

CONTENTS

PHILOSOPHY AND CULTURE: THE TEMPORAL CONTEXT

Philosophy and Science ■

Constructivism in Modern Epistemology

<i>V.A. LEKTORSKY</i>	Constructivism and Realism in Epistemology	5
<i>V.S. SHVYRYOV</i>	From Classical Constructivism to Modern One	10
<i>M.A. ROZOV</i>	Cognition and Engineering Design	21
<i>I.P. FARMAN</i>	Constructivism as a Trend. Formation of Method and its Perspectives	35
<i>Y.L. CHERTKOVA</i>	Metamorphoses of Constructivism	47
<i>Y.O. TRUFANOVA</i>	“Ego” as seen by Constructivism	57

Practical Philosophy

<i>THE EDITORIAL</i>	Philosophy of Longevity	71
<i>Y.V. CHESNOV</i>	Landscape: the Inner Subject of Abkhazians’ Longevity Culture	75
<i>G.P. YURIEV</i>	Pifer Base of Longevity	84
<i>I.A. GUNDAROV</i>	Influence of Russian Population’s Spiritual Life on the Dynamics of Death-Rate in the Country	97
<i>M.A. PRONIN</i>	Personal and Professional Longevity: Canon of “Chzhud-shi” – Tibet Medicine and Virtualistics	107

SCIENTIFIC LIFE

Surveys, Announcements, and Other Information ■

<i>V.A. LEKTORSKY</i>	“Voprosi Filosofii” magazine is 60!	132
<i>N.V. MALCHUKOVA (Irkutsk), A.Y. NESTEROV (Samara)</i>	Artificial Intellect: Philosophy, Methodology, Innovation	135

The Unknown Past ■

<i>S.N. KORSAKOV</i>	The 7 th World Philosophy Congress in History of National Philosophy (Oxford, 1930)	138
----------------------	--	-----

■	On Our Authors	159
---	----------------	-----